

ISSN 2500–3682



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2021 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

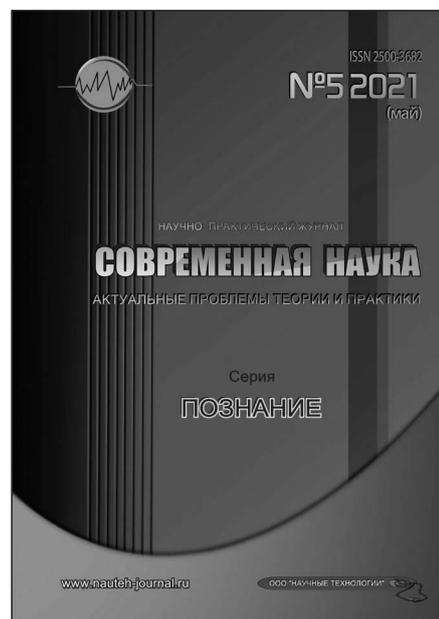
Подписано в печать 26.05.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №5 (май) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)



В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682



9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Ветров Д.Н.** – Перцепция мифологем советской действительности в современном российском сериале (на примере телесериала «Обратная сторона Луны») 6
Vetrov D. – Perception of the mythologems of soviet reality in the modern Russian TV series (on the example of the TV series "The other side of the Moon") 6
- Максуд Марлен** – Музыкальная традиция сирийской православной церкви и ее влияние на современную сирийскую музыку 10
Maksoud Marilyn – The musical tradition of the Syrian orthodox church and its influence on modern Syrian music 10
- Столярчук О.С.** – Отражение японской культуры в видеоиграх 15
Stolyarchuk O. – The reflection of Japanese culture in videogames 15
- Цзян Дань** – Исследование культурной идентичности китайских мигрантов в России 19
Jiang Dan – Study of cultural identity of Chinese migrants in Russia 19

Психология

- Абу-Талеб Д.В.** – Межпоколенная коммуникация в контексте современного образования личности 23
Abu-Taleb D. – Intergenerational communication in the context of modern personal education 23
- Аипова М.М., Ганишина И.С.** – Психологическая модель развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков 29
Aipova M., Ganischina I. – A psychological model of the development of students' moral consciousness in the process of learning foreign languages 29

- Алемаева А.Ю.** – Сравнительный анализ морально-нравственных целей подростков Москвы и Каира 32
Alemaeva A. – Comparative analysis of the moral goals of teenagers in Moscow and Cairo 32
- Багно О.А., Рассолов С.Н., Либонтова А.И., Равочкин Н.Н.** – Natural Horsemanship: теоретические аспекты изучения коммуникации между человеком и лошадью 39
Bagno O., Rassolov S., Libontova A., Ravochkin N. – Natural Horsemanship: theoretical aspects of studying human-horse communication 39
- Батуева С.В., Жакупова Я.Т., Герасимова О.Ю., Семченко Л.Н.** – Пилотное исследование уровней социально-личностного развития у дошкольников в театральной студии 43
Batueva S., Zhakupova Ya., Gerasimova O., Semchenko L. – Pilot study of the levels of social and personal development in preschool children in a theater studio 43
- Беглова Э.И.** – Особенности эмоционально-оценочного компонента образа «успешной личности» у женщин с разным уровнем психологической адаптированности 48
Beglova E. – Features of emotional and assessment component of the image of "successful personality" in women with different level of psychological adaptation 48
- Болзан В.А.** – Психологическое благополучие женщины в период беременности 53
Bolzan V. – The psychological state of a woman during pregnancy 53
- Герасимова О.Ю., Семченко Л.Н., Батуева С.В.** – Социальная тревожность и совладающее поведение у студентов первого курса медицинского университета 59
Gerasimova O., Semchenko L., Batueva S. – Social anxiety and coordinating behavior of first course students of medical university 59

- Досмагомбетова Э.А., Воронцова Е.Г.** – Результаты исследования взаимосвязи удовлетворённости обучением и профессиональной идентичности студентов вуза в условиях интенсификации цифровизации и дистанционной формы обучения
Dosmagombetova E., Vorontsova E. – The results of the study of the relationship between learning satisfaction and professional identity of university students in the context of the intensification of digitalization and distance learning. 65
- Дохоян А.М.** – Профилактика неоптимальных моделей семейного воспитания детей с ОВЗ
Dohoyan A. – Prevention of sub-optimal models of family upbringing of children with HIA. 71
- Зорина Н.Н.** – Эмоциональный интеллект: сущность и место в структуре личности
Zorina N. – Emotional intelligence, its essence and its place in the structure of personality 75
- Казанков В.В.** – Факторная модель устойчивости человека и объективные методики оценки
Kazankov V. – Factorial model of stability of the person and objective techniques of the assessment 81
- Казанков В.В.** – Функциональная модель устойчивости человека
Kazankov V. – Functional model of stability of the person. 86
- Майер В.С., Живаева Ю.В., Стоянова Е.И.** – Формирование профессиональной идентичности студентов-медиков посредством тренинга
Mayer V., Zhivaeva Yu., Stoyanova E. – Formation of professional identity of medical students through training. 90
- Нусинова Л.С.** – Основные подходы к изучению проблемы восприятия детьми межличностных отношений между взрослыми и ее оценке в современной социально-психологической науке
Nusinova L. – The main approaches to the study of the problem of children's perception of interpersonal relations between adults and its assessment in modern socio-psychological science. 96
- Соколова А.И., Кораблина Е.П., Тарасова Ю.Н.** – Изучение изменений мотивационного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов-юристов в условиях смены форм обучения
Sokolova A., Korablina E., Tarasova Yu. – Exploring the changes of the motivational component psychological readiness to professional activities law students in the face of changing forms of learning 101
- Таусенева М.С., Гуриева С.Д.** – Специфика карьерного конструирования и возможности социально-психологического сопровождения карьерного конструирования молодых специалистов
Tauseneva M., Gurieva S. – The specifics of career design and the possibility of socio-psychological support for the career design of young specialists 108
- Цыганенко О.С., Маркова О.А., Величко Т.И., Смирнов А.Г.** – Педагогические и психологические положения, как инструмент претворения инновационных образовательных технологий физического воспитания в учебно-тренировочный процесс при дистанционном обучении
Tsyganenko O., Markova O., Velichko T., Smirnov A. – Pedagogical and psychological provisions as a tool for implementing innovative educational technologies of physical education in the educational and training process in distance learning 112
- Чернов А.Ю.** – Особенности личностной идентичности «постоянных» и «временных» мигрантов
Chernov A. – Features of the personal identity of "permanent" and "temporary" migrants 118
- Шаар Маалоули Мария** – Патопсихологическая структура влечения к наркотику и критика к болезни у пациентов с полинаркоманиями
Chaar Maalouli Maria – Pathopsychological structure of drug attraction and criticism to disease in patients with polynarcommania 123

Философия

- Божедаров Д.А., Каликанова К.И.** – Философия «Тик-Ток» - новый дискурс медиалогии
Bozhedarov D., Kalikanova K. – The philosophy of Tik-Tok as a new discourse of medialogy 127
- Извекова Т.Ф.** – Парадигма соотношения веры и знания в немецкой философской традиции (А. Шопенгауэр, Л. Фейербах, К. Маркс)
Izvekova T. – The paradigm of the relationship between faith and knowledge in the German philosophical tradition (A. Schopenhauer, L. Feuerbach, K. Marx) 131
- Климинская С.Л.** – Антропологические основания концепции устойчивого развития
Kliminskaya S. – Anthropological features of the discourse of sustainable development 135
- Кузьменкова Т.Л.** – Трансформация аксиосферы студентов в условиях цифровизации общества: социально-философский анализ
Kuzmenkova T. – Transformation of students' axiosphere in the context of digitalisation of society: socio-philosophical analysis 139
- Курбатов А.В., Курбатова Л.А.** – Ценностно-смысловая философия
Kurbatov A., Kurbatova L. – Value-sense philosophy 142

Рычанский Д.А., Берёзкина И.В. – Философские и естественнонаучные аспекты в контексте анализа и поиска критериев определения категории объект – тело

Rychansky D., Berezkina I. – Philosophical and natural science aspects in the context of analysis and search for criteria for determining the object – body category 151

Смирнов С.В. – Глобальное потепление и ресурсный дефицит: оценка сценариев экологической катастрофы

Smirnov S. – Global warming and resource deficit: assessment of environmental disaster scenarios. . . 155

Соболева Е.А. – Опыт использования эмпирических методов в культурфилософских исследованиях

Soboleva E. – The experience of using empirical methods in cultural and philosophical research . . . 159

Информация

Наши авторы. Our Authors. 163

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 165

ПЕРЦЕПЦИЯ МИФОЛОГЕМ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СЕРИАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ»)

PERCEPTION OF THE MYTHOLOGEMS OF SOVIET REALITY IN THE MODERN RUSSIAN TV SERIES (ON THE EXAMPLE OF THE TV SERIES "THE OTHER SIDE OF THE MOON")

D. Vetrov

Summary: In modern Russian society, due to the growing time and cultural gap, a mythological attitude towards the Soviet Union is clearly emerging, which gives rise to the exploitation of certain aspects of the image of the USSR in audiovisual culture. The purpose of this article is to identify and analyze neo-mythological manifestations in the reception of the image of the late USSR in the modern audience on the example of the first season of the TV series "The Other Side of the Moon".

Keywords: archetype, ziggurat, Golden Age, myth, neo-mythologism, trickster, image of the USSR.

Ветров Дмитрий Николаевич
старший преподаватель, Институт
кино и телевидения ГИТР
vetrov.interprete@mail.ru

Аннотация: В современном российском обществе, за счет возрастающего временного и культурного разрыва, очевидным образом вырисовывается мифологическое отношение к Советскому Союзу, что дает повод для эксплуатации тех или иных аспектов образа СССР в аудиовизуальной культуре. Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе неомифологических проявлений в рецепции образа позднего СССР у современной аудитории на примере первого сезона телесериала «Обратная сторона Луны».

Ключевые слова: архетип, зиккурат, Золотой век, миф, неомифологизм, трикстер, образ СССР.

В данном исследовании предпринята попытка проанализировать, с точки зрения различных стратегий мифотворчества, отражения фантастического и контраналитического отношение к миру относительно недавнего прошлого.

Сама насыщенность кинотекста мифологическими вкраплениями и аллюзиями дает нам повод рассматривать дискурс данного сериала в контексте мифологизма (и его деконструкции): это и прямое цитирование славянского эпоса (упоминание Стрибога), и наличие антагониста, в котором легко узнается архетипическая фигура трикстера, и даже ложный намек на Эдипов треугольник (ложный, ибо, в отличие от архаического Эдипа, герой Соловьев прекрасно знает, что в новой реальности занял место отца и потому избегает всех контактов с матерью).

Таким образом, мифологический антураж подталкивает нас к рассмотрению диегетического пространства сериала в том числе и в контексте архаичных мифов, и связанной с ними архетипикой.

Фильм открывается преследованием Рыжего маньяка (И. Шибанов), который в результате несчастного случая оказывается вместе с милиционером Соловьевым (П. Деревянко) в реальности брежневского СССР. С точки

зрения мифологии, фантастический механизм переноса характерен для проделок трикстера: в кульминации сцены погони мы отчетливо видим тоннель, в который устремляется Соловьев вслед за Рыжим (проводником). Как указывает Хелена Бассил-Морозов в книге «Трикстер в современном кино», задача трикстера – помочь герою пройти через ряд трансформаций, в частности посредством проведения героев через пограничные состояния и преодоления различных границ, чтобы в итоге вернуть их в исходную реальность, условность которой оказалась нарушена (причем герои в ходе данной авантюры имеют крайне ограниченный контроль над ситуацией).

Тот факт, что значительный пласт фильмической реальности представлен как болезненный сон Соловьева – измерение, в котором правит Рыжий, – дает повод вспомнить комментарий Юнга к книге Пола Радина, где аналитик утверждает способность сознания «освободиться от притягательности зла» в условиях развитой культуры. Но поскольку «тьма и зло не рассеялись как дым», но лишь утратили энергию и удалились в бессознательное, эта способность сохраняется лишь при здоровом функционировании сознания. «Однако если сознание попадает в критическую ситуацию, скоро становится ясно, что тень не исчезла бесследно, но лишь ждет своего часа, чтобы заявить о себе в виде проекции на другого».

Таким образом, воспользовавшись травмой героя, Маньяк из реального мира перенял в результате проекции роль трикстера в воображаемом советском мире Соловьева.

С терапевтической точки зрения, действия маньяка-трикстера можно рассматривать как своеобразную помощь Соловьеву, не только на пути к исцелению и возвращению в привычный мир; согласно Гаврилову, роль Маньяка может в данном контексте заключаться в том, чтобы «посредством нарушения социальных норм разорвать порочный круг мира, где все предопределено... создавая многовариантность, свойственную в мифах богам хтоническим. Трикстер тем самым работает на переходе от жесткой системы к многовариантной».

Как мы указали, другим поводом для мифологического анализа сериала служит также представленная в сериале (эпизод 6) мифологема эзотерической составляющей современной науки.

Еще Барт, приводя в качестве примера мифологизации существования и деятельности научного сообщества медийный феномен Эйнштейна, который своей работой породил мифологию в отношении нового научного знания, указывает на двоякую сущность ученого, который сочетает в себе механическую рациональность, преодолевающую страх перед непонятным («миф об Эйнштейне помог создать образ знания, целиком заключенного в формулы») и магическую природу открытия, «[вплощающего] в себе старый эзотерический образ науки, целиком заключенный в нескольких знаках». Таким образом, природа научного знания через призму мифологии дает надежду на снятие иррациональности и завесы мрака с непостижимой и враждебной природы.

В сериале эта роль отведена проф. Яблокову, который занят раскопками капища Стрибога в центре Москвы. Рассказ профессора о славянском божестве наводит Соловьева на мысль о ряде совпадений его ситуации с положением человека, попавшего в немилость к Стрибогу, способному выдувать из тела душу и переносить её в чужие тела. Иными словами, именно в комментариях профессора Соловьев видит если не решение, то по крайней мере сложившуюся в научных кругах концептуализацию собственной проблемы).

Притом, слова ученого (профессора археологии: науки, связующей доаналитическую архаику и логоцентристскую современность) – это частичная победа рационального над иррациональным (или по крайней мере приближение к ней, ибо окончательный ответ на загадку своих злоключений Соловьев, как настоящий архетипический герой, вынужден искать самостоятельно: речь идет о «фатальной неизбежности сакрального, которое [ученый] пока не в силах устранить»).

Однако в рамках данного анализа будет рассмотрен лишь аспект эксплуатации возможно самого мифологизированного фрагмента нашей истории: Брежневского СССР, репрезентированного как идеал культурного героя.

При анализе мифологем в сериале «Обратная сторона Луны», несмотря на присутствующие в картине политические атрибуты советского прошлого, мы имеем в виду не столько бартовское понимание мифа как «похищенного языка» с целью «деполитизации слова» или создания какой бы то ни было политической рекламы, но скорее проблематику мифа в понимании А.Ф. Лосева: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история».

Мифологическое сознание, согласно А.Ф. Лосеву, не ушло в прошлое, и не было заменено человеком Нового времени на рациональное сознание: мифология с её иррационализмом остается неотъемлемой частью человеческого мировосприятия. «Мифическое творчество никогда прекратиться не может <...> Если говорить не о содержании мифов, а о самом принципе мифологии, <...> я утверждаю, что эта [западная] культура мифологична, как и все на свете <...> Европейская мифология есть один из необходимых диалектических этапов всемирно-человеческой мифологии».

Выделим основные мифологемы, присутствующие в продукте аудиовизуальной культуры, который составляет предмет данного исследования.

Ключевой мифологемой, которую эксплуатирует сериал, является архетип так называемого «Золотого века» применительно к Советскому прошлому. Рассмотрим две главные черты данного архетипа.

А. Субъекты мифа переживают ностальгию. Как иронично отмечает Элиаде, «можно составить очаровательное описание типичных образов, которое бы раскрывало многочисленные личины, за которыми скрывается ностальгия по Раю <...> Люди эпохи Возрождения, также как и люди средних веков и периода классицизма, хранят в памяти мифическое время, когда человек был неиспорченным, совершенным и счастливым».

Неудивительно, что и современное общество располагает подобным ощущением в отношении сравнительно недавнего Советского прошлого. Так, в сериале события, репрезентирующие «настоящее» время (2011 год) отображены исключительно в холодных тонах, в то время как образ Союза в сознании героя Деревянко отображен в теплых тонах. Контраст данных планов повествования нарочито подчеркнут в эпизоде у магазина «Мелодия» («Грампластинки») на Калининском, когда на героя снисходит мгновенное «озарение», при котором

он воспринимает современный Новый Арбат с вывеской «Супермаркет» в холодных тонах, после чего его мир вновь предстает в теплом колорите. Таким образом, на уровне цветопередачи формируется инстанция, отражающая ностальгический характер отношения к утерянному идеализированному прошлому.

Иные примеры носят вербальный характер. Так, например, в конце первой же серии имеет место диалог с задержанным оппортунистом, в котором главный герой, с высоты современной ему постсоветской эпохи, выражает определенно позитивную оценку советского прошлого на контрасте с миром капитализма.

Б. Люди «золотого века» живут в непосредственной близости с богами.

Одной из важных черт, приписываемых «Золотому веку» является «возможность подняться на Небо и свободно встретиться с богами...», возможность, которая была утеряна «в результате изначального происшествия — “падения” человека, определившего онтологическую переменную собственного состояния человека, а также космический раскол».

Данному аспекту рассматриваемой мифологемы соответствуют эпизоды, описывающие встречи с представителями элиты и известными личностями отечественной культуры и истории. Если даже рассматривать сцену встречи с юным Киркоровым, которому герой дарит пластинку Пугачёвой, и с молодым Михаилом Боярским в ночном дворе собственного дома (историческое несоответствие, поскольку Боярский к 1979 году, по хромотопу данного эпизода, уже был известен по роли д'Артаньяна, и не мог предстать перед Соловьевым как безвестный персонаж) как носящие комический эффект, нацеленный исключительно на зрелищность, существует ряд других моментов, отражающих принципиальную возможность встречи «обычного советского человека» (так герой Деревянко представляется в начале пятой серии) с любым представителем власти и актерской среды.

В четвертой серии капитан Соловьев достаточно легко попадает, после творческого вечера Высоцкого, на квартирник к нему домой, где их вместе запечатлевают на карточке Polaroid.

В конце пятой серии Соловьев случайно встречает будущего лидера государства, Горбачева, в наименее подходящем для этого, с т.з. церемониальной логики, месте: туалете ресторана; и дает тому советы по поводу грядущей перестройки.

Наконец, по итогам собственного расследования, герой лично встречается с высокопоставленным чиновником внутривластного ведомства (неким Тро-

фимовым) перед проходной, и указывает на проступки и маргинальное поведение его внука, что в результате имеет успех.

Подобная возможность контактов «кумиров» и простых граждан, которая представляется фантастической и невозможной в нынешнее время, указывает на воссоздание утопической модели мира на основе образа утерянного прошлого.

В главе «Символика центра» своего сочинения «Космос и история» Элиаде, рассуждая о колоссальных культовых сооружениях древности указывает: «Архитектоническую символику центра можно сформулировать следующим образом: а) Священная Гора, где встречается Небо с Землей, расположена в центре Мира; б) любой храм или дворец <...> есть священная гора, а тем самым и некий центр; в) будучи осью мира, храм рассматривается как точка соприкосновения Неба, Земли и Ада <...> Зиккурат был вселенской горой: его семь этажей представляли семь небес...».

В начале второй серии герой П. Деревянко, получив по телеприемнику сообщение от напарника из «реального мира», выходит на крышу, чтобы изучить антенну, с которой, в его понимании, должен приходиться сигнал. Именно на той крыше мы впервые видим шпиль Останкинской телебашни. В кадре взгляд героя устремлен на шпиль, при том что сам актер словно «опутан» волнами антенны: эксплицируется некая связь между героем и башней: ведь именно благодаря телеприемникам его друзья, оставшиеся в реальном «настоящем» (2011 года) могут обрести с ним связь.

О том, что башня отныне находится в центре мира – воображаемого Советского Союза, – который герой сконструировал в сознании в результате травмирующего ДТП, свидетельствует иной эпизод из той же второй серии. В кадре, за магазином «Хозтовары», виднеется шпиль Останкинской башни. Стоящий рядом гражданин объясняет Соловьеву, как пройти к магазину «Мелодия», что на проспекте им. Калинина, показывая в левую часть кадра со словами: «Через квартал, возле “Мелодии”». Уже в следующем кадре мы видим героя на Калининском. Совершенно очевидно, что в районе Нового Арбата не существует такого места, из которого была бы видна Останкинская башня, по крайней мере, под тем углом, который мы видим в предыдущем кадре. Но Башня находится в центре воображаемого мира, и вполне может оказаться в центре Москвы, «через квартал» от Арбата.

К каким же выводам позволяет нам прийти данный обзор мифологем? Образ брежневской эпохи (образца 1979 года), представленной в сериале, является не репрезентацией реального исторического времени, но лишь путешествием по ландшафту собственных воспо-

минаний героя: по времени своего детства, прошедшего в эпоху, где есть основа и смысл. С т.з. экранной культуры современной России, интерпретация образов и мотивов СССР начала 80-х служит эксплуатации ностальгии зрителя, и носит чисто развлекательный характер. Об этом свидетельствует отсутствие аналитики и чистая апелляция к эмоциям аудитории, зрелищность (порой доходящая до эксплуатации боевого искусства, которым мастерски владеет капитан Соловьев).

О том, что воспроизведенный на экране мир – не есть образ реального Союза, но реконструкция воспоминаний главного героя, нам говорит, в частности, смена фокализации.

Так, в четвертой серии, на творческом вечере Высоцкого, происходит смена фокализации с внутренней (с точки зрения Соловьева, смотрящего на Высоцкого из партера концертного зала) на нулевую (Высоцкий звучит на записи в больничной палате). Так, в определенные моменты мы не просто наблюдаем расфокусировку кадра с переносом фокуса на визир (ВКУ) телевизионной камеры (в кадре изображение на визире – цветное, в то время как реальные ВКУ советских телекамер давали монохромное изображение; еще одно подтверждение того, что репрезентируемый мир – вымышленный), в которой продолжаем наблюдать Высоцкого, но и введение нулевой фокализации, когда на экране того же визира возникает сцена больничной палаты, где находится пострадавший в ДТП Соловьев (2011 год), с проигрывателем, из которого льется запись Высоцкого.

Не менее важным является аспект саморепрезентации кинематографической составляющей повествования: как минимум дважды по ходу сюжета герой оказывается на съемочной площадке кинофильма. С точки зрения дискурсивной составляющей, авторская инстанция подчеркивает нереальность событий, творящихся

вокруг героя.

В восьмой серии, где герой ведет расследование на съемочной площадке военного кинофильма, Соловьев стоит на линии огня и неоднократно оказывается вблизи разрывающегося снаряда, но при этом остается невредим. Ответ напрашивается сам собой: кино – это иллюзия. Но не иллюзией ли вообще является и сам мир, что Соловьев воздвиг вокруг себя на основе детских воспоминаний?

Обыгрывание вышеупомянутых встреч героя с политиками, звездами экрана и сцены восьмидесятых годов (и иные маркеры интертекстуальности) также носит гротескный характер. Так, в четвертой серии, получив в очередной раз личное сообщение по телеприемнику от сослуживца Андрея, Соловьев, пытаясь ответить ему, выкрикивает его имя в экран, где уже через мгновение появляется трансляция выступления А. Миронова, читающего «Признание» А.С. Пушкина. Это, на наш взгляд, одно из многочисленных свидетельств развлекательного характера эксплуатации образов Советского прошлого. Комизм находит выражение и в сцене той же серии, когда Соловьева принимают за Высоцкого – сперва поклонница в гримерке, затем восторженная толпа, которая выносит героя на руках из служебного входа дома культуры.

Данные сцены очевидным образом призваны повысить зрелищность сериала в целом, из чего мы делаем вывод о неисчерпаемом богатстве мотивов, которые легко могут быть вырваны из исторического контекста и под тем или иным художественным предлогом войти в основу мифотворчества с целью создания произведения массовой культуры, построенном на легко узнаваемых, и благодаря тому удобных для дальнейшего расширения интертекстуального поля образов и мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мозг Эйнштейна // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с. – С.17
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001, 558 с. – С.212
4. Радин, Пол. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комм. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи // Пер. с англ. Кирющенко В.В. – СПб.: Евразия, 1999. – 288 с. – С.280
5. Элиаде, Мирча. Космос и история. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1987. – 313 с. – С.38-39
6. Элиаде, Мирча. Мифы. Сновидения. Мистерии. – М.: Рефл-бук, 1996. – 287. – с.44
7. Bassil-Morozow, Helena. 2011. The Trickster in Contemporary Film, p.29. New York: Routledge

© Ветров Дмитрий Николаевич (vetrov.interprete@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ СИРИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ СИРИЙСКУЮ МУЗЫКУ

Максуд Марлен

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
marilyn.maksoud@gmail.com

THE MUSICAL TRADITION OF THE SYRIAN ORTHODOX CHURCH AND ITS INFLUENCE ON MODERN SYRIAN MUSIC

Maksoud Marilyn

Summary: The musical tradition of the Syrian Orthodox Church has repeatedly attracted the attention of art critics and cultural experts. The origin of the Syrian Orthodox church music culture can be traced back to the dawn of Christianity. The results of this study will allow us to point out the reasons due to which the Syrian church music has unique features, making it a special phenomenon in the musical culture of the Orthodox world. These factors are considered in the article as an attempt to supplement and expand the already existing body of knowledge about the musical tradition of the Syrian Orthodox Church and its influence on contemporary Syrian music.

Keywords: Syrian Orthodox Church, musical tradition, contemporary Syrian music, Middle East, religious Christian compositions.

Аннотация: Музыкальная традиция Сирийской православной церкви неоднократно привлекала внимание искусствоведов и культурологов. Зарождение сирийской православной церковной музыкальной культуры можно проследить еще на заре христианства. Результаты данного исследования позволяют указать причины, благодаря которым Сирийская церковная музыка обладает уникальными чертами, сделав её особым явлением в музыкальной культуре православного мира. Обозначенные факторы рассматриваются в статье, как попытка дополнить и расширить уже существующий массив знаний о музыкальной традиции Сирийской православной церкви и ее влиянии на современную сирийскую музыку.

Ключевые слова: Сирийская православная церковь, музыкальная традиция, современная сирийская музыка, Ближний Восток, религиозные христианские композиции.

Музыкальная традиция Сирийской православной церкви берет свое начало в первых христианских общинах Ближнего Востока и вплоть до настоящего времени сохраняет свой собственный стиль и уникальность. К сожалению, изучение формирования и становления сирийской музыкальной традиции еще довольно слабо изучено и является одним из белых пятен культурологической науки. В данной статье осуществляется попытка обозначить основные этапы формирования музыкальной культуры сирийской церкви, а также то влияние, которое она оказала на музыкальную культуру Сирии в целом.

Известно, что музыка и песнопения были важной составляющей христианства с первых веков его существования. Еще апостол Павел, основавший Антиохийскую общину, говорил: «Назидая самих себя псалмами и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу» [7, с. 307]. Являясь авраамической религией, христианство испытывало на себе ощутимое влияние иудаизма. Как известно, в данной традиции псалмы, гимны и музыкальные инструменты были органическим компонентом религиозных ритуалов, что также было перенято христианами для богослужений.

Но музыкальная традиция Сирийской православной

церкви в процессе своего развития опиралась не только на песнопения первых христиан и наследие иудаизма. Определение её генезиса и фундаментальных источников в процессе формирования представляет собой основную предмет настоящего исследования.

«Музыкальной традиции Сирии с момента её зарождения была присуща устная форма передачи, открытость и отсутствие жесткой структурированности, что способствовало её широкому распространению среди различных слоев населения» [2, с. 95]. Эти факторы также можно считать причинами того, что на неё оказывали существенное влияние культуры и традиции соседних стран, но несмотря на это, ключевые аспекты становления данной музыкальной традиции исторически связаны именно Сирией.

Первые религиозные христианские композиции опирались как на фольклорную традицию, так и на предшествовавшие им обрядовые языческие песнопения, видоизмененные для нужд нового вероучения. Среди авторов, осуществивших этот труд можно отметить: Маравана, Мараболо, Якоба Саруджи, Шимона Аль-Фахари.

«Христианизация территории Сирии проходила довольно медленно, особенно это касается областей, на-

ходившихся за пределами непосредственного влияния Антиохийской церкви» [6, с. 17]. Но и после утверждения нового вероучения на территории данного региона, его население продолжало позиционировать собственную идентичность в сфере религиозной жизни. Иерархи Сирийской Православной церкви не приняли положения Халкидонского собора 451 года, что привело к её обособлению от Византийской церкви и созданию собственных патриарших кафедр.

Постепенно Сирийская православная Церковь все более впитывала и интегрировала в свою музыкальную традицию более простые и близкие народу фольклорные стили. Среди наиболее известных подвижников Сирийского Православия, оказавших влияние на его музыкальную традицию, можно отметить Иоанна Дамаскина, написавшего песнопения (гимны) – так называемые «каноны», состоящие из девяти связанных друг с другом од. Каждая песнь данного канона включает в себя вводный тропарь и еще несколько тропарей с разным текстом, исполняемые в одинаковом с ведущей мелодией ритме. Св. Иоанн Дамаскин обозначил характерные именно для сирийской церковной одноголосой музыки особенности, уделив много внимания её развитию.

Значительная роль в исследовании влияния церковной музыкальной традиции на сирийскую культуру принадлежит Нури Искандару. В одном из своих интервью он говорит о том, что десять лет прожил в городе Алеппо, посещая мечеть, где слушал зикры и мавлиды. Он пришел к выводу, что исламские ритуальные мелодии являются прямым продолжением сирийской музыки и закономерным этапом её развития.

Будучи христианином Нури Искандар на протяжении многих лет изучал церковную музыкальную традицию и её взаимодействие с народной сирийской музыкой. Так, например, он выяснил, что аль-Кудуд аль-Халабия (одно из аутентичных сирийских музыкальных искусств, которым город Алеппо славился с древних времен) в некоторых своих аспектах является интерпретацией церковных мелодий, на которые были положены слова народных песен.

Наглядным примером прямого заимствования народом церковной мелодии является гимн «Тарао Дилох Хануну», который можно перевести с арамейского как «Врата Господни есть добро». В фольклорной традиции он превратился в песню «Аль-Бюльбюль Наги Госн Аль-Фуль», что значит «Бюльбюль сидит на ветке и поет».

Кроме того, сам Нури Искандар в своем творчестве опирался на музыкальную традицию сирийской православной церкви. Из наиболее значимых его трудов следует отметить «Ахаат», «Неми Омран», «Концерт для уда», «Диалог любви», «Концерты для лютни и виолончели» и

«Трехсоставная струна». Среди них можно выделить целый ряд поэм, объединенных общей темой. Например, поэма «Хатама» принадлежащая перу Хуссейна Хамзи, которая еще не была выпущена на CD, но при этом, неоднократно исполнялась, в том числе в Швеции в 1989. На арамейском её название звучит как «Баркана» - что означает «наслаждаться».

Мунир Вахиба аль-Хазен акцентировал внимание на том, что историки расходятся во мнениях относительно даты появления сирийской музыки в восточных церквях. Но вполне вероятно, что первым, кто использовал мелодии и песни был Вафа - сирийский философ, который жил до нашей эры. Христианская революция была основана на всех проявлениях роскоши, экстравагантности и погружении в объятия удовольствий, которые были распространены в римскую эпоху. Но эта ситуация многое перевернула с ног на голову, и первые христиане начали считать музыку нарушением религии. В связи с этим обстоятельством она была запрещена в периоде ранней церкви. Уточнялось, что музыка является инструментом для пробуждения инстинктов, поэтому верующим достаточно было религиозной медитации, благоговения, молитвы и аскезы.

По мнению Нури Искандара, в первые три века христианства верующие использовали мелодии еврейской синагоги из-за отсутствия христианских мелодий. Поэтому псалмы Давида, книга песнопений, притчи, причитания Иеремии, ученики Исаяи и хвала трех мальчиков в печи - все эти молитвы с их мелодиями вошли в церковное служение. В итоге отцы сирийской церкви добавили тексты, псалмы и гимны в ход литургии, которая не была завершена до конца седьмого века святым Иаковом ар-Рахави (209 г.). Результатом этого обстоятельства стало появление следующих сирийских мелодий:

1. Языческие мелодии, предшествовавшие христианской эпохе, на которые были установлены новые религиозные тексты с христианскими концепциями.
2. Мелодии, составлены и сочинены отцами церкви, такими как: Мар Эфрем, Мар Рабула 435 г. н.э., Якуб аль-Суруджи 521 г. н.э., Шимон аль-Фахар 514 г. н.э., Мар Суириус Антиохийский 538 г. н.э., Мар Исхак, Мар Палай, Мар Я` куб аль-Рахави 708 г. н.э.

В конце IV века значительную роль в деле развития православной духовной музыки Сирии сыграл Мар Афрем аль-Сириани, особой заслугой которого явилось привлечение для церковных песнопений женского хора. В целом для музыкальной культуры сирийского Православия голос исполнителя всегда являлся значимым элементом.

Согласимся с мнением Нури Искандара, что сирийская церковная музыка является продолжением древ-

ней языческой музыкальной традиции Сирии и Месопотамии. По его мнению, в период язычества храмовой музыке был присущ гораздо больший драматизм, чем в христианскую эпоху. В недрах церковной музыкальной традиции он прослеживается крайне редко, в особых случаях. Например, в особой службе на страстную пятницу, чтобы подчеркнуть трагизм мученической смерти Христа.

Важным остается и тот факт, что «музыка не вошла бы в сирийскую церковь быстро, легко и спонтанно, если бы песнопения и гимны не исполнялись на родном языке. Якуб аль-Бартали, в XIII веке писал, что христиане пели свои псалмы не только в церквях, но также и в домах, на площадях и дорогах» [3, с. 197]. Также он свидетельствует, что они при этом использовали гонги, гитары, бубны, тарелки и трубы.

Из вышесказанного становится ясно, что музыка вошла в богослужение в сирийской церкви если не с момента ее зарождения в первом веке нашей эры, то, по крайней мере, во времена святого Афрама Аль-Сирианея в IV веке. Это очень важный факт для исследования подлинности сирийской церковной музыки. Если бы эта музыка не была частью культурной традиции сирийского народа, она не вошла бы с такой легкостью и спонтанностью в церковь Сирии и не смогла бы выразить самые сокровенные тайны его духовной жизни.

Сирийская музыкальная традиция состояла из восьми ладов, так называемых Икадис в соответствии с книгой Аль-Лу'лу'аль-Мантур («Рассеянный жемчуг») патриарха Афрама Бурсума I [2]. Она зародилась в Греции и была распространена в древности на довольно широкой территории - Сирии, Ираке, Индии, части Азии и Турции. Данная музыкальная традиция сохраняется в недрах Сирийской православной церкви и народной музыки вплоть до настоящего времени.

Изначально в сирийской музыке было двенадцать основных ладов. Четыре из них не соответствовали традициям литургического богослужения, поэтому церковники отказались от них, оставив лишь восемь. Нури Искандар дает научное описание каждого из этих ладов, связывая их с определенным музыкальным жанром каждого из родов, населявших территорию Ближнего Востока. «Первый и второй лады он связывает с родом баят, третий с родом сика, четвертый с родом раст, пятый с родом хиджас, используемый в сельской местности вышеупомянутого региона и с родом раст, который распространен сейчас в Турции. Шестой восходит к роду нахаванд, а седьмой - к роду саба. Последний, восьмой лад он отчасти связывает с родом раст» [9].

Восьмиладовая традиция существовала повсеместно вплоть до VII века, когда данную территорию завоевали

арабы, которые использовали её для создания своей собственной музыкальной традиции – так называемых макамов. Таким образом, можно утверждать, что макамы являются прямым продолжением сирийской музыкальной традиции, представляя следующий этап её развития с увеличением художественных формул. Сирийская национальная и церковная музыка свое начало взяла от арабской музыкальной традиции.

Кроме того, на музыку сирийского православия оказала значительное влияние музыкальная традиция местного населения данного региона. «После обособления от влияния Византии, сирийская церковь шла на все большее сближение с местной традицией, впитывая в себя её черты и особенности» [7, с. 46]. Церковные песнопения и гимны слагались на основании народных мотивов, близких и понятных большинству населения. Благодаря этому фактору церковная музыка не воспринималась населением как нечто чуждое и далекое, а становилась частью народной культуры, что позволило в будущем произойти обратному процессу, - когда церковные гимны и песнопения превращались в популярные светские песни.

Известно, что сирийцы были народом, приверженным к поклонению, и всегда исполняли религиозные обязанности касательно духовных гимнов и песнопений. С приходом христианства и присоединением язычников к этой новой религии группами, появилось много языческих мелодий, которые пели в храмах, и которые вошли в сирийские христианские церкви, став частью их мелодий. Они были собраны и добавлены уже нашими сирийскими предками в книге «Бейт Каз». Это название книги означает «Хранилище мелодий». Сирийская церковь унаследовала эти древние мелодии и действительно стала их надежным хранилищем.

По этому поводу Патриарх Ефрем I Барсум (1887-1957) говорит в своей книге «Аль-Лу'лу 'Аль-Мантур»: «Священники согласились с этим, то есть введя языческие мелодии по трем причинам: противостоять язычеству и тем, кто принял ересь, и кто пытался развратить молодежь, их веру и нравственность [2, с. 54]. Использовали эти мелодии в богослужении, чтобы отвести скуку от поклоняющихся, читая длинные гимны и пробуждать чувства к осознанию смысла молитвы, потому что, если поклоняющиеся поют или слышат пение они впитывают значение того, что они поют и так быстрее молитва проникает в их души и глубже в их сердца и вызывает благоговение. Священники следовали этому методу подобному пророку Давиду и его организованному хору.

Последователи сирийской церкви в Иерусалиме - евреи и эдомитяне в эпоху римской империи и с приходом в новую религию начали использовать церковные гимны на арамейском языке, взятые из книг Торы и Псалтири Давида.

«Псалмы – это сирийский феномен, означающий песни, и их количество составляет 150 псалмов, каждый псалом имеет название, указывающее на его происхождение или на его тип, или на музыкальные инструменты, сопровождающие его, или указывающее на его мелодию и использование в богослужении» [8, с. 250] В связи с этим сирийский музыкант Нури Искандар пишет: «Первая христианская церковь в Иерусалиме и вторая в Антиохии были сначала под влиянием некоторых еврейских в гимнах, таких как Псалмы» [4]. Но это не означает, что музыка первой христианской церкви (Сирийской) основана в целом на иврите, и нет сомнений в том, что евреи заимствовали свою музыку из Месопотамии и они заимствовали шумерскую музыкальную гамму из поколения в поколение и использовали ее во времена Ездры [5].

Музыкальная традиция Сирийской Православной церкви опиралась в своем становлении на четыре основных фактора:

1. видоизмененные для нужд церкви обрядовые языческие песнопения культов, существовавших на данной территории в дохристианский период;
2. фольклорная музыка народов Сирии, Ассирии и Армении, которая была интегрирована в церковную музыкальную традицию;
3. музыкальные сочинения и молитвы отцов Антиохийской церкви;
4. церковная музыкальная традиция Византийской империи (каванин иунанийа - буквально греческие законы), являвшейся для Сирийской церкви значимым авторитетом [1].

Музыкальная культура сирийской православной церкви преодолела долгий путь в своем развитии, вбирая в себя особенности каждого конкретного исторического периода и оказывая значительное влияние на дальнейшее формирование музыкального наследия Сирии. К сожалению, следует констатировать, что из-за устоявшейся устной передачи и отсутствия навыка нотного письма, многое в этой традиции не сохранилось до наших дней.

В результате исследования установлено, что корни религиозной сирийской музыки скрыты в дохристианской эпохе, в языческих церемониях древних храмов

Месопотамии и Сирии. Свидетельством продолжения этого древнего музыкального наследия в христианскую эпоху и его проникновения в сирийскую церковь является так называемый Икадис, восьмиладовая музыкальная традиция, существовавшая на территории Ближнего Востока вплоть до арабского завоевания.

Мы также пришли к выводу, что данная традиция не исчезла в VII веке, но была использована арабами при создании их собственных макамов. Отличительными чертами сирийской церковной музыкальной традиции являются:

1. простота формы исполнения композиций;
2. передача музыкального наследия осуществлялась устно и опиралась на фольклорную традицию, близкую и понятную широким слоям населения - богослужение проводилось на простом и понятном для каждого верующего языке;
3. общей стилистике исполнения были присущи спокойствие и одухотворенность. Основное внимание акцентировалось на эмоционально-чувственном восприятии;
4. наличие расстояние между четвертями, что роднит её с музыкальной четвертичной традицией Ближнего Востока (арабско-турецкой и персидской);
5. наличие в музыкальных композициях собственного уникального ритма;
6. наличие в некоторых мелодиях элементов поэтических параллелей.

Нури Искандар один из самых влиятельных композиторов XX века, чье музыкальное наследие значительно обогатило современную сирийскую музыкальную культуру и повлияло на неё. Есть все основания утверждать, что в том числе благодаря творчеству этого композитора музыкальная традиция сирийского православия значительно повлияла на сирийскую современную музыку.

Тема влияния сирийской церковной музыкальной традиции на светскую музыку может быть интересна культурологам как в России, так и в других странах. Изучение взаимного обогащения различных музыкальных культур, их генезиса и развития представляется важной темой для исследователей XXI века по всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Бюльбюль Наги Сабах Фахри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=zaZVDj88G2Y&ab_channel=latito007 (дата обращения – 10 апреля 2021 года)
2. Барсом. И.А. Рассеянный жемчуг. История сирийской литературы и наук, 1920. - 611 с.
3. Дауд Ахмед. История Сирии Древняя цивилизация – т. 2. Дамаск: Дар-Ал-шарк Полиграфия и издательская деятельность, 2004. - 703 с.
4. Колокола Востока - Нури Искандар – композитор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=kD_hs1G6FZk (дата об-

- ращения – 10 апреля 2021 года)
5. Новый Завет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/jn/> (дата обращения – 12 апреля 2021 года)
 6. Робертсон Р. Восточные христианские церкви. СПб.: 1999. - 45 с.
 7. Самир Абду. Сирия православная старая и современная. - Амман: Дар Аль Шурук, 2010. – 117 с.
 8. Самим Эль Шериф. Музыка в Сирии - Музыканты и история - Дар Аль-Асад, 2011 – 800 с.
 9. ترعو ديلوخ حانونو/بابك ايه الحنو. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=AS_LxR700Rs&ab_channel=Aws.j (дата обращения – 10 апреля 2021 года)

© Максуд Марлен (marilyn.maksoud@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ОТРАЖЕНИЕ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВИДЕОИГРАХ

THE REFLECTION OF JAPANESE CULTURE IN VIDEOGAMES

O. Stolyarchuk

Summary: This article is about importance Japanese culture in games for Europeans and how Japanese gaming companies integrates elements of Japanese culture in their products. In 70-80s Japanese game industry have influenced on not only economics of Japan, but on many other countries' aspects of life by adding parts of Japanese culture in their games, that is hypothesis of research. Research methods are analysis, synthesis and modeling. As a result of research, author makes the conclusion that nowadays Japanese videogames are not only kind of entertainment, but the art like cinematography and animation, too.

Keywords: Japan, culture, videogames, market, technologies, game industry, software, development.

Термин игровая индустрия (game industry) является общепринятым в научных сообществах мира, в том числе в Японии, где соответствующее понятие (яп. ゲーム産業 гэм:му санрё) используется как среди исследователей феномена видеоигр, так и в официальных документах министерств и ведомств. Под игровой индустрией подразумевается отрасль экономики, в которой задействованы компании, связанные с производством аппаратного и игрового программного обеспечения (ПО), геймдизайном, продвижением и дистрибуцией компьютерных игр. К игровой индустрии не относятся автоматы для азартных игр (игорный бизнес), настольные игры и детские игрушки. [4, с.256].

Зарождение игровой индустрии в Японии произошло совместно с изменениями, пришедшими на вторую половину XX в. В первую очередь следует отметить о влияние США и послевоенную оккупацию не только на политическую и экономическую жизнь Японии, но и на культуру. Контроль и финансовая поддержка со стороны американского правительства стали фундаментом для японского экономического чуда, что в свою очередь привело к потребительскому буму, в том числе на товары и услуги в сфере развлечений. [3, с. 204]

В условиях информационной эры индустрия игр стала одной из самых востребованных отраслей мировой экономики, являясь ключевым двигателем прогресса в отношении технологий. В настоящее время не утихают разговоры среди любителей видеоигр о том, что японские игры – что-то близкое нам, но и в то же время что-то отчуждённое, непонятное нам, людям, проживающим за

Столярчук Ольга Сергеевна
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск,
cool.khikari@gmail.com

Аннотация: В данной работе представлено исследование о том, как в период глобализации японские игровые компании интегрируют культуру Японии в свои продукты. Ещё в 1970-80-ых годах игровой индустрии страны восходящего солнца удалось повлиять не только на экономику страны в целом, но и на многие аспекты жизни в других странах путём внедрения в свои творения частицы японской культуры, что и является гипотезой. Методы исследования: анализ, синтез, моделирование. В результате работы автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день японские видеоигры являются не только досугом, но и видом искусства наряду с кинематографом и мультипликацией.

Ключевые слова: Япония, культура, видеоигры, рынок, технологии, игровая индустрия, программное обеспечение, развитие.

пределами самой Японии.

Игровая индустрия страны восходящего солнца продолжает активно развиваться, положив начало своего развития ещё в конце XX века. Сейчас игры представляют из себя не только развлечения или важную экономическую составляющую, но и так же огромный пласт культуры. Так или иначе, но благодаря погружению в атмосферу той или иной игры, мы сможем расширить свой кругозор о представлении культур других народов или даже проникнуться тем, что ранее считалось непонятным.

Для современных исследований в сфере гуманитарных наук понятие игровой индустрии является относительно новым, отчего и предполагает прежде всего углубиться в анализ самой специфики японских видеоигр и экономический подход, который поможет увидеть сложившуюся картину на игровом рынке и выделить продукты, сыскавшие наибольший успех в определённый период. Так, например, лучший балл на Metacritic (сайт-агрегатор, собирающий отзывы о музыкальных альбомах, играх, фильмах, телевизионных шоу, DVD-дисках и мобильных играх) за 2020 год получила «Persona 5: Royal» (игра японской компании Altus) — 95 из 100, а «Final Fantasy XV» (ролевой боевик, разработанный Square Enix) внезапно стала лидером по количеству ретвитов — 924 тысячи. [3]. Наиболее обсуждаемые игры в социальной сети «Твиттер» за 2020г. представлены на рисунке 1. Но всегда ли такой успех был присущ японскому рынку видеоигр?

Несмотря на то, что в последнее время всё больше японских видеоигр становятся популярны на Западе (Dark Souls, Zelda, Nier: Automata, Persona 5), в середине 2000-ых в японской игровой индустрии произошёл кризис, вызванный тем, что японские разработчики намерено пытались угодить западным покупателям. В результате чего их творения теряли часть культурной идентичности и походили на то, что выпускают на Западе. По словам Йоко Таро (создателя «Nier»), главное отличие японского подхода к играм в отличие от европейского – стремление японцев к сюрреалистическим и неясным художественным формам, в то время как европейцам больше близка реалистичность в играх. [1]. Именно из-за этой разницы японцы не рискнули и не привнесли что-то особенное на мировой рынок. Этому способствовало множество факторов: от исторических, социально-экономических, политических до культурных особенностей и трансформации национального сознания японцев. [3, с.203]. Вследствие чего, на тот момент ориентировались больше на западную аудиторию, нежели на развитие собственного подхода.



- Final Fantasy XV
- Animal Crossing New Horizons
- Cyberpunk 2077
- Call of Duty: Black Ops Cold War
- Fall Guys: Ultimate Knockout
- Call of Duty: Warzone
- Assassin's Creed: Valhalla
- Fortnite
- The Last Of Us Part II
- Ghost Of Tsushima

Рис 1. Наиболее обсуждаемые игры в твиттере за 2020г. [2].

Для многих людей Япония и по сей день остаётся страной, которую можно стереотипно охарактеризовать такими реалиями как «гейша», «сакэ», «кимоно», «сакура», «якудза» и «вата». Такое представление о стране восходящего солнца отчасти можно назвать верным, но дальше таких реалий кроется немало интересных аспектов японской культуры, о которых иностранцам мало что известно. Воплощение таких реалий зачастую наблюдается непосредственно в играх, благодаря которым игрок может узнать что-то новое о культуре и даже языке Японии.

В наше время гейш можно Киото, а девушки в традиционных кимоно запросто ходят по улицам нынешней японской столицы. Япония – пример страны, идущей в ногу со временем, но при этом верной своим тради-

циям. Кроме того, молодые японки надевают кимоно в День Совершеннолетия, а маленькие дети – на праздник Сити-Го-Сан (досл. Перевод «Семь-Пять-Три»), во время которого мальчики трех и пяти лет и девочки трех и семи отправляются в синтоистский храм. К тому же, ношение традиционной одежды просочилось и в видеоигры. Юна из «Final Fantasy X» одета в фурикодэ, разновидность кимоно для незамужних девушек с удлиненными рукавами, а гейша Кохару, помогает главному герою игры «Killer Is Dead» отдохнуть между миссиями.

Одной из важных частей японской культуры, несомненно, является культ еды. Японская кухня за пределами самой Японии имеет немало почитателей и неудивительно, ибо она одновременно и сытная, и полезная. Всеобщий культ еды отражен в игровой индустрии. В «Ryu ga Gotoku Ishin!» можно не только ловить рыбу, но и готовить ее с помощью мини-игр. Зачастую в различных японских визуальных новеллах можно увидеть, как герои, поедая о-бэнто (небольшие ланчи), обсуждают повседневность.

Наряду с культом еды у японцев далеко не последнюю роль в культуре играет любовь к природе, гармонично сочетающаяся с любовью к еде. Например, когда осенью листья местного клена приобретают оттенки от темно-багрового до бледно-желтого, их начинают готовить в кляре. Такой удачный симбиоз является причиной, почему японские разработчики уделяют большое внимание тому, как выглядят локации в играх. Square Enix нарисовали совершенно чарующие пейзажи для «Lightning Returns: Final Fantasy XIII», а жители мира «Tales of Xillia» научились жить в гармонии с природой, и выглядит это не только красиво, но и символично.

Благодаря сплетению буддизма и синтоизма в культуре у японцев сформировалось своеобразное представление о смерти. После того, как его жизнь закончена, человек либо перерождается (по буддизму), либо становится частью мира духов и хранителем своей семьи (по синтоизму). Почти иллюстративным примером отношения японской религии к смерти является RPG-игра «Dark Souls», в которой имеется предельно восточный подтекст. Эта игра известна многим своей сложностью, за счёт которой игроку предстоит умирать довольно часто, но на смерти не наступает конец игрового процесса. Наоборот, «Dark Souls» даёт понять, что у тебя есть ещё одна попытка, ещё одна жизнь.

Отдельно стоит сказать и о мифах, особенно, страшных историях, являющихся одним из наиболее интересных пластов культуры Японии. Несмотря на то, что Япония известна сериями хоррор-игр «Resident Evil» (на яп. «Biohazard») и «The Evil Within» (на яп. «PsychoBreak»), большего расположения эти игры получили именно за

пределами Японии, поскольку они, как и являются примерами игр, ориентированных на западную публику. Парадоксально, но использованием исконно японских мотивов в играх жанра ужасов чаще промышляют в продуктах западной игровой индустрии. Например, Альма из «F.E.A.R.» напоминает Садако [см. Рис. 2] из цикла романов Кодзи Судзуки «Звонок». Образ Садако в свою очередь навеян японской историей «Vancho Sarayashiki» («Поместье тарелок в Банчо»). В ней несчастная служанка Окику разбила тарелку из дорогого сервиза, за что хозяин сбросил её в колодезь. Став призраком, девушка каждую ночь возвращалась в дом, считала тарелки и, не досчитавшись последней, начинала плакать, чем быстро свела хозяина с ума.



Рис. 2. Садако из «Звонка» и Альма из «F.E.A.R.»

Всё же в японской игровой индустрии имеется продукт, в котором можно отыскать крупицу японского фольклора. Речь идёт о не менее популярной серии хоррор-игр «Silent Hill». Так, в первой части при входе главного героя (Гарри Мейсона) в уборную школы Мидвид, он слышит плач маленькой девочки, что непосредственно является отсылкой на городскую легенду о туалетном призраке Ханако. Это обобщённый термин и в Японии им называют любые виды призраков, обитающих в женских уборных. Зачастую это жуткая девушка, погибшая насильственной смертью. Обычно у неё чёрные, закрывающие лицо длинные спутанные волосы и, как правило, какие-нибудь безобразия на теле. По легенде, если вы хотите увидеть Ханако, то нужно всего лишь постучать в уборной в третью кабинку от входа и позвать призрака. Тогда жуткое существо обязательно покажет любопытному свой жуткий облик. И если жертва не успеет унести ноги, то будет тут же убита, причём самым изощрённым образом. Помимо первой части «Silent Hill»

присутствием Ханако навивает в третьей части серии. Практически в самом начале в пустом, погружённом во тьму здании, когда в одной из женских уборных главная героиня (Хизер) постучит в запертую кабинку, то внезапно послышится стук в ответ. Так же и во второй части при исследовании тёмных коридоров тюрьмы Толука можно наткнуться на дамскую уборную, в котором как раз третья кабинка от входа заперта. Может показаться, что внутри никого нет, так как, постучавшись в дверь, никто не отвечает. Однако спустя некоторое время игрок внезапно услышит громкий звук удара.

В Японии число 4 считается несчастливым числом, числом смерти, в связи с чем редко можно увидеть лифты с кнопкой 4. В самом начале первой части «Silent Hill» становится ясно, что у локации больницы «Alchemilla» всего три этажа. Однако, побывав на третьем этаже, и, вернувшись в лифт больницы, игрок обнаруживает кнопку с числом 4, которой ранее не было (см. Рис.3). Если рискнуть и подняться на четвёртый этаж, то игрок не сможет больше вернуться в лифт, ему остаётся только скитаться по тёмному коридору с тяжёлыми испытаниями (см. рис. 4).



Рис. 3. Появление новой кнопки Рис. 4. «Заперто!»

Благодаря вышеперечисленным внедрениям частиц японской культуры в игры, люди постепенно избавляются от стереотипного мышления касательно другого этноса. Наоборот, такой подход японских компаний в создании своих продуктов побуждает игроков ознакомиться с чем-то новым для себя, связанным с культурой и бытом страны восходящего солнца.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что японское экономическое чудо дало мощный толчок формированию игровой индустрии страны восходящего солнца. Ибо и по сей день за её пределами японские видеоигры имеют большой спрос, вызванный индивидуальным подходом японцев к созданию продуктов, а также внедрёнными в игры элементами японской культуры. Это приводит к тому, что на Западе всё больше и больше людей приобщаются к культуре Японии, открывая для себя что-то новое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веб-сайт [Электронный ресурс] – Режим для доступа: <https://dtf.ru/gamedev/19918-osobennost-i-privlekatelnost-yaaponskih-igr-mozhno-sravnit-s-gamenom> (дата обращения - 23.04.2021)
2. Веб-сайт [Электронный ресурс] – Режим для доступа: <https://dtf.ru/gameindustry/294571-igrovaya-industriya-za-2020-god-v-cifrah-infografika-ot-gamesindustry-biz> (дата обращения - 23.04.2021)
3. Билоброва А.Е. Ключевые факторы развития игровой индустрии Японии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-factory-razvitiya-igrovoy-industrii-yaonii> (дата обращения - 23.04.2021)
4. Валиахметова Г.Н. Особенности становления и развития индустрии видеоигр Японии в последней четверти XX—XXI веке / Г.Н. Валиахметова, А.Е. Билоброва // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 245—257. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-245-257. (дата обращения - 23.04.2021)

© Столярчук Ольга Сергеевна (cool.khikari@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Цзян Дань

Аспирант, Забайкальский государственный университет; доцент, Хэйхэский университет Китая
waiyuxijiangdan@163.com

STUDY OF CULTURAL IDENTITY OF CHINESE MIGRANTS IN RUSSIA

Jiang Dan

Summary: Culture is a very important factor for the social integration of immigrants. Based on this starting point, this paper discusses how cultural values affect the social integration of the Chinese in Russia. From the perspective of cultural dimension theory, this paper expounds the similarities and differences in cultural values between China and Russia. The influence of cultural values on the social integration of Chinese and overseas Chinese is reflected in the mutual recognition of the two sides, as well as the willingness and legal awareness of Chinese to participate in politics, work and life, marriage and family life, social networks and many other aspects. Research shows that both cultural differences and similarities may have both advantages and disadvantages.

Keywords: Russian, Chinese, cultural identity.

Аннотация: Культура - очень важный фактор, влияющий на социальную интеграцию мигрантов. Исходя из этой отправной точки, в данной статье исследуется, как культурные ценности влияют на реализацию социальной интеграции китайских мигрантов в России. В данной статье проводится анализ с точки зрения теории культурного измерения и излагается близость и сходство культурных ценностей между Китаем и Россией. Влияние культурных ценностей на реализацию социальной интеграции китайцев, проживающих в России, находит свое отражение во взаимном признании двух народов, а также в готовности китайского народа участвовать в политике и правосознании, работе и жизни, браке и семейная жизнь, социальные сети и многое другое. Исследования показали, что как культурные различия, так и сходства могут иметь как плюсы, так и минусы, и их нельзя обобщать.

Ключевые слова: Россия, китайские мигранты, культурная идентичность.

Двойная культурная идентичность китайских мигрантов в России носит одновременно инструментальный и избирательный характер и характеризуется сложным многообразием. Двойная культурная идентичность китайских мигрантов в России характеризуется в основном смешанными характеристиками. Индивидуальные различия проявляются не только между разными группами и поколениями, но и внутри одной и той же группы. Это результат формирования микроэлементов семейной среды, опыта роста и индивидуально-го характера.

Культурная идентичность китайских эмигрантов в России всегда была предметом озабоченности ученых. До сих пор научные круги и общество сходятся во мнении о том, что первое поколение китайских эмигрантов в России имеет более сильную культурную идентичность или двойную культурную идентичность, в то время как новые поколения китайского происхождения, как правило, имеют двойную культурную идентичность или культурную идентичность страны пребывания. Таким образом, двойная культурная идентичность является наиболее распространенным и распространенным типом самобытности китайских мигрантов в России. Однако, в

настоящее время в национальных научных кругах, по-прежнему, ощущается нехватка углубленных исследований по вопросу о двойной культурной идентичности китайских эмигрантов в России. Так, автор, основываясь на данных полевого обследования китайских эмигрантов в России, в сочетании с социологией, культурной психологии и антропологией, пытается на микроуровне глубже изучить основные черты двойной культурной идентичности китайцев в России.

1. Основная причина и ситуация китайских эмигрантов в России

Китайские эмигранты в России являются связующим звеном и местом в российско-китайских отношениях, проводником социально-экономического развития Китая и России, распространителями превосходной китайской и русской национальных культур и завершением китайско-российской дружбы.

Китайские эмигранты в России являются свидетелем и участниками сообщества судьбы человека, являются важной силой китайской мечты о великом возрождении китайской нации, являются одной из самых ярких стра-

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов в провинции Хэйлунцзян 2018 г. на тему «Изучение изменений истории и нынешнего состояния китайских мигрантов на фоне районов в России» Проект: 2018-KYYWF-1283

ниц в истории эмиграции Китая.

Как две большие территориальные державы с большими границами, Китай и Россия имеют сложные отношения. Вступив в 21 век, Китай и Россия установили стратегическое партнерство сотрудничества, и постоянно растет число китайцев в Россию. Экономическая и культурная деятельность китайских мигрантов приобретает более современные характеристики. После распада Советского Союза его экономическое строительство сильно пострадало, особенно, под влиянием глобального экономического кризиса и политики давления со стороны США, совокупные национальные силы России постепенно приближались к упадку с пика, за постепенным экономическим спадом, подчеркивая серьезную социальную проблему, а именно отрицательный рост населения. В настоящее время, после реформ и открытости соседнего Китая, внутренняя экономика развивается в хорошей ситуации, численность населения Китая и напряженная обстановка в сфере занятости вынуждают людей искать новые возможности для развития в мире.

Поскольку отношения сотрудничества России и Китая, и особенно, дальневосточный регион России граничит с северо-восточным регионом Китая, крупные города Дальнего Востока России стали для китайцев хорошим местом, где можно получить выгоду от вложения денежных средств, и местом, к которому стремятся китайские эмигранты. В начале 90 - х годов прошлого века, некоторые приграничные жители районы Китая и России, постепенно отправились в Россию для работы, сельского хозяйства, бизнеса. В настоящее время китайские эмигранты играют важную роль, став социальной группой, которую нельзя игнорировать в российском обществе.

В настоящее время в России проживает большое количество китайских мигрантов с широким распространением, широким кругом занятий и разным уровнем образования. Они условно разделены на пять частей:

- во-первых, китайские эмигранты, приехавшие в советский период, и их потомки;
- во-вторых, люди, которые в частном порядке бежали из страны во время «четырёх Цин» и ранней культурной революции;
- в-третьих, китайские бизнесмены, китайские рабочие и фермеры, которые уехали в Россию добывать золото во время реформ и открытости;
- в-четвертых — это китайцы, которые остались нелегально;
- в-пятых, государственные служащие, отправленные отечественными предприятиями и учреждениями в Россию для долгосрочной работы.

2. Выражение культурной идентичности китайских мигрантов в России

Специалисты по межкультурной психологии утверждают, что двойственная культурная идентичность мигрантов в основном состоит из двух типов: смешанных и взаимозаменяемых. Согласно исследованиям, проведенным Фини и другими, лица, принадлежащие к смешанным культурам, воспринимают свою двойную культурную идентичность, считают себя равными с этнической и культурной идентичностью и гордятся своей этнической культурой. Они считают, что этнические и основные культуры, хотя и отличаются друг от друга, не противоречат друг другу. В то же время сторонники альтернативной культурной идентичности сталкиваются с трудностями в том, что касается одновременного существования двух культур, которые характеризуются значительными различиями и противоречиями в их этнической культуре и основных культурах. Китайские эмигранты, преследуя иные цели, покидают свою родину в Россию, чтобы приспособиться к чужим обстоятельствам, не только изменить быт, образ общения, но и познакомиться с мыслями, институциональными обычаями и т.д.

1) Проявление культурной идентичности в образе жизни

Китайцы приехали в Россию, им нужно не только работать, они ещё должны адаптироваться к жизни здесь. Россия и наша страна имеют много различий в природной среде, социально-экономических условиях, образе жизни людей и так далее. После многих лет тяжелой работы мигранты прошли путь от удивления и непонимания к постепенному принятию и интеграции с ними, чтобы еще больше обогатить свою жизнь. Китайские мигранты больше внимания уделяют питанию, всегда была идея «народ считает пищу своим небом». А русская кухня значительно отличается от китайской кухни, которую китайцы уже привыкли.

Но в ходе полевого исследования, проведенного автором, выяснилось, что китайцы не испытывают проблем в этой области. В начале входа в Россию, некоторые не приспособлены к русской кухне, но китайцы с северо-востока Китая более знакомы с русской едой и могут быстро ее принять. После привычки в еде они обнаружат, что русская еда более питательна и разумна в энергоснабжение, которое также хорошо соответствует потребностям жизни в России. Помимо отождествления себя с едой, помимо работы и учебы, китайские мигранты также испытывают различные «русские» развлечения на досуге, такие как посещение книжных магазинов, посещение выставок живописи и барбекю в дикой природе, что дает русское влияние и влюбляется в спорт.

2) Проявление культурной идентичности в языковой адаптации

Языковая адаптация — важнейшее звено процесса китайской идентичности в русской культуре. За исключением китайских студентов, большинство китайцев, которые приезжают в Россию, занимаются торговлей. Большинство из них не знают русского языка. Въехав в Россию, они используют свои собственные методы изучения языка, как практической деятельности. А у тех есть базовая российская основа, после въезда в Россию, им также необходимо продолжить обучение и самосовершенствование. После многих лет жизни уровень русского языка китайских мигрантов значительно улучшился. Они могут в основном удовлетворять свои потребности в работе и жизни, но достичь уровня родного языка практически невозможно. Поэтому большинство людей считает, что русский язык — это инструмент, который редко преследует и отражает собственную красоту.

3) Проявление культурной идентичности в праздниках и обычаях

Праздник — свидетельство национальной культуры. Для китайских мигрантов в России участие в зарубежных фестивалях может быть вызвано культурными первопроходцами и любопытством, но долгосрочное участие в определенной степени позволит адаптироваться и идентифицировать себя с культурой. В ходе исследований было обнаружено, что многие китайские мигранты в России активно участвовали в деятельности по созданию поселений, считая, что это была хорошая возможность сблизиться с русскими и понять слова русских, в то время как некоторые другие сказали, что для них фестиваль просто праздник. Для этих людей главным фактором, определяющим, будут ли они участвовать в российских фестивалях или нет, являются религиозные факторы. Большинство китайцев в России не понимают русскую религию и не могут понять особого значения религиозных праздников. Обычно они не отвергают однозначно религиозные праздники, такие как Пасха и Рождество, но держатся на определенной дистанции. Некоторые китайцы считают, что лучше относиться к праздникам с осторожностью, если они не имеют четкого представления о культуре, например о значении фестивалей и фольклорных табу. Потому что, если вы будете слепо участвовать, это может иметь неприятные последствия и разрушить дружбу между друзьями.

3. Способ, которым китайские мигранты в России воплощают свою культурную идентичность

1) Китайские общества

После распада Советского союза, с увеличением

числа китайских мигрантов в России, они создали ассоциации в соответствии с географическими, профессиональными, родственными и кровными узлами, структура и характеристики ассоциации китайских эмигрантов существенно изменились. В последние годы ассоциации китайских мигрантов в России, такие, как торговая палата Китая, женская федерация, ассоциация китайских мигрантов, ассоциация китайских соотечественников провинции Фуцзянь, обувная ассоциация Вэньчжоу, ассоциация боевых искусств и так далее, стали более разнообразными. Так, например, в Хабаровске есть ассоциация хабаровских мигрантов (1993 год), торговая палата Китая и России (1999 год), ассоциация иркутских китайских мигрантов (1998 год), во Владивостоке есть торгово-промышленная ассоциация китайских китайцев, а также ассоциация китайских мигрантов в Санкт-Петербурге.

Работа этих китайских ассоциаций является обязательной и не требует никакой компенсации. Их работа разделена на две основные направления: оказание безвозмездной помощи китайцам в России и оказание помощи уязвимым группам населения России в качестве китайских добровольцев. Например, для детей из местных сиротских приютов организуются новогодние мероприятия, отправляются в дома престарелых, школы-интернаты, передаются в дар русско-китайским материалам. Кроме того, они поначалу поддерживали связь и сотрудничество с общественными организациями, добровольцами вузов России, в ходе которых они способствовали постепенному формированию образа китайских граждан в России, передавали доброжелательные чувства китайского народа и поддерживали отношения между народами двух стран. Благодаря объединению китайцев в России китайцы ускорили адаптацию к жизни в России и к русской культуре. С самого начала Китаец может быть в той же языковой и культурной организации общества, обмениваться с соотечественниками опытом и извлеченными уроками в процессе социальной адаптации, можно сказать, что «культурная идентичность» является ускоренным этапом.

В то же время, общественные организации благодаря эффекту коллектива позволяют более оперативно и широко распространять российскую культуру среди китайских мигрантов в России. Например, Федерация студентов московского университета, часто на коллективной основе, принимает участие в культурных мероприятиях посольства Китая в Российской Федерации, а также оказывает содействие в организации конкурса по изучению русского языка и культуры для китайских студентов-иностранцев, будь то в ходе экскурсий или конкурсов, делает китайских мигрантов в России более глубокими знаниями о культуре России.

2) СМИ

Среди первых китайских мигрантов в России у многих были языковые барьеры, трудности в контакте с внешним миром и неудобства в жизни и работе. С увеличением числа китайских мигрантов в России распространение информации и обмен ею стали острой потребностью, поэтому появились китайские самостоятельные газеты. С развитием Интернет технологий и широким использованием мобильных электронных устройств появилось множество формы стали более разнообразными. Появились СМИ с более насыщенным содержанием, такие как традиционные бумажные СМИ «Китайско-русский вестник», «Дорожные новости», «Китайская Русская Таймс», «Вечерние новости Москвы», «Русский дракон», «Новости Альянса», Китайско-российская информационная газета и т.д. Эти СМИ предоставили качественную и своевременную информацию для китайских мигрантов в России и приложили большие усилия для распространения двусторонней культуры Китая и России. Китайские читатели также понимают официальные новости из Ки-

тай и России. Последние события в российском обществе очень помогают им понять и принять российское общество и культуру и помогают им быстро интегрироваться в российское общество и жизнь.

С развитием времени процесс китайской культурной идентичности в России претерпел новые изменения, которые в основном проявляются в диверсификации каналов адаптации и уменьшении сложности адаптации. Для содействия дружеским обменам между двумя народами, китайские мигранты в России уделяют больше внимания изучению языка, чтобы преодолеть барьеры в межличностном общении и культурном взаимопонимании, сталкиваясь с культурными конфликтами, искать точки соприкосновения, сохраняя при этом различия, дорожить общностью между китайской и русской культурами, в культурной психологии, избавляться от оковы мышления, укрепляют международное видение и сталкиваются с культурой с более уверенным и спокойным отношением способствует долговременной дружбе между китайским и российским народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иностранцы китайцы в России вынуждены вернуться в Китай: декларация: 7-е изд., 16 марта 1931 г. Цитируется Бай Цзюнь Цзюньчжэ.
2. Хань Лин, Исследование китайской культурной идентичности иностранных китайских студентов с точки зрения межкультурной адаптации, 2021(01).

© Цзян Дань (waiyuxijiangdan@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



МЕЖПОКОЛЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Абу-Талеб Дарья Викторовна

Соискатель, Институт психологии творчества
onedeka@mail.ru

INTERGENERATIONAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF MODERN PERSONAL EDUCATION

D. Abu-Taleb

Summary: In the article, the author considers the communication aspect of education (interpersonal and intergroup communication, school and family communication, intra-school and intra-family communication, intergenerational communication). The author analyzes intergenerational communication from the point of view of integral education. Special attention is paid to integral education as a unique educational paradigm that corresponds to the current state of society. The author also writes about the «metaphigurative culture», comparing it with the classical types of cultures according to M. Mead.

Keywords: intergenerational communication, personality education, integral education, communicative and cognitive space, symbolic interactionism, metaphigurative culture.

Аннотация: В статье автор рассматривает коммуникационный аспект образования (межличностная и межгрупповая коммуникация, коммуникация школы и семьи, внутришкольная и внутрисемейная коммуникация, межпоколенная коммуникация). Межпоколенную коммуникацию автор анализирует с точки зрения интегрального образования. Особое внимание в статье уделено интегральному образованию как уникальной образовательной парадигме, соответствующей актуальному состоянию общества. Также автор пишет о «метафигуративной культуре», сравнивая ее с классическими типами культур по М. Мид.

Ключевые слова: межпоколенная коммуникация, образование личности, интегральное образование, коммуникативно-когнитивное пространство, символический интеракционизм, метафигуративная культура.

Актуальность темы современного образования личности обосновывается в исследованиях, относящихся к различным наукам: педагогике, психологии, социологии, культурологии, философии образования и т.д. В данной статье мы затронем коммуникационный аспект образования (межличностная и межгрупповая коммуникация, коммуникация школы и семьи, внутришкольная и внутрисемейная коммуникация). Рассмотрение межпоколенной коммуникации в контексте современного образования личности - сложная тема, требующая комплексного подхода.

Во-первых, следует понимать, что такое современное образование, которое мы называем образованием личности. Под «образованием личности» мы понимаем процесс, непрерывный по ряду значимых параметров: во времени (образование в течение всей жизни и на протяжении каждого конкретного дня), в пространстве (в том числе - в реальном и интернет-пространствах), в межличностном и внутриличностном аспектах (то есть, в поле межличностной и внутриличностной коммуникации). Мы называем такой процесс интегральным, а такой (образовательный) феномен - интегральным образованием [5]. Мы говорим об образовании личности, подчеркивая непрерывность образовательного процесса: речь идет не только и не столько об области, родственной педагогике и затрагивающей школьное (дошкольное, университетское, дополнительное и т.д.) образование,

сколько об образовании личности на протяжении всей ее жизни, в интегральном единстве различных сфер ее жизни, в частности - в интегральном единстве отдельных ролей ее ролевого репертуара.

Традиционное дошкольное, школьное, университетское, специальное, дополнительное образование также претерпевает изменения по ряду значимых аспектов. В частности, можно отметить все большее «перемещение» образовательного процесса в интернет-пространство, что, во многом, влияет на характер и качество образовательного взаимодействия и результата. Отметим, что характер образовательного процесса в интернет-пространстве можно назвать интегральным: взаимодействие преподавателя (учителя) и студента (ученика) в цифровом мире происходит без соблюдения привычной субординации, где учитель и преподаватель стоят «над» учениками и студентами. Кроме того, в цифровом пространстве размываются традиционные социальные роли, поскольку учитель предстает перед учеником в разных своих социальных ролях: так, в социальных сетях ученики могут наблюдать за различными аспектами неформальной, личной жизни учителя, узнавать его личностные черты, проявленные в других, отличных от образовательного, контекстах социального взаимодействия. То же справедливо и в отношении другого вектора этой коммуникации - «учитель-ученик». Стоит отметить, что образовательные платформы не имеют привычной нам

конфигурации аудиторий и классов, где взоры учеников обращены в сторону учителя, где все внимание учащихся сконцентрировано на учебном процессе. Дисциплинарные пространства - часть человеческой культуры. О них и пишет в своих исследованиях Мишель Фуко, предлагая их своим читателям различными и в множестве. Историческая связь с правлением и властью, соответствующего времени (эпохи), данных пространств, имеет влияние по настоящее время, как в области геополитики (различие в масштабе стратегий), так и в области культурологического наследия в виде архитектурных сооружений с их смысловым назначением (больницы, школы, храмы, церкви и т.п.) и распространено, как в межличностном так и в межгрупповом процессе коммуникации [8],[9].

Сегодня дисциплинарные пространства аудиторий сменяются виртуальными пространствами учебных комнат в zoom и других платформ, где взаимодействие участников происходит (преимущественно) на равных, а также - одновременно происходит в домашнем физическом пространстве, которое объединяет домашний и рабочий контексты социального бытия, а также может (негативный аспект) отвлекать преподавателя и учащегося от процесса обучения.

Таким образом, один из аспектов интегральности (интегрального образования) – смешение контекстов (“учебного” и “домашнего”, “частного” и “публичного”). Второй аспект интегральности, замеченный выше, - интеграция виртуального и реального пространств коммуникации. Еще один значимый аспект интегральности в современном образовании (даже не называющем себя интегральным) - смешение, объединение ролей участников образовательного процесса.

Последний тезис объясним подробнее. По нашему мнению, смешение ролей неизбежно при переходе на удаленное обучение. В условиях такого перехода трансформировался традиционный ролевой репертуар еще одних участников образовательного процесса - родителей. Так, в традиционном понимании школьного образования и педагогики вообще, родители не являются прямыми участниками образовательного процесса, часто они “вынесены за скобки” учебного пространства и относятся к нему, в известной мере, только во время родительских собраний. В современном же понимании образовательного процесса, свойственного интегральному образованию, родители включены в интегральное образовательное пространство в качестве значимых участников образовательного взаимодействия. Отметим, что речь идет не о том, что родители обязаны помогать ребенку с учебой, а о налаженном канале кроссличности коммуникации “родители-ученики-преподаватели”, о транспарентности информации, циркулирующей в этом канале.

Стоит заметить, что в условиях “удаленного обучения”, ассоциированных с ситуацией пандемии, родители оказались участниками образовательного процесса: невольными, “незаметными”, исключенными и почти “нелегальными”. Удаленное обучение не предполагает (изначально) обязательного участия родителей - как менеджеров учебного процесса, как техподдержки, как репетиторов, как тьюторов, как психологов, как воспитателей, - но предполагает его по факту. По нашему мнению, эффективный процесс удаленного обучения (в том виде, в котором мы знаем его в современной России) был бы невозможен без участия родителей. Думается, что участие родителей в “штатном” интегральном образовании должно быть другим, и должно быть предусмотрено изначально.

Выше мы упомянули о технической стороне современного образования. В том виде, в котором техника и технологии вовлечены в современное удаленное образование, техническая сторона учебного процесса превращается в дополнительный стрессовый фактор. Так, в одной семье может быть только один компьютер или планшет, разделить который между несколькими детьми (в одно и то же время) - невозможно. Устранять последствия этого стресса, как и осуществлять техническую поддержку, также приходится родителям. Таким образом, ролевой репертуар родителя принудительно “обогащается” новыми ролями, среди которых не только перечисленные выше роли тьюторов, психологов, воспитателей, техподдержки, но и роль репетитора, “домашнего преподавателя”, вынужденного разбираться в темах занятий и методологии учебного процесса. Это еще один из аспектов смешения ролей, имеющий отношение не столько к парадигме интегрального образования, сколько к практике домашнего “удаленного” обучения в том виде, в котором оно сейчас существует.

Интегральный подход в образовательной системе подразумевает, что обычный урок проходит в интегративной обстановке, предполагающей размывание субординаций между учеником и педагогом, что создает такую атмосферу (пространство), в котором усвоение, запоминание, понимание дисциплины (предмета) будет происходить не в стрессогенной обстановке (как сегодня это часто бывает для обеих сторон процесса (учитель-ученик), а в обстановке интегральной субординации, где роли, отведенные каждому из участников, не имеют таких жестких и подавляющих ограничений и рамок, как при вертикальной иерархичной коммуникации. В интегральной коммуникации, горизонтальной и равной, участники одного процесса могут не только исполнять отведенные им естественные роли (учителя, ученика, воспитателя), но и меняться ролями. Так же интегративная обстановка, лежащая в основе интегрально подхода, предусматривает отыгрывание ролевого репертуара, включающего в себя множественность социальных ро-

лей, взятых из концепции мультиролевого потенциала любого субъекта на примере модели мультиролевой личности [6],[3]. В основу концепции мультиролевой личности заложена феноменология субличностей К.- Г. Юнга [11], Р. Ассаджиоли [1], Хел Стоуна и Сидры Уинкельман [7], Ричард К. Шварца [10], теория М. Боуэна (1978) о "дифференциации Я". [12]

Из написанного выше видим, что аспект межпоколенной коммуникации в интегральном образовании является одним из ключевых. Таким образом, в данной статье следует также уделить внимание вопросу межпоколенной коммуникации в интегральном образовании. Это связано, в частности, с тем, что образование в современном мире распространяется на всю жизнь человека, возраст учащегося может быть, фактически, любым - от детского до старшего, что приводит к ситуациям, где учебные группы - разновозрастные, и преподаватель может быть младше большинства учащихся. Особенностью межпоколенного взаимодействия вообще (и межпоколенной коммуникации - в частности) становится, таким образом, размывание границ поколений - как поколений условных "студентов" и "преподавателей". Также стоит отметить размывание возрастных границ в рамках поколения родителей - так, родители детей одного и того же возраста могут относиться к разным поколениям, что также формирует еще один аспект межпоколенного взаимодействия в интегральном образовании.

Особенность современного информационного общества состоит, среди прочего, в его префигуративности (по М. Мид [4]). Префигуративную культуру отличает то, что представители старших поколений (взрослые) перенимают знания у детей, поскольку в развитых обществах среда и знания о ней меняются так быстро, что дети (находясь в процессе социализации) схватывают знания о ней (и отдельных особенностях ее проявления) гораздо быстрее, чем взрослые. Особенно это касается информационной среды, взаимодействию в которой, как и техническим особенностям работы которой, - дети обучаются гораздо быстрее, чем взрослые. Кроме того, современную информационную культуру можно назвать также кофигуративной (термин М. Мид), то есть, культурой, в которой преобладают модели поведения, соответствующие стремительно развивающемуся обществу. Это модели поведения, в которых взрослые учатся у детей, дети учатся у взрослых; и те, и другие - учатся у сверстников, принимая во внимание их ошибки и способы достижения успеха. М. Мид отмечала также, что кофигуративной культуре свойственен конфликт поколений, порождаемый неидентичностью типичных форм поведения представителей разных поколений. Эти конфликты, согласно Мид, обостряются, когда взрослеющие дети не придерживаются (в силу свойств стремительно меняющегося пространства, вызывающего к жизни новые стратегии поведения) тех жизненных стандартов и

поведенческих стратегий, которым обучали их родители в процессе воспитания.

Мы, в свою очередь, предлагаем ввести термин "метафигуративности", который, по нашему мнению, лучше соответствует характеру современного общества (мы называем его, вслед за П. Пискаревым [6], обществом метамодерна). Общество метамодерна предполагает одновременное существование разных социальных, культурных образцов; она похожа (метафорически) на "многоквартирный дом", в котором гармонично и бесконфликтно живут совершенно разные семьи: представители разных поколений, культур, ценностей, придерживающиеся разных моделей развития семьи и т.д. По сути, внутри каждой такой семьи формируется собственное когнитивно-коммуникативное пространство, сформированное по ряду аспектов взаимодействия внутри этого пространства. Аспекты когнитивно-коммуникативного взаимодействия: финансовый, аспект личных взаимоотношений, корпоративный (в данном случае семью можно рассматривать как своего рода корпорацию), проектный (семейные проекты), собственно семейный (взаимоотношения внутри своей семьи и с родительскими семьями), телесный (телесный контакт, здоровье членов семьи), психологический (психологический климат семьи), образовательный (семья как образовательная и воспитательная среда), религиозный (отношение семьи к религии), национальный, культурный, ценностно-нормативный (ценности и нормы, исповедуемые и соблюдаемые семьей и ее членами) и т.д.

В соответствии с написанным выше, сформируем "рамку", "фрейм", основанный на парадигме М. Мид, а также на методологии П. Пискарева [6 с.17], который предполагает рассматривать теории через концептуально-аналитическую призму четырех квадрантов, где первый соответствует премодерну (как традиционной, наиболее древней эпохе становления человечества и человека, доиндустриальному этапу развития общества), второй - модерну (как эпохе интенсивного развития науки, географических открытий, началу формирования индустриального общества, существования сословного общества), третий - постмодерну (как эпохе развития индустриального общества и капитализма, классового общества, интенсивного развития индустриальной техники и технологий), четвертый - метамодерну (современной эпохе развития человечества, где традиционные классы и сословия, а также традиционные возрастные рамки размываются, общество входит в этап постиндустриального развития, интенсивного формирования и трансформации информационной среды и т.д.).

С этой точки зрения, структурные элементы парадигмы М. Мид так ложатся в четырехкомпонентную рамку (Таб. 1.).

Таблица 1.

Парадигма культур М.Мид через призму четырехкомпонентной рамки ("теория метамодерна")

Метамодерн Метафигуративная культура	Премодерн Постфигуративная культура
Постмодерн Кофигуративная культура	Модерн Префигуративная культура

Обратимся к межпоколенному аспекту в контексте интегрального образования. По нашему мнению, заявленная тема связана с межпоколенным аспектом социального взаимодействия. Межпоколенный аспект социального взаимодействия, а также межпоколенная коммуникация как отдельный аспект межпоколенного взаимодействия, рассмотрены в ряде работ зарубежных и отечественных авторов. Так, проблемами межпоколенного взаимодействия занимались такие известные зарубежные авторы, как М. Мид, С.Н. Паркинсон, С.И. Голод, В.Ж. Келле, и др. Коммуникативный аспект межпоколенного взаимодействия рассматривали также отечественные ученые, среди которых А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, Е.И. Расказова, М.В. Сапоровская. Проблема коммуникации разрабатывалась в русле различных наук: социологии, психологии, культурологии, филологии и лингвистики, философии, политологии и т.д. В рамках социологии (на стыке с психологией и философией) теория коммуникации развивалась в экзистенциализме, бихевиоризме, необихевиоризме, феноменологии, структурно-функциональном анализе, социологии повседневности (теория фреймов) и т.д.

Нам представляется интересным, среди прочего, направление символического интеракционизма в контексте изучения межпоколенного взаимодействия. В теоретической концепции символического интеракционизма выделяются социальные факторы, обуславливающие человеческое поведение. Так как по мнению интеракционистов социализация в своем базисе выстроена на способности общения между индивидами и совершенствовании этой способности в социальном взаимодействии на протяжении всей жизни человека, особенно важным в коммуникации (интеракции) является достижение взаимопонимания между поколениями (старшее и молодое).

Н.Г. Горбачева в исследовании символического интеракционизма в контексте межпоколенной коммуникации подчеркивает значимость «взаимодействия, в ходе которого и осуществляется формирование поведения личности. Все формы социального взаимодействия в обществе, характерные данному направлению, подразумевают общение, основывающиеся на определенных социальных символах - языке, телодвижениях, жестах, культурных и других символах. Таким образом, межпоколенная коммуникация понимается как интерпретация

поведения людей, которое основывается на символах, несущих социальную информацию» [2].

Символический интеракционизм как аспект социального взаимодействия, основанный на определенном символическом "фундаменте", представляется особенно важным в контексте проблем современного интегрального образования, в частности - межпоколенного взаимодействия в рамках интегрального образования. Так, современная коммуникация несет значительную символическую (ценностно-символическую) нагрузку. Символы, значимые для молодого поколения (например, поколения учеников) ранее могли не узнаваться и не разделяться старшим поколением (например, поколением учителей и родителей). Сегодня символический интеракционизм проявляется не только в межпоколенном, но и в кросспоколенном взаимодействии, где среди учеников находим представителей разных поколений, а также - внутри групп учителей и родителей также непрерывно коммуницируют представители разных поколений (выше мы писали, что родители учеников одного возраста могут относиться к разным поколениям). В контексте доктрины символического интеракционизма особенно важен информационный аспект: так, многие люди сегодня взаимодействуют в рамках интернет-пространств, изобилующих схожими (или одними и теми же символами). В этом смысле, сегодня есть все возможности для преодоления символического (ценностно-символического) разрыва поколений.

С точки зрения ценностей интегрального образования, "символический разрыв", существующий у представителей разных поколений, не только должен преодолевать, но также должен рассматриваться по-другому. Так, мы должны смотреть на условную группу "учеников" не как на представителей некоторого поколения, у которого якобы существуют единые, известные нам "символы", "ценности", характерные ментальностные особенности, а как на интегральное пространство единства уникальных личностей, каждая из которых может обладать своим собственным набором ценностей, символов и т.д. Мы полагаем, что попытки анализа той или иной группы (в рамках образовательного пространства) с точки зрения ее гомогенности и "символического", "ментальностного" единства заранее обречены на неуспех. Кроме того, попытки понимания коллектива учеников, преподавателей, группы родителей как носителей однородных целей и ценностей всегда будут ошибочными (даже если это понимание принадлежит учителю, взаимодействующему как с учениками, так и с родителями).

Еще один значимый аспект, нивелирующий негативные проявления межпоколенной интеракции в интегральном образовании, - это то, что коллектив учеников, учителей и родителей в интегральном образовании действует в рамках единого коммуникативного топоса,

где нет “главных” и “второстепенных” акторов, где учитываются особенности личности каждого участника процесса. Можно вспомнить традиции советских школ, где основной упор делался не столько на коллективное взаимодействие, сколько на коллектив как основную социальную ценность. Личность в коллективе была менее важна, чем коллектив в целом, главенствовало убеждение, что “незаменимых людей нет”, и т.д. В концепции интегрального образования коллективное взаимодействие также важно, но оно представляет собой уникальное пространство интеракции неповторимых и незаменимых личностей. По нашему мнению, установкой интегрального образования может быть утверждение “каждый - незаменим”.

Ключевой принцип интегрального образования - в том, что личность каждого участника образовательного процесса, будь то ученик, преподаватель (учитель) или родитель, - важна, как важны и ценности этой личности, ее взгляды, убеждения, символы, таланты.

Внутренняя структура образовательных пространств в рамках интегрального образования - подвижна и динамична. На смену привычной нам субординации, где старший - главнее, приходит “интегральная субординация” (авторский термин), где главными могут быть любые участники, в зависимости от целей конкретного проекта и взаимодействия в рамках этого проекта.

Межпоколенная коммуникация в интегральном образовании также не вертикальная, а, скорее, горизонтальная: все участники процесса равны, но при этом - уникальны; говоря о “равенстве”, мы имеем в виду взаимодействие на равных, а также равноценность мнений, которые может высказать каждый участник интегрального образовательного пространства и процесса. Отметим также, что “горизонтальность” межпоколенной интеракции, хоть и преобладает в процессе интегрального образования, все же существует в органическом единстве с элементами вертикальной интеракции, потому что, если вертикальная интеракция будет отсутствовать вообще, это, возможно, негативно отразится на качестве учебного процесса (будет невозможна отчетность, будут нарушаться дедлайны, пострадают психологические границы участников и т.д.). Таким образом, о коммуникативном процессе в интегральном образовании можно говорить как о смешанном, с преобладанием горизонтальных интеракций, а также при наличии вертикальных интеракций. Очень важно, по нашему мнению, соблюдение балансного соотношения “вертикальных” и “горизонтальных” элементов. Это соблюдение возможно при условии того, что большинство участников образовательного процесса разделяет общие ценности, а также действует в одном нормативном поле учебного процесса, участники которого договорились о соблюдении определенных норм и правил, близких им всем.

Формирование и установление интегрального ценностно-нормативного пространства, таким образом, можно назвать одним из фундаментальных условий успешного интегрального образования.

Итак, мы можем сделать следующие выводы:

1. Образование личности мы называем интегральным образованием и понимаем под ним процесс, непрерывный по ряду значимых параметров: во времени (образование в течение всей жизни и на протяжении каждого конкретного дня), в пространстве (в том числе - в реальном и интернет-пространствах), в межличностном и внутриличностном аспектах (то есть, в поле межличностной и внутриличностной коммуникации). Мы называем такой процесс интегральным, а такой (образовательный) феномен - интегральным образованием.
2. Мы говорим о непрерывном образовании личности, то есть, о преемственности этапов ее образования, а также об образовании на протяжении всей ее жизни, в интегральном единстве различных сфер ее жизни, а также отдельных ролей ее ролевого репертуара.
3. Мы выделяем такие значимые аспекты интегральности (интегрального образования): первый - смешение контекстов (“учебного” и “домашнего”, “частного” и “публичного”); второй - интеграция виртуального и реального пространств коммуникации, третий - смешение, объединение ролей участников образовательного процесса.
4. В современном “удаленном” образовании, связанном с пандемией, ролевой репертуар родителя принудительно “обогащается” новыми ролями, среди которых - роли тьюторов, психологов, воспитателей, техподдержки, репетитора, “домашнего преподавателя” и т.д. Этот аспект смешения ролей имеет отношение не к парадигме интегрального образования, а к практике домашнего “удаленного” обучения в том виде, в котором оно сейчас существует.
5. Мы полагаем, что родители в интегральном образовании должны стать полноценными участниками образовательного процесса, но не как “домашние учителя”, а как люди, имеющие представление о том, что происходит в образовательном пространстве, и способные, наравне с преподавателями и учениками, иметь и высказывать мнение о том, как это пространство должно развиваться. Родители, учащиеся и преподаватели должны взаимодействовать в едином (интегральном) пространстве коммуникации.
6. Образовательный процесс в интегральном образовании должен проходить в интегративной обстановке, которая создает такую атмосферу (пространство), где усвоение, запоминание, пони-

вание дисциплины (предмета) легче, поскольку нет робости и стресса, сопутствующих привычной образовательной среде, существующей сегодня, где правота учителя несомненна, а правоту ученика еще нужно доказать, и роли, отведенные каждому из участников, не имеют таких жестких и подавляющих ограничений и рамок, как при вертикальной иерархичной коммуникации.

7. Мы рассматриваем концепцию взаимодействия культур М. Мид, описанную ею в книге "Культура и мир детства". Мы трактуем подход М. Мид к пониманию культур - постфигуративной, префигуративной, кофигуративной через призму четырехкомпонентной модели, разработанной П. Пискаревым. Рассматривая межпоколенное взаимодействие в контексте концепции М. Мид, мы предлагаем авторский термин "метафигуративная культура", соответствующий современному (метамодерному) состоянию общества. Метафигуративная культура схожа с кофигуративной в том, что предусматривает обучение как старших у младших, так и младших у старших, а также представителей всех поколений - у своих ровесников. Отличает метафигуративную культуру одновременное сосуществование разных культурных образцов, сохранение элементов префигуративной и постфигуративной культуры "в чистом виде" в рамках одного общества, признание и уважение к разным культурным образцам, не противоречащим принципам гуманизма. Также метафигуративной культуре свойственна не межкультурная, а кросскультурная (не межпоколенная, а кросспоколенная) коммуникация, где представители разных поколений и культур взаимодействуют одновременно в одном когнитивно-коммуникативном пространстве, формируя его неповторимый характер.

гуративная культура схожа с кофигуративной в том, что предусматривает обучение как старших у младших, так и младших у старших, а также представителей всех поколений - у своих ровесников. Отличает метафигуративную культуру одновременное сосуществование разных культурных образцов, сохранение элементов префигуративной и постфигуративной культуры "в чистом виде" в рамках одного общества, признание и уважение к разным культурным образцам, не противоречащим принципам гуманизма. Также метафигуративной культуре свойственна не межкультурная, а кросскультурная (не межпоколенная, а кросспоколенная) коммуникация, где представители разных поколений и культур взаимодействуют одновременно в одном когнитивно-коммуникативном пространстве, формируя его неповторимый характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. – М: Институт Общегуманитарных Исследований. – 2016. – 204 с.
2. Горбачева Н.Г. Межпоколенная коммуникация сквозь призму символического интеракционизма. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. № 1(10) - 2015. – С. 61-64.
3. Лапидус Н.А. "Слэш-люди": методы выявления мультипотенциалов с помощью инструментов метамодерна // Человеческий фактор: социальный психолог. - 2020. - № 1(39). - С.363
4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. Сост. и послесловие И.С. Кона. - М: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1988. - 429 с.
5. Непомнящий А. В. Интегральное образование. научное изд., М.: Изд-во ЮФУ, 2016. – 98с.
6. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... Д-ра психол.наук. — Яр., 2019 — С.346-358
7. Стоун Х. Уинкельман С. Принимая собственные «я»: Руководство по Диалогу голосов / Пер. с англ. А. Бойкова, А. Костровой. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Домино, 2003. — 304 с.
8. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 224
9. Фуко М. Пространство, знание, власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
10. Шварц Р. К. Системная семейная терапия субличностей. М: Научный мир. – 2011. – 336 с.
11. Юнг К.Г. Психологические типы. - М: «Университетская книга» - Изд. АСТ, - 1998. – 720с.
12. Bowen, M. (1978). Family Therapy in Clinical Practice. New York: Jason Aronson.

© Абу-Талёб Дарья Викторовна (onedeka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

A PSYCHOLOGICAL MODEL OF THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' MORAL CONSCIOUSNESS IN THE PROCESS OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES

*M. Aipova
I. Ganischina*

Summary: The article presents a psychological model of the development of the moral consciousness of students in the process of learning foreign languages, which includes a social order, the concept of moral consciousness, its structure, psychological conditions for development, a complex of psychodiagnostic methods, the author's psychological program and the result. The purpose of its creation is to develop a psychological model for the development of the moral consciousness of students in the process of learning foreign languages. The structure of students' moral consciousness includes cognitive, motivational-need-based, spiritual-moral, communicative-reflexive, emotional-volitional components. The result of using the psychological model is the training of highly qualified personnel with a high level of moral consciousness.

Keywords: moral consciousness, structure of moral consciousness, components of moral consciousness, students, development, foreign language.

В последние годы в системе высшего образования Российской Федерации высокую актуальность приобретает профессиональная подготовка будущих специалистов, владеющих знаниями, умениями, навыками, профессиональными компетенциями и обладающих высоким уровнем профессионально-значимых качеств.

Проведенный нами теоретико-методологический анализ исследуемой проблемы показал, что при изучении иностранного языка важнейшую роль имеет развитие нравственного сознания обучающихся, так как знакомство с культурой, искусством, художественной литературой другой страны, государственным устройством, социокультурными особенностями ее жителей имеет огромный ресурс для развития нравственного сознания.

В контексте исследуемой проблемы важно отметить, что проблема разработки модели развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков имеет особую актуальность для выс-

Аипова Марина Маратовна
старший преподаватель, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
enigmaringa_1@hotmail.com

Ганишина Ирина Сергеевна
Д.псих.н., доцент, Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань
irinaganishina@yandex.ru

Аннотация: В статье представлена психологическая модель развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков, включающая в себя социальный заказ, понятие нравственного сознания, его структуру, психологические условия развития, комплекс психодиагностических методов, авторскую психологическую программу и результат. Целью ее создания - разработка психологической модели развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков. В структуру нравственного сознания обучающихся входят когнитивный, мотивационно-потребностный, духовно-нравственный, коммуникативно-рефлексивный, эмоционально-волевой компоненты. Результатом использования психологической модели является подготовка высококвалифицированных кадров с высоким уровнем нравственного сознания.

Ключевые слова: нравственное сознание, структура нравственного сознания, компоненты нравственного сознания, обучающиеся, развитие, иностранный язык.

ших учебных заведений России. Это обусловлено тем, что обучение в вузе имеет не только образовательные и развивающие, но и воспитательные задачи. Поэтому развитие нравственного сознания обучающихся в рамках подготовки высококвалифицированных кадров имеет сегодня первостепенное значение.

В психологии исследованием нравственного сознания обучающихся занимались Л.Н. Антилогова [2], В.В. Рыжов [4], М.А. Фабулова [5] и другие ученые. Авторы доказали возможность развития нравственного сознания в процессе получения высшего образования.

По данным Г.И. Аксеновой [1], процесс обучения в вузе предполагает, что личностная активность студентов проявляется в становлении обучающихся как субъекта деятельности, так как у них возникает особое отношение к ней. Поэтому необходима деятельностная система организации профессионального обучения, что обеспечивает эффективное развитие у обучающихся нравственного сознания.

Теоретическая модель развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков включает в себя социальный заказ, понятие и структуру нравственного сознания, психологические условия, комплекс психодиагностических методов, авторскую психологическую программу, результат. Целью ее создания - разработка психологической модели развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков.

Социальный заказ государства включает в себя подготовку высококвалифицированных специалистов с высоким уровнем развития нравственного сознания.

Центральным элементом модели является понятие «нравственное сознание». Нравственное сознание – это интегративное личностное образование, включающее в себя мотивы, ценности, знания, нравственные качества, обладающее свойствами целеполагания, направленности, рефлексивности и формирующееся под влиянием внешних (социокультурных) и внутренних (психологических) факторов.

Структура нравственного сознания обучающихся включает в себя когнитивный, мотивационно-потребностный, духовно-нравственный, коммуникативно-рефлексивный, эмоционально-волевой компоненты. Когнитивный компонент содержит убеждения, знания, профессиональные компетенции, ориентированные на развитие нравственного сознания обучающихся. Мотивационно-потребностный компонент включает в себя целенаправленную деятельность, движимую личностными потребностями, мотивами, интересами обучающихся. Духовно-нравственный компонент – это мировоззрение, морально-нравственные установки личности обучающихся. Коммуникативно-рефлексивный компонент подразумевает нравственную направленность личности в процессе общения с окружающими, осознание своих поступков. Эмоционально-волевой компонент представляет собой субъективные отношения обучающихся к различным сторонам действительности (эмоциональная устойчивость и самоконтроль).

Комплекс психодиагностических методов, направленных на изучение уровня развития нравственного сознания обучающихся, включает в себя использование наблюдения, опроса, тестирования, методов математической статистики (корреляционный анализ, U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции Спирмена). С целью выявления уровня развития нравственного сознания используются следующие психодиагностические методики: «Ценностные ориентации» (М. Рокича), 16 – PF (формы А) (Р.Б. Кеттелла), Краткий ориентировочный тест (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик), комплексная методика диагностики мотивов владения и использования иностранного язы-

ка (Н.А. Емельянова, В.В. Рыжов, М.П. Гришаев), уровень нравственных качеств - опросник (Г. Гибш, М. Форверг), методика «Уровень развития нравственных качеств личности» (И.И. Купцов, Т.В. Пивоварова), Методика «Ваша коммуникативная установка» (В.В. Бойко), шкалы теста оптимальности самооценки (Н.М. Пейсахов), опросник субъективной локализации контроля (СЛК) (С.Р. Пантилеев, В.В. Столин), шкала личностных стратегий преодоления жизненных трудностей (С. Хобфолл), авторский опросник по изучению нравственного сознания обучающихся.

В процессе реализации психологической модели следует выделить следующие психологические условия, влияющие на развитие нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков: 1) психологическое воздействие среды высшего учебного заведения; 2) ценностно-нравственное содержание занятий с диалогической направленностью иноязычного общения; 3) воздействие культурной среды иноязычного общения в учебно-речевой деятельности. Рассмотрим их более подробно.

Психологическое воздействие среды высшего учебного заведения изучено Сундуковой В.В., Ганишиной И.С. [3]. Оно означает преднамеренное влияние образовательной среды на психические состояния, мысли и поступки обучающихся. Реализация психологического воздействия преподавателей на процесс развития нравственного сознания обучающихся заключается в создании целенаправленной нравственно-ориентированной воспитательной среды, оказывающей влияние на развитие нравственного сознания обучающихся.

Ценностно-нравственное содержание занятий с диалогической направленностью иноязычного общения состоит в том, что обучающийся в процессе образовательной деятельности принимает общечеловеческие правила и нормы в качестве принципов своего поведения, реализации их во внутренней потребности. Преобразовываясь в личностном плане, внешние требования превращаются во внутренние.

Важно отметить, что для будущих педагогов, переводчиков характерно постоянное расширение мировоззрения, толерантности, детерминированных воспитательной и учебной работой. Внедрение в учебный процесс занятий с диалогической направленностью, ориентированных на воспитание студентов на основе нравственных ценностей, – важное условие развития нравственного сознания обучающихся, являющихся залогом готовности к принятию самостоятельных решений в ситуациях нравственного выбора.

Воздействие культурной среды иноязычного общения в учебно-речевой деятельности. Культурная среда,

способствующая развитию нравственного сознания, обуславливает последовательность изучения материала, развитие культурного и страноведческого аспектов, сформированность у студентов знаний о профессионально ценных нравственных качествах. Задача преподавателя заключается в привлечении обучающихся к изучению источников, связанных с проблемой нравственного выбора личности. В рамках данного направления необходима планомерная работа с обучающимися по реализации различных форм развития нравственных ценностей, которые осуществляются посредством организации культурных мероприятий и праздников, встреч с носителями иностранного языка, воспитательных бесед.

Развитие нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков включает в себя реализацию авторской психологической программы,

состоящей из двух блоков: психологического и психолингвистического. Психологический блок предполагает чтение обучающимся лекций по развитию нравственного сознания, проведение групповых психологических мероприятий, направленных на развитие нравственного сознания, участие в социально-психологических тренингах по вопросам развития нравственных качеств. Психолингвистический блок подразумевает изучения художественных произведений нравственного содержания на иностранном языке, проведение дискуссий и конкурсов переводов, организацию встреч с носителями языка, знакомство с культурой другой страны и др.

Результатом использования психологической модели развития нравственного сознания обучающихся в процессе изучения иностранных языков является подготовка высококвалифицированных кадров с высоким уровнем нравственного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова, Г.И. Психология и педагогика становления субъекта / Г.И. Аксенова. – М.; Рязань: РИНФО, 1999. – 210 с.
2. Антилогова, Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности: дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Л. Н. Антилогова. – Новосибирск, 1999. – 434 с.
3. Ганишина, И.С., Сундукова В.В. О концептуальной модели антикоррупционной направленности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России. И.С. Ганишина, В.В. Сундукова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 6 (184). – С. 433–436.
4. Рыжов, В.В. Личность: творчество и духовность / В.В. Рыжов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского христианского ун-та, 2012. – 489 с.
5. Фабулова, М.А. Психологические условия формирования нравственного сознания студентов-медиков средствами иностранного языка : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Фабулова Марина Александровна. Нижний Новгород, 2013. – 193 с.

© Аипова Марина Маратовна (enigmarina_1@hotmail.com), Ганишина Ирина Сергеевна (irinaganishina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ПОДРОСТКОВ МОСКВЫ И КАИРА

Алемаева Анна Юрьевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский Государственный Университет имени Н.П. Огарева», г. Саранск
3@7a3.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MORAL GOALS OF TEENAGERS IN MOSCOW AND CAIRO

A. Alemaeva

Summary: The relevance of studying the life goals of adolescents lies in the fact that at this age they face the need for self-determination and choice of a future field of activity. For the first time, this article presents the results of a psychological research on the study of moral and ethical goals between high school students in Russia and Egypt in the key of meaningful orientations. The author conducted a survey in order to determine what goals modern graduates of state Moscow and Cairo set for themselves. Comparative analysis of the results showed a significant difference in values and ideals, definition of their role in society, issues of patriotism and religion. The materials obtained allow us to rethink the desires and aspirations of the younger generation, while revealing the little-studied causal dependences of the educational process in different countries. The results of this study can be used by various vocational guidance centers in schools when planning educational work.

Keywords: values, life goals, value orientations, high school students, teenager, Egypt, senior students.

Аннотация: Актуальность изучения жизненных целей подростков заключается в том, что в этом возрасте перед ними возникает необходимость самоопределения и выбора будущей сферы деятельности. В этой статье впервые представлены результаты психологического исследования по изучению морально-нравственных целей между старшеклассниками России и Египта в ключе смысловых ориентаций. Автором было проведено анкетирование с целью определить, какие цели ставят перед собой современные выпускники государственных Москвы и Каира. Сравнительный анализ итогов показал существенную разницу в ценностях и идеалах, определения своей роли в жизни общества, вопросах патриотизма и религии. Полученные материалы позволяют по-новому осмыслить желания и стремления подрастающего поколения, выявив при этом малоизученные причинные зависимости воспитательного процесса в разных странах. Результаты данного исследования могут использоваться различными профориентационными центрами, в школах при планировании воспитательной работы.

Ключевые слова: ценности, жизненные цели, ценностные ориентации, старшеклассники, подросток, Египет, старше школьники.

Введение

Актуальность вопроса формирования нравственных ценностей у подрастающего поколения в современных социокультурных реалиях, системе образования обусловлена тем, что в подростковом возрасте происходит активное становление самосознания личности. Этот процесс включает в себя смену интересов, развитие индивидуальных способностей и мотивационной сферы и, самое главное, нравственное развитие. Соответствие ценностных ориентаций учащихся общественным идеалам способствует становлению зрелой личности, которая взаимодействует с окружающим социумом, ищет свое место в мире и размышляет над смыслом жизни.

Изучение моральной и нравственной составляющей среди ценностных ориентаций молодежи занимались разные исследователи в области психологии и социологии. Различают несколько причин, влияющих на систему ценностей современных подростков: интернет, средства массовой информации, культура, религия, семейные установки и образовательный процесс. Однако плохо освещен вопрос, какие жизненные цели ставят подрост-

ки в современных реалиях, и как вышеуказанные причины на это влияют. Чтобы дать ответы на эти вопросы, были проведены научное исследование процесса целеполагания и сравнительный анализ его итогов.

В этой статье впервые представлены результаты психологического исследования по изучению и сравнению морально-нравственных целей между старшеклассниками России и Египта в ключе смысловых ориентаций. Автором было проведено анкетирование учащихся старших классов с целью определить, какие цели ставят перед собой современные выпускники государственных школ столиц двух стран. По результатам исследования была обнаружена необычная закономерность, указывающая на высокий процент целей во имя общественного блага в Каире и практически полное отсутствие таковых среди анкет подростков Москвы.

В результате исследования данной проблемы автором было отмечено важная составляющая воспитательного процесса детей в семьях и образовательных учреждениях Египта. Этим неотъемлемым компонентом является патриотизм и любовь к своему Отечеству. Даже в современном обществе, когда взгляд выпускников на-

целен на получение зарубежного высшего образования, стремления к эмиграции, прослеживается четкое стремление сделать свою страну великой, посвятить свое будущее благо народа и семьи.

Среди целей выпускников Москвы явно выражен эгоцентричный акцент в процессе целеполагания.

Данная статья показывает, какие морально-нравственные цели ставят перед собой современные выпускники мегаполисов, и в чем разница в процессе целеполагания подростков России и Египта.

Анализ теоретических разработок и изученность вопроса

Говоря о морально-нравственных аспектах в процессе целеполагания подростков, стоит изучить причинные взаимосвязи воспитания и ценностных ориентаций личности. Рассматривая воспитательный процесс в Египте, следует рассмотреть особую роль духовного воспитания подрастающего поколения. Помимо культурно-образующего воздействия на становление личности, особое значение в ориентация на жизненное предназначение и идеалы играет религиозная составляющая [4].

Понятия духовно-нравственное, нравственное и моральное воспитание отражают содержательные и ценностно-целевые векторы всего воспитательного процесса и его конечные личностные результаты [3].

Воспитание морально-нравственных ценностей современной молодежи является одной из важнейших проблем современного общества. Это обусловлено происходящими экономическими и политическими событиями внутри стран, снижением роли семьи в воспитательном процессе, девиантным и ассоциальным поведением подростков как в школах, так и в других общественных местах. Времяпрепровождение современных подростков направлено на удовлетворение личных интересов в ущерб общественным. Большинство современных российских подростков исповедуют гедонистическое мировоззрение прозападного толка. Про нравственность и нравственные принципы современные молодые люди говорят нередко в ёрническом тоне, не признавая за собой никакого нравственного долга перед государством или семьей.

В то же самое время мораль и нравственность - важнейшая составляющая духовной культуры человека.

Мораль относится к тому, как именно люди выбирают свою жизнь. Это набор руководящих принципов, которые управляют их решениями о правильном и неправильном, о добре и зле. По мере того как происходит когнитивное, эмоциональное и социальное развитие

молодых людей, их понимание морали расширяется, и их поведение становится более тесно связанным с их ценностями и убеждениями. Таким образом, нравственное развитие описывает эволюцию этих руководящих принципов и демонстрирует способность применять эти руководящие принципы в повседневной жизни.

Ж. Пиаже, известный своей теорией когнитивного развития детей, также предложил теорию о нравственном развитии личности. Пиаже признавал, что когнитивное развитие тесно связано с нравственным развитием, и особенно интересовался тем, как менялись со временем представления детей о морали.

Согласно Пиаже, подрастающее поколение развивает мораль сотрудничества в возрасте 10 лет и старше. По мере того как подросток развивает мораль сотрудничества, он понимает, что для создания кооперативного общества люди должны работать вместе, чтобы решить, что приемлемо, а что нет.

Пиаже считал, что подростки в этом возрасте начинают понимать, что мораль представляет собой социальные соглашения между людьми и призвана способствовать общему благу. Кроме того, они признают, что люди могут отличаться в том, как они понимают и подходят к моральной ситуации или проблеме. Они также начинают понимать, что разница между правильным и неправильным не является абсолютной, но вместо этого надо учитывать изменяющиеся переменные, такие как контекст, мотивация, способности и намерения.

Более того, Пиаже считал, что молодежь в этом возрасте начинает понимать, что нравственность решения не зависит исключительно от результата этого решения. Например, приходит понимание, что движение по знаку «стоп» неправильно, независимо от того, получает ли человек штраф за нарушение правил дорожного движения или нет - потому что такое поведение может стать причиной дорожно-транспортного происшествия.

Кроме того, молодежь начинает понимать взаимную выгоду от принятия моральных решений, то есть моральное решение создает оптимальное решение для всех участников, даже если затрагиваются только два человека. Когда ситуация решается таким образом, который кажется справедливым, разумным и/или выгодным для всех сторон, людям становится легче принять и уважать решение.

Эта концепция справедливости называется взаимностью. Изначально юношеское понимание взаимности может быть очень буквальным и упрощенным. К среднему подростковому возрасту молодежь расширяет свое понимание справедливости, включая идеальную взаимность. Идеальная взаимность относится к типу спра-

ведливости, выходящему за рамки простой взаимности, и включает в себя учет наилучших интересов другого человека. Это лучше всего описывается известной поговоркой: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой», которую многие люди знают, как золотое правило.

Подростки, достигшие идеальной взаимности, представляют себе проблему с точки зрения другого человека и пытаются поставить себя на его «место», прежде чем принять моральное решение.

Согласно Пиаже, как только достигается идеальная взаимность, моральное развитие завершается. Однако теперь мы знаем, что многие молодые люди будут продолжать совершенствовать свой моральный процесс принятия решений и в раннем взрослом возрасте.

Пиаже считал, что эта способность не развивается до позднего детства или ранней юности. Однако более поздние исследования показывают, что эта способность развивается быстрее, чем когда-то полагал Пиаже. Младшие дети способны осознать важность чьих-то намерений при оценке моральности того или иного решения; но младшие дети, как правило, довольно наивны в своей вере в лучшие намерения людей, которые диктуют их реальный выбор.

Подростки должны ежедневно выносить моральные суждения. Когда дети младше, их семья, культура и религия сильно влияют на принятие ими моральных решений. Однако в раннем подростковом периоде сверстники оказывают гораздо большее влияние. Давление сверстников может оказать сильное влияние, потому что друзья играют более значительную роль в жизни подростков. Более того, развивающаяся способность мыслить абстрактно позволяет молодежи осознать, что предписываемые правила созданы другими людьми. В результате подростки начинают сомневаться в абсолютной власти родителей, школ, правительства и других традиционных институтов. Скептицизм и бунт против «традиционных ценностей» свойственны многим подросткам просто в силу возраста. Одновременно происходит снижение интереса к учебе в угоду тому, что интересно для подростка в данный момент [1].

К концу подросткового возраста большинство подростков становятся в большей степени конформистами и признают ценности общества, поскольку они начинают устанавливать свою собственную идентичность, свою собственную систему убеждений и свое собственное место в мире.

Некоторые молодые люди, стремящиеся достичь самых высоких уровней морального развития, могут реализовать свои убеждения на практике. Это выражается

в том, что они принимают участие в деятельности, демонстрирующей их моральные убеждения. Например, некоторые студенты колледжа могут организовывать и участвовать в демонстрациях и протестах, в то время как другие студенты могут добровольно посвятить свое время проектам, которые продвигают этические принципы, важные и ценные для этих молодых людей.

К сожалению, у некоторых молодых людей есть негативный жизненный опыт, который может помешать их нравственному развитию. Возможно, они пережили какой-то травматический опыт или разочарование в своих идеалах. В молодом возрасте такие вещи воспринимаются весьма болезненно. Такие переживания могут заставить подростков и молодежь рассматривать весь мир как безнравственный и несправедливый. Или, возможно, они наблюдали, как взрослые в своей жизни принимали аморальные решения, которые игнорировали права и благополучие других, приводя этих молодых людей к развитию убеждений и ценностей, которые противоречат остальному обществу. Не имея морального компаса, эти молодые люди могут никогда не достичь своего полного потенциала и могут столкнуться с трудностями в формировании значимых и полезных отношений с другими.

Таким образом, хотя процесс нравственного развития может быть трудным или сложным, важно помнить, что этот этап развития необходим для благополучия и успеха в жизни.

В 2015 году Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев подписал Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [5]. В данной стратегии перечислены элементы духовно-нравственных ценностей, таких как человеколюбие, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Среди основных направлений развития отмечено обновление воспитательного процесса с учетом современных достижений науки на основе отечественных традиций. Его элементами являются гражданское и патриотическое воспитание, духовно-нравственное развитие, а также приобщение детей к культурному развитию.

Ранее проведенные социологические исследования морально-нравственных ориентаций современной российской молодежи показали, что ведущими являются индивидуальные ценности, а общественные принимаются, но не в ущерб личным [2].

Методология.

Контекст исследования

В состав методов, обеспечивающих проведение дан-

ной работы, входили: теоретический анализ источников, социологическое исследование (опрос), методы математической статистики.

В проведенном исследовании были использованы данные по результатам анкетирования подростков.

В исследовательских целях старшеклассников Москвы и Каира попросили заполнить анкеты.

Выборка

В соответствии с поставленной целью и задачами в сравнительном психологическом исследовании с 2017г.

Таблица 1

Группы и подгруппы целей

№ категории	Основные группы целей	Подгруппы целей, включенные в основную группу
1	Авто	Получение водительских прав, приобретение автомобиля
2	Другое	Не включенное в остальные категории
3	Друзья	Друзья, отношения
4	Здоровье	Красота
5	Иностранные языки	
6	Любовь	Партнеры
7	Учеба	Образование, знания, навыки, умения
8	Отдых	Развлечения, комфорт, счастье
9	Покупки	Накопления
10	Путешествия	
11	Карьера	Профессии, успех
12	Религия	Благотворительность, патриотизм
13	Самообразование	Предназначение, личностный рост
14	Семья	Родственники, домашние питомцы, домашние заботы
15	Спорт	
16	Хобби	

Таблица 2.

Распределение целей по основным жизненным сферам

Основные группы целей	Москва	% от общего количества целей	Основные группы целей	Каир	% от общего количества целей
Авто	10	1,4%	Авто	45	6,2%
Другое	9	1,2%	Другое	5	0,7%
Друзья	18	2,4%	Друзья	7	0,9%
Здоровье	65	8,8%	Здоровье	7	0,9%
Иностранные языки	21	2,8%	Иностранные языки	15	2,0%
Любовь	11	1,5%	Любовь	3	0,4%
Учеба	215	29,1%	Учеба	91	12,4%
Отдых	106	14,4%	Отдых	1	0,2%
Покупки	44	6,0%	Покупки	21	2,9%
Путешествия	40	5,4%	Путешествия	83	11,3%
Карьера	42	5,7%	Карьера	212	29,0%
Религия	0	0,0%	Религия	79	10,7%
Самообразование	26	3,5%	Самообразование	81	11,1%
Семья	70	9,5%	Семья	51	6,9%
Спорт	3	0,4%	Спорт	15	2,0%
Хобби	58	7,9%	Хобби	17	2,4%
ИТОГО:	738		ИТОГО:	732	

по 2020г. было задействовано 200 старшеклассников мужского и женского пола в возрасте от 14 до 18 лет. Вся выборка была разделена на две группы для сравнения. Первую группу составили 100 старшеклассников мегаполиса Москва из школ №№ 49, 311, 1065, 1191, 1985.

Вторую группу составили 100 старшеклассников из столицы Египта города Каира. Испытуемыми являлись старшеклассники – учащиеся 9-11 классов.

Результаты

Каждому учащемуся было предложено написать 10 актуальных для него жизненных целей.

По результатам статистической обработки общее количество целей, подлежащих анализу составило 1440: 738 целей у подростков Москвы и 732 цели у подростков Каира

Результаты анкетирования были разбиты на 16 условных категорий сфер жизни. Цели были классифицированы по следующим группам, объединяющие подгруппы целей.

В таблице 3 представлено распределение целей по рангам.

Полученные результаты указывают на наличие статисти-

стически значимых различий в целях подростков в представленной выборке. Так из 16 основных жизненных сфер подростки Каира среди своих целей уделяют большое значение вопросам: карьеры (29%); учебы (12,4%); путешествий (11,3%); самообразования (11,1%); религии (10,7%).

В то время как для столичных школьников России важными являются вопросы: учебы (29,1%); отдыха (14,4%); семьи (9,5%); здоровья (8,80%); хобби (7,90%).

Самообразование в рейтинге московских подростков выбрали всего 3,50% опрошенных, религию не выбрал никто из опрошенных.

Однако для того, чтобы сделать вывод о разнице морально-нравственных целей между подростками Москвы и Каира, вышеуказанной классификации недостаточно. Выделим группы целей с различным уровнем.

Далее на рисунке 1 представлена сравнительная диаграмма ценностей московских и каирских подростков.

Мы отмечаем ориентацию молодежи на рыночные и личные ценности в ущерб общественным.

Результаты показывают существенную разницу жизненных целей подростков Каира и Москвы.

Таблица 3.

Распределение целей по рангам

Основные группы целей	Москва	% от общего количества целей	Основные группы целей	Каир	% от общего количества целей
Учеба	215	29,10%	Карьера	212	29,00%
Отдых	106	14,40%	Учеба	91	12,40%
Семья	70	9,50%	Путешествия	83	11,30%
Здоровье	65	8,80%	Самообразование	81	11,10%
Хобби	58	7,90%	Религия	79	10,70%
Покупки	44	6,00%	Семья	51	6,90%
Карьера	42	5,70%	Авто	45	6,20%
Путешествия	40	5,40%	Покупки	21	2,90%
Самообразование	26	3,50%	Хобби	17	2,40%
Иностранные языки	21	2,80%	Иностранные языки	15	2,00%
Друзья	18	2,40%	Спорт	15	2,00%
Любовь	11	1,50%	Друзья	7	0,90%
Авто	10	1,40%	Здоровье	7	0,90%
Другое	9	1,20%	Другое	5	0,70%
Спорт	3	0,40%	Любовь	3	0,40%
Религия	0	0,00%	Отдых	1	0,20%
ИТОГО:	738		ИТОГО:	732	

Таблица 4.

Ценностные ориентации подростков России и Египта.

Ценностные ориентации	Москва	% от общего количества целей	Ценностные ориентации	Каир	% от общего количества целей
Высокое материальное положение	267	36,18%	Высокое материальное положение	212	28,96%
Служение обществу	18	2,44%	Служение обществу	165	22,54%
Достижения	70	9,49%	Достижения	191	26,09%
Сохранение собственной идентичности	182	24,66%	Сохранение собственной идентичности	81	11,07%
Получение удовольствий	201	27,24%	Получение удовольствий	83	11,34%

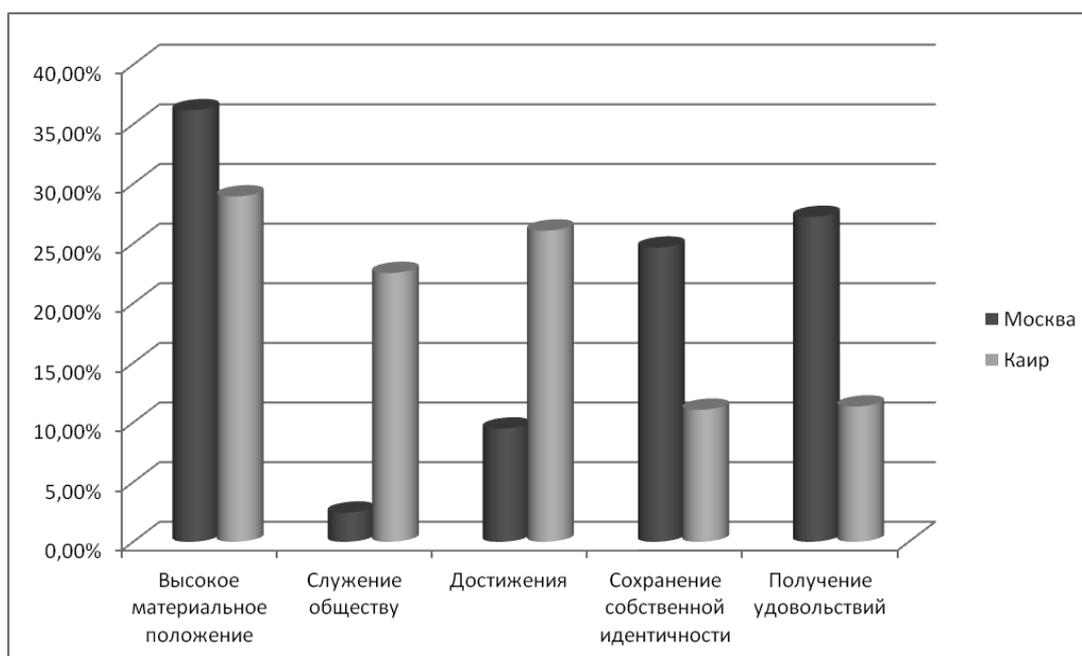


Рис. 1. Ценности московских и каирских подростков

Старшеклассники Каира ставят цели преимущественно в категории Карьеры с последующей эмиграцией из страны.

Старшеклассники Москвы ориентируют свое целеполагание в поле дальнейших выпускных экзаменов в школе и поступлении в ВУЗ.

Выводы

Проведенное исследование позволило оценить разницу в нравственно-моральных ценностях подростков разных стран. Полученные в результате анализа анкетирования данные позволяют установить, что подростки Москвы и подростки Каира имеют отличные цели и ценностные ориентации.

Ограничения исследования

В исследовании принимали участие старшеклассни-

ки столиц России и Египта. Ограниченность исследования выражается в нескольких факторах:

Исследовались учащиеся государственных школ с бесплатным образованием. При этом в Каире средний социальный класс и обеспеченные люди стараются отдавать своих детей в международные школы Каира. Предполагается, что сфера интересов и жизненных целей у данной категории населения будет отличаться.

В исследовании не принимали участие школьники из отдаленных регионов обеих стран.

Исследование проводилось лишь среди школьников выпускных классов возраста 14-18 лет. Младшие школьники в исследовании не участвовали.

Гипотеза исследования о различии ценностных и нравственных ориентаций подростков Каира и Москвы подтвердилась.

Направления дальнейших исследований

Учесть в исследованиях коммерческие школы, отдаленные регионы, школьников более младшего возраста. Увеличить выборку участников исследования.

Изучить распределение результатов на долгосрочные и краткосрочные цели. Провести анализ и интер-

претацию.

Возможности практического или теоретического применения результатов вашей статьи.

Данные исследования позволяют разрабатывать методики и программы развития навыков целеполагания с учетом важности религиозного компонента, эмиграционной проблемы и масштабов целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алемаева А.Ю. Уровни ценностей у старшеклассников: безопасность и интерес // Человек и современный мир. 2018. № 10 (23). С. 55-61.
2. Вишнякова Н.А., Долгаева Е.И. Морально-нравственные ориентации современной молодежи // Вестник МГУ. 2011. № 3. С. 222-225.
3. Гусакова В.О. О духовно-нравственном, нравственном и моральном воспитании // Вестник ЮУрГПУ. 2015. № 3. С. 90-99.
4. Овчарова Р.В. Моральные ценности и подростковая делинквентность // Вестник Курганского государственного университета. 2015. № 2 (36). С. 65-76.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Российская газета - Федеральный выпуск № 122(6693). Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 10.01.2021).

© Алемаева Анна Юрьевна (3@7a3.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



NATURAL HORSEMANSHIP: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЛОШАДЬЮ

NATURAL HORSEMANSHIP: THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING HUMAN-HORSE COMMUNICATION

**O. Bagno
S. Rassolov
A. Libontova
N. Ravochkin**

Summary: In this work, the authors attempt to analyze the natural skill of one of the most promising communication systems between man and horse. The theoretical and methodological foundations were provided by modern scientific domestic and foreign works, as well as analytical and comparative methods. The significance of the study of interspecies interaction in modern psychology is presented. Shows the evolution of the relationship between man and horse in a historical retrospective. The Natural Horsemanship System is comprehensively reviewed. Comparative studies between NH and traditional training systems are presented. In conclusion, the authors summarize the work and provide positive effects in their applied aspect.

Keywords: communication, interspecies interaction, man, horse, psychophysiology, training, care.

Багно Ольга Александровна
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Рассолов Сергей Николаевич
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Либонтова Арина Игоревна
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Равочкин Никита Николаевич
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
nickravochkin@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе авторы предпринимают попытку анализа Natural Horsemanship одной из перспективных систем коммуникативного взаимодействия между человеком и лошадью. Теоретико-методологическими основаниями послужили современные научные отечественные и зарубежные работы, а также аналитический и компаративистский методы. Представлена значимость исследования межвидового взаимодействия в современной психологии. Показана эволюция отношений между человеком и лошадью в исторической ретроспективе. Всесторонне рассмотрена система Natural Horsemanship. Приводится компаративистика между NH и традиционными системами тренинга. В заключение авторы подводят итоги работы и приводят перечень позитивных эффектов в их прикладном аспекте.

Ключевые слова: коммуникация, межвидовое взаимодействие, человек, лошадь, психофизиология, тренинг, забота.

Взаимоотношения человека с окружающей действительностью во всем ее многообразии помещаются в фокус социально-гуманитарных наук и междисциплинарных областей знания. Вне всякого сомнения, проблемы ответственности людей перед природой или же вопросы, лежащие в этической плоскости, имеют ярко выраженный прикладной характер. Однако в последнее время исследователи все чаще обращаются к области взаимодействий между человеком и животными. И если ранее анималистическая тематика казалась «сама собой очевидной», то сегодня, наоборот, работы по этой неоднородной области открывают новые горизонты, задавая солидные панорамы будущих психологических исследований. Отдельно следует подчеркнуть, что за рубежом психология межвидового взаимодействия человека с животными представляет собой активно развивающуюся область научного знания, о чем свидетельствует рост публикаций и появление специализированных тематических журналов [4].

В данной работе мы сосредоточимся на раскрытии теоретических аспектов коммуникации человека с лошадью. Пожалуй, следует начать с того, что роль животных на протяжении эволюции человека, ставшего таковым и не имевшим при этом морфологических адаптаций хищника, в самых различных исторических условиях получает достаточно высокие оценки. На наш взгляд, всю шкалу оценок роли домашних и сельскохозяйственных наиболее удачно было бы отобразить в виде бинарной оппозиции «преклонение – радикальный прагматизм». Без всякого преувеличения отметим, что те или иные животные практически всегда олицетворяют собой какие-то новые возможности для Homo Sapiens. К примеру, хитрость кошачьих или способности к полету мифического Пегаса – вот лишь немногочисленные примеры поистине партнерских отношений между человеком и животными.

Так почему же актуально изучать взаимодействия

человека и лошади? Помимо полушуточного аргумента, взятого нами из творчества Киплинга, отражающего значимость лошади в цивилизации (напомним, что именно она второй после собаки пришла на службу человеку), укажем и на то, что эти животные являются социальными. По этому поводу Т.В. Доронина пишет, что «их выживание зависит от умения вести совместную жизнедеятельность внутри табуна, в котором существует своя иерархия, сохраняющаяся на протяжении длительного времени» [2, С. 220].

Наконец, даже неглубинная аналитика исторического материала даст подтверждения многочисленным фактам непрерывного взаимодействия человека с лошадьми, а по состоянию и уровню развитию коневодства вообще судили о способности государств сохранять свою независимость. Американские профессора Кьисон и Абрамсон дают достаточно подробное ретроспективное резюме: «Лошади были одомашнены тысячи лет назад для транспорта, сельского хозяйства и ведения войны. Их роль в истории, в первую очередь, была сосредоточена на обеспечении скорости и силы для отдельных людей и общества. Современность изменила их роль, и теперь лошадей рассматривают в качестве друзей, используют для развлечения и терапии. Однако взаимодействие между человеком и лошадью не изменилось, и нам необходимо заново оценить взаимодействие с лошадьми, чтобы наилучшим образом определить новую роль этих уникальных существ в обществе» [3, С. 342].

Постиндустриальный мир отошел от прежней сверхэксплуатации лошади (охота, прогулки, получение мяса и молока, турниры) со стороны человека, тем самым habituализировав множество отражающих заботу, любовь и привязанность практик взаимодействия. Одной из наиболее интересных среди таковых нам представляется «Natural Horsemanship» (НХ), которая появилась в 80-е гг. прошлого столетия в США. Любопытно, что принципы успешного обучения лошадей «без сопротивления» восходят еще к античной мысли и описаны в трудах Гомера, Ксенофонта, Аристотеля и других. Свою реализацию они получили конниками, оттачивавшими просовременные ездые практики на протяжении столетий. Первоначально данная система оформилась в качестве новых наезднических методик стиля «вестерн», а ее популяризация корреспондировала с уже отмеченной нами во введении популяризации психологии межвидового взаимодействия, а также первоначально с вполне утилитарными целями обучения лошадей. В последующем система НХ также перенеслась и на другие виды езды. Не уходя в детальный разбор, мы оцениваем достигнутые с того времени высокие результаты исключительно в позитивной модальности. Неудивительно, что перспективная система Natural Horsemanship относительно стремительно покинула границы США, найдя свое практическое применение в других странах. К слову, в России

ее интерпретируют достаточно широко как «натуральные или естественные отношения» [5;7].

Говоря в целом, лошади являются достаточно сложными в содержании и одновременно с этим высокочувствительными животными. Однако ключевой момент обучения НХ фундаментирован своевременным снятием давления. В частности, согласно рассматриваемой системе, создание дискомфорта посредством команды подразумевает необходимость его незамедлительного снятия. Таким образом, в условиях комфорта лошадь даст правильную реакцию («ответ») на команду. Еще НХ обращается к технологии так называемого «отрицательного подкрепления» (похвала за правильные действия), что выступает своего рода поощрением для лошадей, которые используют эти же принципы и в общении друг с другом. И.А. Дитман показывает, что «обмен информацией происходит между лошадьми, однако когда с лошадью начинает общаться человек, она продолжает подавать привычные сигналы и чутко следить за реакцией партнера, следовательно, появляется возможность использования языка тела для качественного улучшения коммуникации. Подходя к лошади впервые, знакомясь с ней или приветствуя, как старого знакомого, мы выражаем наши чувства и эмоции через мимику лица, движения корпуса, жесты рук» [1, С. 57].

Тренер П. Парелли называл Natural Horsemanship «обучением в игре» [6]. Скорее всего, он связывал это с тем, что лошади уделяют большое количество внимание форме предметов, отмечал, что прежде всего люди должны стараться разнообразить обстановку, тем самым им будет проще найти варианты позитивного доведения до лошади необходимой команды. Выходит, инновационность НХ можно связать с тем, что данная технология первоначально делает упор на коммуникативной стороне посредством установления контакта между человеком и лошадью, и только уже затем направлено на развитие движений. Это во многом отличается от абсолютного большинства традиционных тренинговых систем, в рамках которых лошади сразу же подпадают под обучение «специализации», тогда как психологический аспект может быть попросту проигнорирован. На наш взгляд, НХ позволяет лошади не только привыкнуть к биомеханическим особенностям человека, относительным движениям отдельных частей тела и позам, но и понимать людские чувства, эмоции и, конечно же, оценивать их уверенность в себе. Также Natural Horsemanship способствует тому, что лошадь формирует для себя «истинное состояние индивида». Реагируя на субъективный образ в определенном ключе, лошадь начинает выстраивать отношения с оказавшемся в ее пространстве человеком. Таким образом, обобщение и систематизация знаний в НХ открыли широкий спектр возможностей не только для теоретико-методологической базы межвидового взаимодействия, но и главным образом в прикладном

Таблица 1.

Основные принципы традиционной системы тренинга лошадей и Natural Horsemanship

Показатель	Система тренинга лошадей	
	традиционная	Natural Horsemanship
Использование приемов обучения	Характерные для определенного вида спорта	Формирует мышление, с помощью которого можно формировать любую программу обучения лошади
Основа общения человека с лошастью	Принуждение	Лидерство
Обучение лошади быть безопасной для человека	Отсутствует	Присутствует
Основа для обучения лошади	Создание дискомфорта для лошади, механическое удержание средствами управления или страх	Своевременное снятие давления, стремление лошади от дискомфорта к комфорту, желание лошади сотрудничать и ее моральная готовность выполнить команду
Наличие специального образования для обучения лошади	Не обязательно	Обязательно
Принадлежность лошади к определенной породе, полу, возрасту и т.д.	Учитывается	Не учитывается
Основной принцип обучения лошади	Зависит от направления использования лошади	Обучение в игре
Основное место нахождения человека во время обучения лошади	На лошади	Рядом с лошастью
Выделение отдельного времени под обучение	Требуется	Не требуется, обучение проводится при чистке, кормлении, езде и т.д.
Реакция человека на неправильное поведение лошади	Наказание	Недопущение или коррекция на ранних этапах обучения
Реакция человека на правильное поведение лошади	Поощрение	Поощрение в виде лакомства не обязательно
Использование снаряжения	Обязательно, используется как средство механического удержания и подчинения	Допускается, используется как средство подачи команд

аспекте позволили сконструировать качественно иной образ мышления и способ(ы) общения между людьми и лошадьми [1;5;6;7]. Компаративистика между НН и традиционной системой тренинга представлена ниже в таблице 1.

Продолжая рассуждения, отметим, что потенциал НН выходит только лишь за границы успешного развития индивидуальных навыков владения лошастью и умений держаться в седле. По мнению авторов, рассмотренная система межвидового взаимодействия становится мощным инструментом оздоровления человека и формиро-

вания у него дополнительных навыков просоциального поведения. Одновременно с этим коммуникативная успешность удовлетворяет актуальную человеческую потребность в субъектификации лошади, что позволяет людям приобрести дополнительную лояльность в глазах животного. В заключение статьи, помимо высвечивания нами терапевтического потенциала анималотерапии (в данном случае речь идет об иппотерапии) для физиологии человека, отмечаем, что взаимодействия с лошастью открывают к человеку путь к самому себе и глубинным слоям психики, а также способствуют повышению уровня осознанности совершаемых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дитман И.А. Язык тела в коммуникациях с лошадьми // Иппология и ветеринария. 2011. № 2 (2). С. 56-58.
2. Доронина Т.В. Взаимосвязь эмоционального состояния человека и эффективности его работы с лошастью в процессе иппотерапии // В сборнике: Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Материалы Конференций Гнии «Нацразвитие». Выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзессер; Ответственный за выпуск С.В. Викторенкова. 2019. С. 219-221.
3. Кьисон Э., Абрамсон Ч.И. Коммуникация лошади и человека: обзор истории и перспективы // В сборнике: Психология в современном мире. сборник статей Международной научно-практической конференции. Под ред. О.В. Кашеева, И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. 2017. С. 342-344.

4. Шукова Г.В. Психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 2 (83). С. 155-166.
5. Anderson C. Downunder Horsemanship. Trafalgar Square Books, 2004. 206 p.
6. Parelli P. Natural Horsemanship. Western Horseman magazine, 2003. 223 p.
7. Rashid M. Horsemanship through life. Johnson Books, 2005. 198 p.

© Багно Ольга Александровна, Рассолов Сергей Николаевич, Либонтова Арина Игоревна,
Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ В ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ

PILOT STUDY OF THE LEVELS OF SOCIAL AND PERSONAL DEVELOPMENT IN PRESCHOOL CHILDREN IN A THEATER STUDIO

*S. Batueva
Ya. Zhakupova
O. Gerasimova
L. Semchenko*

Summary: The article reveals and empirically confirms the influence of the theater studio on the levels of social and personal development of preschool children. The components of social and personal development of preschool children are defined: motivational-emotional, communicative-cognitive, and activity-creative. The personal qualities corresponding to each component are selected as criteria, and the descriptive characteristics of the selected qualities are given. The article presents the results of a psychological study of preschool children and their levels of formation of social and personal qualities ($n=197$, average age 5.9 ± 0.9 years) who attend the theater studio in the Palace of Pioneers and Schoolchildren named after N. K. Krupskaya in Chelyabinsk; the children's theater studio of the MOE «SOSH No. 8» in Troitsk; the city House of Culture and art schools No. 1, No. 3 in Troitsk; the children's theater studio in Yuzhnouralsk. The paper considers the components of the criteria of social and personal development in preschool children and the methods of their diagnosis. Psychodiagnostic methods of research were used: the Rosenzweig test (1948), the Leopold and Sonya Bellac children's apperceptive test (SAT-N) (1966). Methods of studying the willpower readiness of the Bourdon test; methods of diagnosing creativity of Gilfrd and Torrens (1962); methods of diagnosing the level of development of an arbitrary sphere by N.I. Gutkina (1981); projective methods of diagnosing the nature of relations by T.D. Mirzinkovskaya (1997). The results of the ascertaining experiment are presented. At the stage of the ascertaining experiment, the results of the study of the levels of social and personal development in preschool children in two groups: those who attend and those who do not attend a theater studio are considered. The analysis of the quantitative results obtained at the stage of the ascertaining experiment is carried out. The results of the formative experiment are presented on the example of four groups: preschoolers did not participate in the activities of the children's theater studio; the activities of the children's theater studio were carried out according to the usual program; in the second experimental group, the design of the activities of the children's theater studio was carried out partially; in the third experimental group, the design of the activities of the children's theater studio was carried out in full. The article considers the dynamics of social and personal development of preschool children in the activities of a children's theater studio using dynamic series through the average indicator, and determines the efficiency coefficient of each method.

Батueva Светлана Владимировна,

*К.п.н., доцент, Южно-Уральский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Челябинск
batuevas@mail.ru*

Жакупова Яна Турарована,

*К.псих.н., доцент, Южно-Уральский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Челябинск
ps-gold@yandex.ru*

Герасимова Оксана Юрьевна,

*К.б.н., доцент, Южно-Уральский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Челябинск
oksana-5858@mail.ru*

Семченко Любовь Николаевна,

*К.м.н., доцент, Южно-Уральский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Челябинск
luba_sem96@mail.ru*

Аннотация: В публикации раскрывается и эмпирически подтверждается влияние театральной студии на уровни социально-личностного развития дошкольников. Определены компоненты социально-личностного развития дошкольников: мотивационно-эмоциональный, коммуникативно-когнитивный и деятельностно-творческий. В качестве критериев выбраны личностные качества, соответствующие каждому компоненту, дана описательная характеристика выбранных качеств. В статье представлены результаты психологического исследования дошкольников и их уровни сформированности социально-личностных качеств ($n=197$, средний возраст $5,9\pm 0,9$ лет), посещающих театральную студию во Дворце пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска; детской театральной студии МОУ «СОШ №8» г. Троицка; в городском Доме Культуры и школах искусств №1, №3 г. Троицка; детской театральной студии г. Южноуральска. В работе рассмотрены компоненты с критерии социально-личностного развития у дошкольников и методики их диагностики. Используются психодиагностические методы исследования: тест Розенцвейга (1948), детский апперцептивный тест Леопольда и Сони Беллак (САТ-Н) (1966). Методика исследования волевой готовности тест Бурдона; методики диагностики креативности Гилфрда и Торренса (1962); методика диагностики уровня развития произвольной сферы Н.И. Гуткиной (1981); проективная методика диагностики характера отношений Т.Д. Мирзинковской (1997). Представлены результаты констатирующего эксперимента. На этапе констатирующего эксперимента рассмотрены результаты исследования уровней социально-личностного развития у дошкольников в двух группах: посещающих и не посещающих театральную студию. Проведен анализ количественных результатов, полученных на этапе констатирующего эксперимента. Представлены результаты формирующего эксперимента на примере четырех групп: дошкольники не участвовали в деятельности детской театральной студии; деятельность детской театральной студии осуществлялась по обычной программе; во второй эксперимен-

Keywords: social and personal development, theater studio, motivational-emotional, communicative-cognitive, activity-creative components, personal qualities of a preschool child.

Актуальность исследования

Современные исследования по проблеме личностного развития дошкольника определяют характеристики, которые можно и отнести к универсальным личностным способностям. К данным характеристикам можно отнести: креативность, ответственность, самооценку, самостоятельность, инициативность, организованность. Становление личностных способностей осуществимо в процессе социального развития ребенка. Известно, что процесс социального развития осуществляется в двух направлениях. Первым направлением служит влияния культуры, вторым - усвоение культурного опыта индивидом, актуализацией собственного «Я» через усвоенные культурные ценности и раскрытие творческого личностного потенциала. Ведущим критерием эффективности социального развития выступает не степень усвоения социальных норм и адаптированность к окружающей действительности и проявление индивидуальности личности.

Социально-личностному развитию в онтогенезе, способствует игровая деятельность, в котором ребенок усваивает социальный опыт, проявляет индивидуальность и осознает себя как социально значимый субъект. В процессе игровой деятельности происходит расширение социального пространства ориентация в котором требует личностных качеств, креативность, ответственность, самооценку, самостоятельность, инициативность, организованность. Игровая деятельность способствует развитию физической и психосоциальной области дошкольника. С помощью ролевой игры дошкольник осуществляет практическое применение своих социальных знаний. Уподобляясь героям игры, ребенок развивает способность символической репрезентации и понимая окружающих [1,4,6]. В ролевой игре ребенок отслеживает различные поведенческие модели, дает им оценку. Игра позволяет ребенку проявлять свои чувства. Процесс игры данным случае, может быть рассмотрен как отдельный механизм социально-личностного развития, обусловленный действиями подражанием, нормативной регуляцией, присвоением нового опыта [8,7]. Поиск новых форм организации процесса игры и включения

тальной группе проектирование деятельности детской театральной студии осуществлялось частично; в третьей экспериментальной группе осуществлялось проектирование деятельности детской театральной студии в полном объеме. В статье рассмотрена динамика социально-личностного развития дошкольников в деятельности детской театральной студии при помощи динамических рядов через средний показатель, и определен коэффициент эффективности каждой методики.

Ключевые слова: социально-личностное развитие, театральная студия, мотивационно-эмоциональный, коммуникативно-когнитивный, деятельностно-творческий компоненты, личностные качества дошкольника.

ребенка в игровой процесс – это одна из приоритетных психолого-педагогических задач. К эффективной форме организации игрового пространства можно отнести театральные занятия. В процессе совместного проигрывания ролей осваивается социальное пространство, усваивает социальные нормы и ценности [3,2,5]. Исследования показывают, что существуют реальные возможности по организации игровой социально-ориентированной деятельности посредством деятельности детской театральной студии. Театральное искусство объединяет разнообразные выразительные средства, способствующие целостному воздействию на личность. Театральные занятия дают возможность включать ребенка в различные виды игровой деятельности, которые развивают коммуникативные, когнитивные эмоционально и волевые структуры личности ребенка. Однако, исследования по проблеме социально-личностного развития дошкольников посредством театральной деятельности немногочисленны, практических рекомендаций разработано недостаточно. Таким образом, актуальность определяется недостаточностью изученности проблемы социально-личностного развития дошкольников в театральной студии, и практических рекомендаций по данному вопросу.

Целью настоящего исследования является изучение различий в уровнях сформированности личностных качеств и социально-личностного развития у дошкольников посещающих театральную студию и у дошкольников не посещающих театральную студию.

Задачи исследования: 1) определение компонентов и критериев социально-личностного развития у дошкольников; 2) определение уровня сформированности компонентов социально-личностного развития при помощи психолого-диагностического исследования личностных качеств у дошкольников (креативность, ответственность, самооценку, самостоятельность, инициативность, организованность); 3) проведение сравнительного анализа сформированности компонентов социально-личностного развития у дошкольников посещающих и не посещающих театральную студию.

Организация исследования осуществлялась следующим образом. В результате теоретического анализа были определены компоненты и критерии социально-личностного развития дошкольников. К компонентам социально-личностного развития дошкольника были отнесены следующие: мотивационно-эмоциональный, коммуникативно-когнитивный, деятельностно-творческий. Критериями каждого компонента явились личностные качества: мотивационно-эмоциональный – (ответственность, самостоятельность), коммуникативно-когнитивный – (инициативность, самооценочность), деятельностно-творческий (креативность, организованность).

Каждый из компонентов оценивался по нескольким тестам (для высокой достоверности) и был разделен на три уровня сформированности: компонент отсутствует или проявлен недостаточно (низкий уровень), компонент проявлен (средний уровень), компонент развит (высокий уровень).

На констатирующем этапе при помощи психодиагностических методик, были определены уровни сформированности социально-личностных качеств у дошкольников, посещающих и не посещающих театральную студию.

На формирующем этапе эксперимента была внедрена комплексная программа театральной студии, направленная на развитие социально-личностных качеств у дошкольников. Были созданы экспериментальные группы, имеющие изначально равные параметры, но в которых осуществлялось социокультурное проектирование, опирающееся на различное содержание. Целостная комплексная программа полностью внедрялась в одной экспериментальной группе - ЭГ-3. В ЭГ-1 деятельность детской театральной студии осуществлялась без внедрения комплексной программы театральной студии. В ЭГ-2 осуществлялось внедрение комплексной программы детской театральной студии, однако в содержательной части: комплексной программы, отсутствовало одно из направлений – развитие мотивационно-эмоционального компонента. В КГ занятия в театральной студии не осуществлялись.

На обобщающем этапе эксперимента осуществлялась аналитическая деятельность. Были определены различия в экспериментальные и контрольные группы осуществлялась следующим образом: анализ количественных характеристик каждой группы; количественная оценка уровня социально-личностного развития и определение коэффициента эффективности каждой методики; определение и представление абсолютного прироста среднего показателя в экспериментальных и контрольной группах. Определение достоверности различий осуществлялась при помощи Критерия Пирсона.

Методы исследования

Для реализации цели и задач исследования был использован психодиагностический комплекс, включавший проективные методики для исследования индивидуальных особенностей и качеств личности дошкольника: тест Розенцвейга (1948), детский апперцептивный тест Леопольда и Сони Беллак (САТ-Н) (1966). Методика исследования волевой готовности тест Бурдона; методики диагностики креативности Гилфрда и Торренса (1962); методика диагностики уровня развития произвольной сферы Н.И. Гуткиной (1981); проективная методика диагностики характера отношений Т.Д. Мирцинковской (1997) [9,10].

Математико-статистическая обработка исследование динамики процесса социально-личностного развития осуществлялось определением коэффициента эффективности каждой методики при помощи динамических рядов. Определением и представлением абсолютного прироста среднего показателя в экспериментальных и контрольной группах. А также критерия χ^2 Пирсона (для номинативных признаков). Полученные результаты были обработаны с использованием стандартных методов математической статистики, включенных в статистические пакеты SPSS 20.0

Материал исследования составили личностные характеристики 197 дошкольников: ответственность, самостоятельность, инициативность, самооценочность, креативность, организованность, средний возраст дошкольников составил $5,9 \pm 0,9$ лет.

Результаты исследования с помощью психодиагностического комплекса исследований. При помощи психодиагностических методов были определены уровни сформированности социально-личностного в ЭГ-1, ЭГ-2, ЭГ-3, в начале и в конце эксперимента. Исследуемые характеристики и результаты исследования приведены в таблице 1.

Результаты исследования позволили сделать предположение, что театральная студия способствует социальному развитию с дошкольника, это утверждение доказывают следующие показатели: ЭГ-1, где дети посещали театральную студию, показатели социально-личностного развития выше, чем показатели КГ, где дети не посещали театральную студию. В ЭГ-2 показатели социально-личностного развития выше, чем показатели КГ, где дети не посещали театральную студию. Однако, при внедрении комплексной программы в полной мере, осуществляется повышение профессиональной компетентности педагогов – художественных руководителей ЭГ-3, значительно повышается эффективность социально-личностного развития дошкольников.

Результаты диагностики сформированности социально-личностного развития дошкольников в детской театральной студии

Группа	Этап	Уровни						Ср	К _{эфф}
		низкий		средний		высокий			
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%		
ЭГ-1	начало	26	80	5	16	2	4	1.13	1.64
	конец	9	28	16	51	8	21	1.45	0.81
ЭГ-2	начало	26	76	6	17	2	7	1.31	0.74
	конец	7	22	16	48	11	30	2.08	1.16
ЭГ-3	начало	20	68	6	22	4	10	1.42	0.8
	конец	1	2	11	35	18	63	2.61	1.46
КГ	начало	39	39	46	46	15	15	1.76	-
	конец	36	36	49	49	15	15	1.79	-

Исследование динамики процесса социально-личностного развития дошкольников в театральной студии осуществлялось с применением следующих динамических рядов:

– средний показатель (*Ср*), отражающий количественную оценку роста уровня сформированности социально-личностного развития, который был вычислен по формуле:

$$Cp = \frac{1a + 2b + 3c}{100},$$

где *a*, *b*, *c* – выраженное в процентах количество детей, находящихся на высоком, среднем и низком уровнях сформированности социально-личностного развития. Цифры «1», «2», «3» – это весовые коэффициенты уровня. Коэффициент эффективности экспериментальной методики, который вычисляется по формуле: $K_{эфф} = Cp(э)/Cp(к)$, где $Cp(э)$ – значение среднего показателя экспериментальной группы; $Cp(к)$ – значение среднего показателя контрольной группы.

Показатель абсолютного прироста (*G*), отражающий разность начального и конечного значений уровня (или отдельного критерия, показателя) социально-личностного развития у дошкольников, посещающих детскую театральную студию, который вычисляется по формуле: $G = P_{кон} - P_{нач}$, где $P_{нач}$ – начальное значение уровня; $P_{кон}$ – конечное значение уровня. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Представленная в таблице динамика уровней социально-личностного развития дошкольников в студии в экспериментальных и контрольной группах показывает, что в ЭГ-3, где осуществлялось действие программы деятельности детской студии по социально-личностному развитию в полной мере, прирост высокого уровня сформированности социально-личностного развития составил - 53%. В ЭГ-2, где осуществлялось внедрение программы для детей, но не осуществлялось повышение

профессиональной компетентности педагогов, работающих в театральной студии, прирост высокого уровня социально-личностного развития составил – 23 %. В ЭГ-1, где были дети, посещающие театральную студию без внедрения программы, прирост высокого уровня составил – 16%. В КГ прирост высокого уровня не произошел. Одновременно снизилось количество дошкольников на низком уровне в ЭГ-1 до 28%, в ЭГ-2 до 22 %, в ЭГ-3 – до 2 %, в КГ до 36%. В контрольной группе, ЭГ-1 и ЭГ-2, по результатам контрольного среза у большинства дошкольников определен на средний уровень сформированности социально-личностного развития, в ЭГ-3 – на среднем уровне 35 %-и и 63 % определен высокий уровень.

Проверка достоверности гипотезы проводилась по критерию согласия χ^2 Пирсона, который позволяет установить эффективность эксперимента. Результаты представлены в таблице 3.

Для уровней статистические значимые отличия зафиксированы, а уровне значимости. Так как эмпирическое значение 12,61 χ эмп. больше двух критических значений, то H_0 гипотеза будет отвергнута. Таким образом, уровень сформированности социально-личностных качеств в ЭГ-3, где осуществлялось внедрение программы деятельности театральной студии, в полной мере отличается от уровня сформированности в КГ, это свидетельствует об эффективности программы театральной студии,

Заключение

Настоящее исследование посвящено изучению социально-личностного развития дошкольников в деятельности театральной студии. Изучен широкий спектр личностных характеристик у дошкольников. Сравнительный анализ контрольной и экспериментальных групп позволил сделать выводы: разница в результатах экспериментальных и контрольных групп свидетель-

Таблица 2.

Динамика уровней социально-личностного развития дошкольников театральной студии

Группа	Показатели абсолютного прироста (G)				
	G по уровням (в %)			G по Ср	G по $K_{эфф}$
	низкий	средний	высокий		
ЭГ-1	-52	35	16	0.66	0.83
ЭГ-2	-54	31	23	0.77	0.42
ЭГ-3	-66	13	53	1.19	0.96
КГ	-3	3	0	0.03	-

Таблица 3.

Показатели различий в уровнях в ЭГ 1, ЭГ 2, ЭГ 3 и КГ

Группа	$\chi^2_{наб}$	$\chi^2_{наб} < \chi^2_{крит}$	Статистическая значимость
ЭГ-1 и КГ	0,148	0,148 < 5,991	статистически не значимо
ЭГ-2 и КГ	0,1642	0,1642 < 5,991	статистически не значимо
ЭГ-3 и КГ	12,61	12,61 > 5,991	статистически значимо

Для $df = 2$ и $\alpha = 0,05$ $\chi^2_{крит} = 5,991$

ствуется о том, что социально-личностное развитие дошкольников идет успешней при внедрении программы детской театральной студии по социально-личностному развитию дошкольников. Для практического применения педагогов-психологов следует отметить, что дея-

тельность в театральной студии при применении комплексной программы, ориентированной на развитие социально-личностных качеств ребенка, посещающего театральную студию, способствует успешному социально-личностному развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: Учебное пособие / В.В. Абраменкова — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 431 с.
2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. - М.: Педагогика, 1991. - 420 с.
3. Бодалев, А.А. Личность и общение: избр. психол. тр. / А.А. Бодалев. - М.: Междунар. пед. академия, 1995. - 328 с.
4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. - М.: Просвещение, 1968. - 584 с.
5. Голованова, Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка / Н.Ф. Голованова. — СПб.: Речь, 2004. — 272 с.
6. Круглова, Л.Ю. Развитие творческих способностей ребенка дошкольного и младшего школьного возраста в системе дополнительного образования: метод. пособие / Л.Ю. Круглова. - М.: Полицентр, 2005. - 117 с.
7. Крулехт, М.В. Дошкольник и рукотворный мир: педагогическая технология целостного развития ребенка как субъекта детской деятельности / М.В. Крулехт. — СПб, 2002.
8. Петровский, А.В. Проблемы развития личности с позиций социальной психологии / А.В. Петровский // Вопросы психологии, 1984. - №4. - С. 11-29.
9. Шевченко, Маргарита Психологические рисуночные тесты для детей и взрослых / Маргарита Шевченко. - М.: АСТ, 2014. - 675
10. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностики детей. Смамара: Издательский дом «Бахрах - М», 2014. — 624 с.

© Батуева Светлана Владимировна (batuevas@mail.ru), Жакупова Яна Турапована (ps-gold@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗА «УСПЕШНОЙ ЛИЧНОСТИ» У ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ

Беглова Эльмира Ильдусовна

аспирант, Казанский федеральный университет

elmirabeglova84@mail.ru

FEATURES OF EMOTIONAL AND ASSESSMENT COMPONENT OF THE IMAGE OF "SUCCESSFUL PERSONALITY" IN WOMEN WITH DIFFERENT LEVEL OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

E. Beglova

Summary: In modern conditions of socio-cultural transformation of society, interest in issues of the content of ideas and attitude to the image of success, its functional role in the psychological adaptation of a person to new standards of life is growing. In this regard, the relevance of the study of the relationship between the content of the image of «success» in the self-concept with the level of psychological adaptation of women. The work is based on the conceptual representations of A.A. Nalchajyan on the adaptive functions of the "I-concept" and the structural organization of each I-image, consisting of cognitive and evaluative substructures, on which the understanding of the structure of the image of "success" and the hypothesis of its adaptive function were based. It was assumed that the content of the gender aspects of the image of "success" in the women's self-concept would differ in the affective (non-verbal, emotional-evaluative) component among psychologically adapted and non-adapted women of different ages and social status. In the framework of this work, the author's methodological complex for diagnosing the content of the image of "success" was developed and tested, including projective and subjective diagnostic methods, with the help of which women with different psychological adaptations were identified and described three options for the attitude to the image of a "successful person" in terms of gender differentiation (semantic differences in women's perceptions of the success of "masculine" and "feminine"). Differences in the content of the gender aspects of the image of "success" in the emotional-evaluative (non-verbal) component among psychologically adapted and non-adapted women of different ages and social status are established. Methodological tools can be used in further studies of the role of the image of success in personal adaptation.

Keywords: image of a "successful person", "I-concept", psychological adaptation, gender stereotype, emotional-evaluative component, gender differentiation.

Аннотация: В условиях социально-культурной эволюции общества обостряется интерес к вопросам содержания представлений и отношения к образу успешности, его функциональной роли в психологической адаптированности личности к новым стандартам жизни. В связи с этим возникает актуальность исследования взаимосвязи между содержанием образа «успешности» в Я-концепции с уровнем психологической адаптированности женщин. В основе работы концептуальные представления А.А. Налчаджяна об адаптивных функциях «Я-концепции» и структурной организации каждого Я-образа, состоящего из когнитивных и оценочных подструктур, на которых основывалось понимание структуры образа «успешности» и гипотеза о его адаптивной функции. Предполагалось, что содержание гендерных аспектов образа «успешности» в Я-концепции женщин будут отличаться, а аффективным (невербальном, эмоционально-оценочном) компоненте среди психологически адаптированных и неадаптированных женщин разного возраста и социального статуса. В рамках данной работы разработана и апробирована авторская проективная методика диагностики содержания образа «успешности», с помощью которой, у женщин с разной психологической адаптированностью были выявлены и описаны три варианта отношения к образу «успешной личности» с точки зрения его гендерной дифференцированности. Методический инструментарий может быть использован в дальнейших исследованиях роли образа успешности в адаптации личности.

Ключевые слова: образ «успешной личности», «Я-концепция», психологическая адаптированность, гендерный стереотип, эмоционально-оценочный компонент, гендерная дифференцированность.

В современном мире становится очевидным социальное значение проблемы успешности, ориентации на достижение успеха в жизни. Представление об успешном человеке, детерминирует выбор

основного направления самореализации и активности личности в обществе, его успешной психологической адаптации. Согласно концепции [Налчаджан, 2010, с.14], состояние психологической адаптированности это «...

когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социальные потребности... переживает состояние самоутверждения...». Человек, Я-концепция, которого основана на образе «успешности», нетождественном его сущности, сталкивается с определенными последствиями, такими, как невозможность свободного самопроявления и самоактуализации, переживание внутренних конфликтов, сопровождающихся негативным эмоциональным состоянием, снижением самооценки, негативно отражающимися и на результатах деятельности [Налчаджан, 2010, с.11; Atkinson, 1990. p.23]. Следовательно, должна существовать способность к адаптации, или адаптивность, и по уровню обладания этой способностью имеются большие индивидуальные различия в связи с возрастом, социальным положением, психическим состоянием индивида. В частности, можно предположить, что содержание гендерных аспектов образа «успешности» в Я-концепции женщин будут отличаться в когнитивном (вербальном, осознаваемом) и аффективном (невербальном, эмоционально-оценочном) компонентах среди психологически адаптированных и неадаптированных женщин разного возраста и социального статуса.

Таким образом, цель исследования выявить взаимосвязь между содержанием эмоционально-оценочного компонента образа «успешности» в Я-концепции с уровнем психологической адаптированности женщин.

Необходимость научного осмысления особенностей содержания образа «успешности» в связи с показателями психологической адаптированности вызвана противоречием позиций отечественных и зарубежных исследователей в отношении данной проблемы. С одной стороны, понимается, что образ успешной личности, оказывает регулирующее и направляющее действие в личностном самоопределении, в выборе стиля и образа жизни, восприятии своей жизненной ситуации [Абульханова-Славская, 1991, с.34]. С другой стороны, стремление как образу успешности, недостижимому в реальности, вследствие несостоятельности несет разочарования (нарциссическую рану), что приводит к состояниям психологической неадаптированности [Залуцкая, 2003; Хеккаузен, 1986; Хорни, 1997]. С третьей стороны, гендерные исследования различных аспектов мужской и женской самореализации, гендерных образов, отражают быстрые темпы трансформации современных общественных представлений, в том числе, о критериях и образах «мужской» и «женской» успешности [Клецина, Тюрина 1998; Лопухова, 2004].

При этом, несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию образа «успешности», и в частности, ее гендерных особенностей, в них не акцентировалось внимание на то, как указанные данные осо-

бенности и их изменения отражаются на субъективном уровне, в содержании Я-концепции, и как личность адаптируется к подобным изменениям. Это обуславливает актуальность исследований, позволяющих конкретизировать варианты содержания гендерных аспектов образа «успешности» в самосознании, а также того, какую роль они играют в психологической адаптированности личности в разных жизненных ситуациях. Таким образом, концептуальной основой данного исследования выступают: концептуальные представления А.А. Налчаджяна об адаптивных функциях «Я-концепции» и структурной организации каждого Я-образа, состоящего из когнитивных и оценочных подструктур, на которых основывалось понимание структуры образа «успешности» и гипотеза о его адаптивной функции. Когнитивный подход к анализу гендерных особенностей образа успешной личности, представленный в теории андрогинии С. Бем. Теоретические представления о механизмах и закономерностях социально-психологической адаптации личности в концепциях К.А. Абульхановой, А.А. Налчаджяна и основные положения о комплексных критериях адаптированности в трудах В.С. Аршавского, Ф.Б. Березина, Г.М. Зараковского, Л.А. Китаева-Смык, Е.Ю. Коржовой, В.Н. Крутько, В.И. Медведева, В.В. Ротенберга [Абульханова-Славская, 1991; Березин, 1988; Медведев, Зараковский, 1994; Налчаджян, 2010; Ротенберг, Аршавский 1984].

В исследовании принимало участие 265 женщин в возрасте от 20 до 55 лет, среди которых 108 - представителей «старшего» поколения и 157 «молодого» поколения; 159 - трудоустроенных и 106 - вынужденно нетрудоустроенных.

В исследовании анализировалась выборка состоящая из женщин, так как различия представлений об успехе «мужском» и «женском» именно в индивидуальном самосознании женщин дает неоднозначные и порой, внутренне конфликтные проявления [Лопухова, 2004; Ожигова, 2003; Horner, 1997]. Это является следствием того, что в современной культуре, близкой к маскулинному типу, образ «успешности» нормативно больше ассоциируется с мужской позицией [Hofstede, 1998.].

Таким образом, научное осмысление содержания гендерных аспектов образа «успешности» в связи с психологической адаптированностью именно представительниц женского пола, является актуальной, как для теории психологии личности, так ее практики.

Для определения уровня психологической адаптированности применялись: методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» для выявления внутриличностного конфликта [Фанталова, 1996, с.32-37], опросник Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» и «Типы личности» с целью выявления наличия

и степени выраженности тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности и уровня нейротизма. Синтез показателей позволил выделить три уровня психологической адаптированности: высокий, средний, низкий. Высокий уровень психологической адаптированности предполагал сочетание низкого уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере с проявлением состояний тревожности, фрустрированности, нейротизма допустимого уровня. Высоким уровнем психологической адаптированности характеризовались 167 женщин (63%), среди которых 89 женщин (34%) нетрудоустроенные, 78 женщин (29%) трудоустроенные.

Средний уровень психологической адаптированности подразумевал проявление среднего уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере в сочетании с выраженностью состояний агрессивности, ригидности, тревожности, фрустрированности среднего уровня и низкого уровня нейротизма. Средний уровень адаптированности был характерен для 17 женщин (6%), среди которых 13 женщин безработные (5%), 4 женщины работающие (1%).

Низкий уровень психологической адаптированности подразумевал высокий уровень дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере в соотношении с высоким уровнем тревожности, фрустрации, нейротизма. К данной категории относилось 81 женщина (31%), среди которых 57 женщин нетрудоустроенные (22%), 24 женщины трудоустроенные (9%).

В нашем исследовании, высокий и средний уровень психологической адаптированности является показателем психологической адаптированности (69% женщин), а низкий уровень, показателем психологической неадаптированности (31% женщин).

Диагностика эмоционально-оценочного компонента образа «успешной личности» определялась с помощью проективной методики «Рисунок успешной женщины и успешного мужчины». Диагностика содержания гендерного аспекта эмоционально-оценочного компонента образа «успешного мужчины» и «успешной женщины» предполагало проекцию внутреннего эмоционального состояния испытуемых на образы и атрибуты успешности.

Данная методика является модифицированным вариантом, где концептуальная составляющая была разработана на основе классической методики «Рисунок человека» А.Л. Венгера и Карен Махвер. Модификация теста «Рисунок человека», как «Рисунок успешного мужчины и успешной женщины», позволяет выявить гендерные установки личности, взаимодействие полов (при совместном изображении успешного мужчины и успешной женщины) в восприятии тестируемого, раскрывает

эмоциональное отношение и доминирующую гендерную позицию к образу «успешного мужчины» и «успешной женщины». Инструкция методики предполагала нарисовать «успешную женщину» и «успешного мужчину». Во-первых, задание нарисовать «успешного мужчину» и «успешную» женщину было введено в связи с тем, что в современной культуре, близкой к маскулинному типу, образ «успешности» нормативно больше ассоциируется с мужской позицией, что вызывает в индивидуальном самосознании женщин внутренне конфликтные проявления представлений об «мужском» и «женском» успехе. Во-вторых, рисунок человека своего и противоположного пола репрезентирует образ телесного Я субъекта, то есть совокупность представлений о собственной телесности, идентификации, границах тела и эмоциональном отношении к нему, принятии/непринятии телесности в целом и телесных отправлениях, в частности.

В целях подтверждения эмпирической валидности данной проективной методики, ее результаты сопоставлялись с данными, полученными с помощью блока стандартизированных методик (Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» и Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» и «Типы личности»). Сравнение и сопоставление результатов диагностики проективной (субъективной) методики и блока методик имеющие количественные показатели, дают возможность судить о соответствии результатов обеих форм теста, а именно о внутреннем психологическом состоянии испытуемых. Высокая степень совпадения показателей по проективной методике и данным опросника (Приложение 9) подтвердила валидность применяемой нами в исследовании проективной методики (значение коэффициента корреляции Брауэ-Пирсона составило 0,7).

Таким образом, анализ рисунков по каждому уровню психологической адаптированности, показал, что эмоционально-оценочный компонент в содержании образа «успешной личности» отличается у психологически адаптированных (высокий и средний уровень) и неадаптированных женщин (низкий уровень).

Показатели психологической адаптированности и гендерно дифференцированного отношения к образу «успешной личности» на эмоционально-оценочном уровне распределяются неравномерно ($\chi^2=243,9$, $p=0,999$), что указывают на взаимосвязь между показателями психологической адаптированности и гендерно дифференцированного отношения к мужскому и женскому успеху достоверно связаны между собой, связь между исследуемыми показателями достаточно сильная (коэффициент Чупрова $T^2=0,95$).

У психологически адаптированных женщин наблюдались два варианта в характере изображения «успешной

личности»: это либо отсутствие гендерных различий в восприятии мужской и женской успешности, либо гендерная дифференциация, при которой успешность ассоциируется только с женским образом, при негативном отношении к «мужской успешности». Психологически неадаптированные женщины, в отличие от адаптированных, на эмоционально-оценочном уровне дифференцируют представления о содержании мужского и женского успеха, положительно воспринимая успешность только мужского образа, и вытесняя из самосознания образ женской успешности, как несущий тревожные и агрессивные ассоциации с женской успешностью.

Психологическая адаптированность и гендерно недифференцированное отношение к образу «успешной личности» прямо связаны между собой ($\chi^2=47,7$ $p=0,999$; $\phi=0,42$; $Q=0,76$; $T=0,2$). Низкий уровень психологической адаптированности. Соотносится с негативной оценкой образа «успешной женщины» при положительной оценке образа «успешного мужчины». Таким образом, статистически достоверно, что высокий уровень адаптированности сопровождается равным отношением к образу женской и мужской успешности или при положительной оценке образа «успешной женщины» в соотношении с негативной оценкой образа «успешного мужчины».

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа изучим влияния фактора «образ успешности» и фактора «социальный статус» на психологическую адаптированность женщин. Результаты анализа показывают, что гендерно дифференцированное восприятие (противопоставление «мужской» и «женской» успешности), сопровождающееся эмоционально-негативными ассоциациями с образом «успешной женщины», обуславливает низкую психологическую адаптированность женщин с высокой степенью достоверности ($F_{эмп}=313,98$).

Различия в уровне психологической адаптированности женщин с разными вариантами содержания образа успешности, обусловленные фактором «социальный статус», также являются более выраженными, чем случайные различия внутри каждой группы ($F_{эмп}=13,89$). Интегральные значения по показателю низкого уровня психологической адаптированности достоверно выше в группах нетрудоустроенных женщин.

Следовательно, можно утверждать, что низкий уровень психологической адаптированности, проявляющийся в негативных эмоциональных состояниях и переживании длительных внутренних и внешних конфликтов среди безработных женщин, является следствием и их вынужденной нетрудоустроенности.

Полученные данные можно объяснить тем, что психологически неадаптированных женщин характеризует наличие идеала, образца успешности, в виде мужского

образа, который является полностью противоположным образу Я как женщины, и как следствие – переживания по причине несоответствия этому мужскому образу успешности. Здесь можно сослаться на мнение Л. Бинсвангера, согласно которому, человек, не желающий принять данности своего существования, никуда не может двинуться, его основная деятельность – это переживание собственного несовершенства. Такое переживание проявлялось у психологически неадаптированных женщин в форме проекции своих негативных состояний (тревожности, агрессии) на образ «успешной женщины» и атрибуты ее успешности.

Следовательно, социальные представления, ожидания, идеалы, составляющие образ успешности, а также связанные с ним гендерные стереотипы, получают различные варианты индивидуального преломления в содержании образа «успешной личности», и функцию адаптации будут иметь те варианты, в которых содержание данного образа эмоционально принимается и непротиворечиво соотносится с образом Я, являясь следствием работы субъектности. Отражение в индивидуальном сознании гендерных стереотипов образа «успешной личности» без их индивидуальной проработки, творческой трансформации в «Я-концепции», не позволяет женщинам непротиворечиво идентифицировать его с образом Я, и не выполняет своей адаптивной функции.

Полученные результаты исследования позволили подтвердить выдвинутую гипотезу, показав, что у женщин разного социального статуса психологическая адаптированность, как проявление их психического состояния и выраженности ценностно-смыслового конфликта, обусловлено гендерными особенностями содержания их образа «успешной личности». Выявленные содержания гендерных аспектов когнитивного и аффективного компонентов образа «успешной личности» в самосознании женщин имеют следующие варианты проявления: отсутствие гендерных различий образа «успешности»; наличие гендерной дифференциации образа «успешности» с положительным отношением к женской успешности; наличие гендерной дифференциации образа «успешности» с отрицательным отношением к женской успешности.

Установлено, что при высоком уровне психологической адаптированности для женщин характерны гендерно-недифференцированное восприятие образа «успешности» с положительным к нему отношением, либо гендерно-дифференцированный образ «успешной личности» с положительным отношением к женской успешности. Низкая психологическая адаптированность у женщин связана с гендерно-дифференцированным образом успешности при позитивном отношении к образу «успешного мужчины», но проецировании на образ «успешной женщины» проявлений тревожности, фру-

стрированности, агрессивности, что мешает его неконфликтному включению в самосознание и соотнесение с образом Я.

Полученные факты, на наш взгляд, расширяют представление о возможных способах преодоления психологической неадаптированности личности, путем коррекции гендерных образов успешности, как идеальных образов в Я-концепции, формирования положительного отношения к образу «успешной личности». Приближение «Я-реального» к образу «Я-идеального» в ходе индиви-

дуального консультирования или в тренинге личной эффективности дает возможность женщине преодолевать негативное психоэмоциональное состояние с целью конструктивного выхода из сложных жизненных ситуаций. Позволяют в каждом конкретном случае, основываясь на выявленных индивидуально-психологических особенностях личности, наметить более эффективные стратегии психокоррекционного воздействия психолога, направленного на уменьшения рассогласованности между «Я-реальным» и «Я-идеальным» образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва: Мысль, 1991. 299 с.
2. Айзенк Г.Ю. Структура личности. Москва: КСП+, 1999. 464 с.
3. Аронов А.А. Творчество: факторы успешности. Москва: Прогресс, 2003. 146 с.
4. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Ленинград: Наука, 1998. 270 с.
5. Бинсвангер Л. Бытие в мире. Москва: Ювента, 1999. 300 с.
6. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. Москва: ВЛАДОС – ПРЕСС, 2003. 160 с.
7. Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин. Москва: Наука, 2001. 91 с.
8. Залуцкая Н.М. Индекс функционирования Self-системы (на основе теста оценки нарциссизма): пособие для врачей. Санкт-Петербург: НИПНИ им. В.М.Бехтерева, 2003. 47 с.
9. Клецина И. С., Тюрина И.О. Московский рынок труда: гендерные аспекты. Москва: Наука, 1998. 103 с.
10. Лопухова О.Г. Образ женщины: этнокультурное своеобразие и динамика в условиях глобализации // Сборник научных трудов. Казань: Экоцентр», 2004. 66-72 с.
11. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. Москва: Эксмо, 2006. 928 с.
12. Маховер К. Проективный рисунок человека. Москва: Издательство «Смысл», 1996. 157 с.
13. Медведев В.И., Зариковский Г.М. Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата. Москва: Наука, 1994. 57 с.
14. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. Москва: Эксмо, 2010. 368 с.
15. Ожигова Л.Н. Гендер и жизненный путь личности // Ежегодник Российского психологического общества. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. 150-152 с.
16. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ - М», 2001. 672 с.
17. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поиск активностей и адаптация. Москва: Наука, 1984. 192 с.
18. Фанталова Е.Б. (1996). Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах». Журнал практического психолога, № 2, 1996. 37 с.
19. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2-х томах. Москва: Педагогика, 1986. 408 с.
20. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа и Б&К, 1997. 209 с.
21. Atkinson J.W. Motivational Determinants of Risk-Taking Behavior. Psychol. Rev, V. 64, 1990. p.23
22. Hofstede G. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures, 1998. p.196
23. Eagly A.H., Wood W. Gender and influenceability: stereotype versus behavior — N.-Y.: Erlbaum, 1998. p.76
24. Horner M., Fleming J. The motive to avoid success. Motivation and Personality: Handbook of Thematic Content Analysis. — N.Y.: Erlbaum, 1992. p.

© Беглова Эльмира Ильдусовна (elmirabeglova84@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРИОД БЕРЕМЕННОСТИ

Болзан Вероника Андреевна

Соискатель, Белорусский Государственный Университет

Nika.bolzan@gmail.com

THE PSYCHOLOGICAL STATE OF A WOMAN DURING PREGNANCY

V. Bolzan

Summary: It is noted that pregnancy is a special state in a woman's life, when there is a change in value preferences, the formation of new strategies in response to a change in the physiological, psychological, social status. There is a decrease in prenatal attachment due to many factors, ranging from socio-economic transformation to psychological ones. It is indicated that the psychological state of a pregnant woman is determined by a combination of various factors, including physiological, social, economic, relationships within the family and a number of others. The focus is on stressful processes during pregnancy and their impact on preterm labor and low birth weight. It is concluded that seeking psychological help will help to increase the level of psychological comfort, to exclude the development of a number of determinants that can ultimately lead to the development of postpartum depression. Psychological counseling during pregnancy differs at different stages of pregnancy. The most significant is psychological assistance in the third trimester, in preparation for childbirth.

Keywords: pregnancy, psychological care, prenatal depression symptoms, baby, childbirth, baby development, attachment, psychological well-being.

Аннотация: Отмечается, что беременность является особым состоянием в жизни женщины, когда происходит изменение ценностных предпочтений, формирование новых стратегий в ответ на изменение физиологического, психологического, социального статуса. Происходит снижение пренатальной привязанности, обусловленной множеством факторов, начиная от трансформации социально-экономических и заканчивая психологическими. Указывается, что психологическое состояние беременной женщины обуславливается совокупностью различных факторов, включая физиологические, социальные, экономические, отношения внутри семьи и ряд других. Основное внимание касается стрессовых процессов во время беременности и их влияния на преждевременные роды и низкий вес новорожденного. Делается вывод, что обращение за психологической помощью поможет повысить уровень психологического комфорта, исключить развитие ряда детерминант, которые могут привести, в итоге, к развитию послеродовой депрессии. Психологическое консультирование во время беременности отличается на разных сроках беременности. Наиболее значимой является психологическая помощь в третьем триместре, при подготовке к родам.

Ключевые слова: беременность, психологическая помощь, симптомы пренатальной депрессии, ребенок, роды, развитие ребенка, привязанность, психологическое благополучие.

Беременность считается очень важным периодом в жизни любой женщины. Ежегодно около 3% женщин фертильного возраста переживают данное событие [1]. В это время будущие матери переосмысливают многие ценности, жизненные приоритеты/ Беременность и переход к материнству характеризуются физиологическими, психологическими и социальными изменениями. Затруднения и неудачные попытки адаптироваться к этим многогранным трансформациям могут привести к психологическому стрессу, о котором сообщает большинство женщин. У некоторых женщин могут развиваться негативные аффективные состояния, такие как тревога или депрессивные симптомы.

В настоящее время в Российской Федерации и Беларуси отмечается ощутимый демографический спад, обусловленный рядом экзогенных и эндогенных факторов. В значительной степени, снижение уровня рождаемости вызвано ухудшением социально-экономической ситуации, более поздним вступлением молодежи в брак, необходимостью женщин продолжать работать для обеспечения семьи, отсутствием достаточной мате-

риальной базы для рождения ребенка и его воспитания.

Также в последнее время стало больше обращаться внимания на психологическое состояние женщин во время беременности, что связано с адаптированным применением опыта зарубежных исследователей, которые давно обратили внимание на данную проблему. В многочисленных исследованиях ставится вопрос, влияет ли психологическое благополучие беременных на исход родов.

Под психологическим благополучием беременной женщины следует понимать совокупность проявлений психо-физиологических функциональных качеств беременной, проявляющиеся при осуществлении процессов жизнедеятельности с приоритетностью на сохранность психофизиологического функционального аппарата на основе выработки стратегий поведений, базирующихся на механизмах самосохранения и самозащиты.

Женщины, становясь более эрудированными в вопросах беременности и подготовки к родам, получают

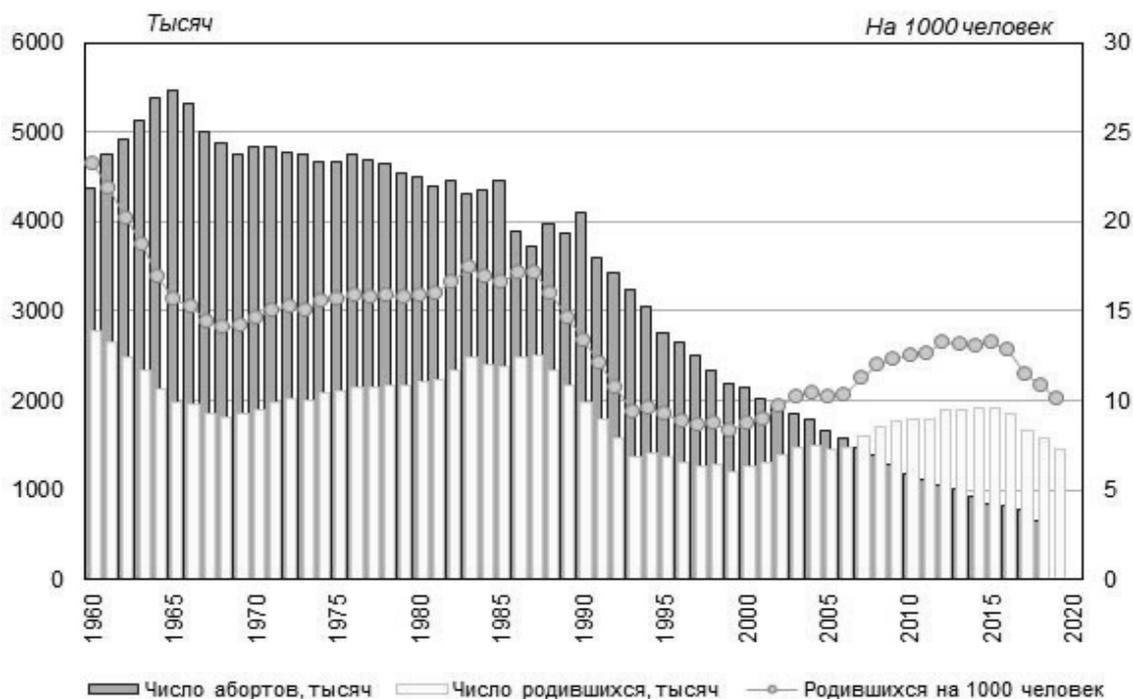


Рис. 1. Статистические данные по количеству аборт и рожденных живых младенцев за период 1960-2019 гг., тыс человек и в расчете на тысячу человек [2]

Таблица 1.

Сводная статистика по симптомам депрессии во время беременности

№		%
1	Симптомы незначительной пренатальной депрессии	16–37
2	Критерии большой депрессии	5–12
3	Чувство тревоги	14 до 54

доступ к международным сведениям посредством сети Интернет. Беременные в настоящее время имеют возможность обратиться к услугам частного психолога, воспользоваться различными онлайн-предложениями, а также проинформировать об изменениях в своем состоянии психолога, работающего в поликлинике по месту жительства. Около 48% беременных указывают на значительные колебания настроения, связывая их как с состоянием здоровья, так и неурядицами в личной жизни, а также социально-экономическими затруднениями.

Показатели распространенности проблем психического здоровья во время беременности варьируются в зависимости от исследований. Симптомы незначительной пренатальной депрессии присутствуют примерно у 16–37% всех беременных женщин, около 5–12% соответствуют критериям большой депрессии [3]. Чувство тревоги возникает еще чаще – от 14 до 54% [4], таблица 1.

При отсутствии надлежащего лечения психологические проблемы могут сохраняться на протяжении всей

беременности и проявиться в момент родов, как наиболее ответственный момент, в который могут произойти осложнения [13]. Стресс может не только ухудшить самочувствие беременных женщин, но также может отрицательно повлиять на развитие плода и исход родов новорожденного. Например, было обнаружено, что симптомы материнской депрессии связаны с более низкой массой тела новорожденного при рождении и преждевременными родами (то есть рождением до 37 полных недель беременности) [14]. Фактически, большинство женщин сообщают о психологическом стрессе во время беременности. У некоторых женщин могут развиваться негативные аффективные состояния, такие как тревога или депрессивные симптомы. Тревога во время беременности – это особая форма тревоги, которая отражает сильную обеспокоенность беременной женщины за благополучие своего будущего ребенка и страхи, связанные с дородовой медицинской помощью, родами и материнством. Этот тип тревоги также является фактором риска преждевременных родов [15].

На фоне значимости и неоспоримой ценности беременности как основной составляющей смысла жизни в силу ряда обстоятельств в социуме произошли негативные изменения в отношении к беременности, к почитанию беременной женщины. Способность к деторождению уже не рассматривается как единственная приоритетная социальная задача женщин, которые согласны пожертвовать материнством в угоду временным ценностям и посвятить свою жизнь карьере. Многие исследователи указывают на трансформацию жизненных приоритетов у современных женщин. Отмечается, что у них снизилась пренатальная привязанность. Указанные детерминанты обуславливают особенности протекания беременности и родов, качество психологического благополучия беременных женщин и младенцев. Помимо физиологических и соматических изменений, во время беременности происходят психологические и социальные трансформации. Современными исследователями беременность рассматривается как психологическое событие, а психологические изменения во время беременности – как стрессовое событие.

Под психологическим благополучием беременной женщины следует понимать совокупность проявлений психо-физиологических функциональных качеств беременной, проявляющиеся при осуществлении процессов жизнедеятельности с приоритетностью на сохранность психофизиологического функционального аппарата на основе выработки стратегий поведения, базирующихся на механизмах самосохранения и самозащиты. Беременность всегда связана с изменениями психологического функционирования женщины – амбивалентностью, частой сменой настроения, варьирующейся от беспокойства, утомляемости, истощения, сонливости, депрессивных реакций до возбуждения. Во время беременности меняются внешний вид, эмоциональность и сексуальность, тогда как положение и роль женщины приобретают новые качества. Даже мысли о беременности могут вызвать многочисленные опасения по поводу ее протекания и родов. Подобные переживания могут быть настолько интенсивными, что приобретают черты фобии (что может быть в ряде случаев причиной избегания беременности). Беременность – это событие, которое включает в себя многочисленные соматические и психологические изменения, и сама по себе является сильным стрессором, значительно влияющим на психологический статус женщины, пренатальный исход, а также психическое функционирование новорожденного. Низкий уровень психологического благополучия может привести к различным осложнениям, характеризующимся долгосрочными последствиями для младенца.

В профилактике и лечении материнского стресса с целью повышения психологического благополучия необходимо делать упор на эмоциональную поддержку партнера, а также на сочувствие и сопереживание со-

циального окружения. Соответствующие отношения партнеров и поддержка общества играют важную роль в преодолении стресса во время беременности. Однако в некоторых случаях необходима профессиональная психотерапевтическая поддержка в виде кратковременного, либо более длительного (в зависимости от ситуации) поддерживающего лечения. Профилактические меры должны включать адекватную психологическую поддержку во время беременности, особенно первой, предоставляемую всем беременным женщинам, а также тем женщинам, которые планируют забеременеть в ближайшем будущем. Нарушение психологического функционирования может происходить с самого начала до конца беременности, включая послеродовой период.

Во время беременности происходят видимые изменения во внешнем виде тела, а также в женственности, привязанностях и сексуальности, тогда как положение и роль женщины приобретают новые качества. В большей или меньшей степени будущие матери могут испытывать психологическую амбивалентность, частые смены настроения от истощения до возбуждения, эмоциональные расстройства и смешанное тревожно-депрессивное расстройство. Кроме того, беременность вызывает ряд специфических опасений относительно ее течения и исхода, что делает женщину особенно уязвимой и требует адекватного лечения в зависимости от адаптивных способностей ее личности.

В психосоциальном аспекте беременность можно рассматривать как особое эмоциональное состояние, которое может быть сильным стрессором. Пренатальный стресс матери может привести к различным осложнениям, имеющим последствия как для соматического, так и для психического функционирования новорожденного. Таким образом, беременность рассматривается как сложное психологическое явление, характеризующееся множественными изменениями психологического функционирования женщины как при нормальном, так и при психологически сложном течении беременности. Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод, что психологическое состояние женщины в период беременности отличается от обычного ее состояния. Наблюдается обострение проблем, носящих латентный характер.

Первый семестр может характеризоваться пересмотром отношения женщины к окружающим, детализацией взаимодействия с привычными людьми, партнером, родителями, в первую очередь, матерью и мужем. Трансформация внутреннего осознания своего меняющегося статуса может сопровождаться значительными гормональными сдвигами, оказывающими мощное воздействие на настроение, его перепады, восприятие обыденных явлений в новом свете. Второй и третий семестры характеризуются уже более взвешенным подходом

женщины к оценке ситуации, происходит выбор копинг-стратегий избегания негативных эмоций, явлений, объектов, которые могут нанести вред здоровью, эмоциональному состоянию женщины. Актуализируется страх перед предстоящими родами, способ их разрешения.

Первоочередным фактором, влияющим на психологическое состояние женщины, является ее самочувствие. На втором месте многие исследователи полагают качество жизни и степень близости с отцом будущего ребенка. Беременность и переход к материнству характеризуются физиологическими, психологическими и социальными изменениями. Неумение и неспособность адаптироваться к этим многогранным изменениям может привести к пренатальному стрессу. В свете рассмотрения благополучия протекания беременности целесообразно упомянуть про качество жизни при беременности. Согласно сведениям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), качество жизни (КЖ) определяется как восприятие людьми своего положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, и в отношении их целей, ожиданий, стандартов и проблем. Это очень широкая концепция, на которую может комплексным образом влиять физическое здоровье субъекта, его или ее психологическое состояние и уровень независимости, социальные отношения и отношения с основными элементами его или ее окружающей среды.

Поэтому она основана на нескольких объективных факторах (связанных с качеством окружающей среды и условий жизни) и субъективных факторах (связанных с личной сферой и измеряемых с точки зрения удовлетворенности и благополучия). Состояние здоровья как важнейший компонент качества жизни называется качеством жизни, связанным со здоровьем. Беременность – это переходный период с важными физическими и эмоциональными изменениями. Даже при неосложненной беременности эти изменения могут повлиять на качество жизни беременных женщин и повлиять на здоровье как матери, так и ребенка (наблюдение за беременностью, исходы беременности, послеродовое здоровье матери и психомоторное развитие ребенка).

Специалисты в области пренатального здоровья матери и ребенка стараются удовлетворить своих пациентов, учитывая их опыт в период до зачатия и беременности. Традиционно используемые показатели исходов беременности, такие как показатели заболеваемости и смертности, остаются важными. Однако самих по себе их недостаточно, потому что здоровье населения следует оценивать не только с точки зрения спасения жизней, но и с точки зрения повышения качества жизни. В настоящее время не выявлены исследования качества жизни беременных женщин в системе первичной медико-санитарной помощи. Целесообразно описать КЖ во время

неосложненной беременности и выполнить оценку связанных с ним социально-демографических, физических и психологических факторов.

У беременных, особенно в третьем триместре, показатели качества жизни были значительно ниже, чем у небеременных женщин того же возраста. В течение триместров физическое качество жизни значительно снизилось. На психологическом уровне в нескольких исследованиях сообщалось об улучшении качества жизни по сравнению с психическим здоровьем во время беременности, а в других была замечена психологическая стабильность. Многие факторы были связаны с качеством жизни беременных женщин. Некоторые факторы, связанные с более высоким благополучием, были социально-демографическими (первая беременность, благоприятный социально-экономический статус, социальная поддержка, поддержка партнера, родственников, друзей). Точно так же желание забеременеть и умеренная физическая активность были факторами, связанными с положительным качеством жизни. Ухудшение качества жизни объяснялось физическими факторами (такими как осложнения во время беременности, репродуктивная помощь с медицинской помощью, ожирением до зачатия, физическими симптомами, такими как тошнота и рвота, трудности со сном), а также психологическими факторами (такими как беспокойство стресс во время беременности и депрессивные симптомы).

Перинатальные психические расстройства (ППР) – это психические и поведенческие расстройства, возникающие во время беременности. ППР может поражать до 20% женщин и может серьезно навредить женщинам и их детям, если не будут своевременно выявлены и не вылечены. Например, у женщин, страдающих ППР, акушерские исходы менее благополучные. Дети матерей с ППР подвержены риску ранней психопатологии и стойких эмоциональных, поведенческих или когнитивных проблем. Так, например, в Соединенном Королевстве Великобритании несвоевременно выявленное ППР и его неадекватное лечение стоило около 8,1 млрд фунтов стерлингов прямых и косвенных затрат – почти 10 000 фунтов стерлингов на одно рождение. Большая часть затрат (72%) была связана с неблагоприятными последствиями ППР для детей. В странах с высоким уровнем доходов, таких как Швейцария, общие психологические услуги обычно многочисленны, покрываются медицинским страхованием, и к большинству услуг можно получить прямой доступ. Тем не менее, более 50% беременных даже в таких развитых странах остаются без психологической помощи и своевременного лечения.

В перинатальной популяции женщин частота недиагностированных женщин может быть даже выше. В популяционном исследовании выявлено, что 16,7% перинатальных женщин в год хотя бы раз обращались за

услугами по охране психического здоровья. Женщины с ППР предпочитали амбулаторные условия. До 10% женщин пользовались услугами психиатрической помощи еще до беременности. Тот факт, что половина этих женщин перестала пользоваться услугами психиатрической помощи во время беременности, вызывает беспокойство, поскольку у них не было профессиональной поддержки, которая могла бы помочь им приспособиться к эмоциональным, физическим и социальным проблемам перинатального периода. Лишь 1% женщин в перинатальном периоде получали психологическую помощь в родильных домах. Таким образом, существуют значительные пробелы в медицинской психологической помощи, а оказываемая помощь может быть не своевременной, адекватной или эффективной.

Потенциал ППР нанести серьезный вред женщинам и их детям, а также высокие затраты на последующее наблюдение требуют конкретных вмешательств для облегчения использования услуг и улучшения психиатрической помощи этой уязвимой группе. Психологическая наука о беременности стремительно развивается. Многочисленные данные исследований указывают на беспокойство по поводу беременности как ключевой фактор риска в этиологии преждевременных родов, хронического стресса и депрессии в этиологии низкой массы тела при рождении. Ключевые посреднические процессы, которым приписываются эти эффекты, то есть нейроэндокринные, воспалительные и поведенческие механизмы кратко рассматриваются. Необходимы дополнительные исследования относительно того,

как справиться со стрессом во время беременности. Свидетельства относительно социальной поддержки и веса новорожденных при рождении рассматриваются с уделением внимания пробелам в исследованиях, касающихся механизмов влияния партнерских отношений и культурных особенностей. Последствия пренатального стресса для нервного развития выделены, а ресурсы устойчивости беременных женщин концептуализированы. Требуются также комплексные исследования, основывающиеся на многоуровневом теоретическом подходе к исследованию беспокойства по поводу беременности и преждевременных родов.

Таким образом, на основе выполненного анализа научно-исследовательской литературы допустимо сделать вывод, что психологическое состояние женщины в период беременности отличается от обычного состояния. Изменено восприятие многих значимых событий. Повышена предрасположенность к тревожности, плаксивости, бессоннице, депрессивным состояниям, эмоциональной лабильности, стрессовой неустойчивости. Женщина становится раздражительной. Данные симптомы обусловлены биологической и гормональной трансформацией в организме. Поэтому очень важно распознать депрессию вовремя, т.к. многие женщины, которые пережили дородовую депрессию, продолжают страдать от неё и после родов. Своевременная консультация психологов здесь будет уместна. Необходим комплекс психологических мероприятий, направленных на поддержку беременных женщин с тем, чтобы снизить симптомы тревожности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркелова Т.В., Катунова В.В., Шуткина Ж.А., Кошелева С.И. Фатина Ю.В. Взаимосвязь уровня личностной ответственности женщины и стиля переживания беременности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. №1. С. 62-66.
2. Щербакова Е. Предварительные демографические итоги 2019 года в России (часть 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0847/barom04.php> (дата обращения 5.03.2021)
3. Преображенская С. Особенности переживания беременности при норме и патологии вынашивания // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. №2 (12). С. 106-121.
4. La Marca-Ghaemmaghami, P., and Ehlert, U. (2015). Stress during pregnancy: experienced stress, stress hormones, and protective factors. *Eur. Psychol.* 20, 102–119. doi: 10.1027/1016-9040/a000195
5. Woods, S.M., Melville, J.L., Guo, Y., Fan, M.-Y., and Gavin, A. (2010). Psychosocial stress during pregnancy. *Am. J. Obstet. Gynecol.* 202, 61.e1–61.e7. doi: 10.1016/j.ajog.2009.07.041
6. Lara, M.A., Navarrete, L., Nieto, L., Martín, J.P.B., Navarro, J.L., and Lara-Tapia, H. (2015). Prevalence and incidence of perinatal depression and depressive symptoms among Mexican women. *J. Affect. Disord.* 175, 18–24. doi: 10.1016/j.jad.2014.12.035
7. Lara-Carrasco J., Simard V., Saint-Onge K., Lamoureux-Tremblay V., Nielsen T. Maternal representations in the dreams of pregnant women: a prospective comparative study. *Front. Psychol.* 2013;4:551.
8. Rubertsson, C., Hellström, J., Cross, M., and Sydsjö, G. (2014). Anxiety in early pregnancy: prevalence and contributing factors. *Arch. Womens Ment. Health* 17, 221–228. doi: 10.1007/s00737-013-0409-0
9. Robertson-Blackmore E., Putnam F.W., Rubinow D.R., Matthieu M., Hunn J.E., Putnam K.T., Moynihan J.A., O'Connor T.G. Antecedent trauma exposure and risk of depression in the perinatal period. *J. Clin. Psychiatry.* 2013;74:e942–e948.
10. Grant, K.-A., McMahon, C., and Austin, M.-P. (2008). Maternal anxiety during the transition to parenthood: a prospective study. *J. Affect. Disord.* 108, 101–111. doi: 10.1016/j.jad.2007.10.002

11. Goedhart, G., Snijders, A.C., Hesselink, A.E., van Poppel, M.N., Bonsel, G.J., and Vrijkotte, T.G.M. (2010). Maternal depressive symptoms in relation to perinatal mortality and morbidity: results from a large multiethnic cohort study. *Psychosom. Med.* 72, 769–776. doi: 10.1097/PSY.0b013e3181ee4a62
12. Dunkel Schetter, C., and Glynn, L.M. (2011). "Stress in pregnancy: empirical evidence and theoretical issues to guide interdisciplinary research," in *The Handbook of Stress Science Biology, Psychology and Health*, eds A. Baum and R. Contrada (New York, NY: Springer Publishing Company), 321–343.
13. Orr S, Reiter J, Blazer D, James S. 2007. Maternal prenatal pregnancy-related anxiety and spontaneous preterm birth in Baltimore, Maryland. *Psychosom. Med.* 69:566–70
14. Roesch, S.C., Schetter, C.D., Woo, G., and Hobel, C. J. (2004). Modeling the types and timing of stress in pregnancy. *Anxiety Stress Coping* 17, 87–102. doi: 10.1080/1061580031000123667
15. Kramer, M.S., Lydon, J., Séguin, L., Goulet, L., Kahn, S.R., McNamara, H., et al. (2009). Stress pathways to spontaneous preterm birth: the role of stressors, psychological distress, and stress hormones. *Am. J. Epidemiol.* 169, 1319–1326. doi: 10.1093/aje/kwp061
16. Sekścińska K, Trzcińska A, Maison DA. The Influence of Different Social Roles Activation on Women's Financial and Consumer Choices. *Front Psychol.* 2016;7:365. Published 2016 Mar 17. doi:10.3389/fpsyg.2016.00365
17. McQuillan J, Greil AL, Scheffler KM, Tichenor V. The Importance of Motherhood among Women in the Contemporary United States. *Gend Soc.* 2008;22(4):477-496. doi:10.1177/0891243208319359

© Болзан Вероника Андреевна (Nika.bolzan@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



СОЦИАЛЬНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

SOCIAL ANXIETY AND COORDINATING BEHAVIOR OF FIRST COURSE STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY

**O. Gerasimova
L. Semchenko
S. Batueva**

Summary: The article presents the results of a study of social anxiety and methods of coping with stress in first-year students of a medical university. We used five methods that made it possible to identify the relationship between social anxiety and depression, fear of negative assessment and the choice of coping strategy. It was revealed that more than 30.0% of students have an average and high level of social anxiety. Every third person has a strong fear of a negative assessment. Strong and very strong social phobia was found in 64.0% of the surveyed. Depressive symptoms are observed in 44.7% of students. First-year students quite often resort to non-constructive methods of coping with stress and anxiety.

Keywords: social anxiety, social phobias, coping strategies, students.

Герасимова Оксана Юрьевна

*К.б.н., доцент, Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Челябинск
oksana-5858@mail.ru*

Семченко Любовь Николаевна

*К.м.н., доцент, Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Челябинск
luba_sem96@mail.ru*

Батуева Светлана Владимировна

*К.п.н., доцент, Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Челябинск
batuevas@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования социальной тревожности и способов совладающего поведения со стрессом у студентов первого курса медицинского вуза. Использованы пять методик, которые позволили выявить взаимосвязи социальной тревожности с депрессией, со страхом негативной оценки и выбором копинг-стратегии. Выявлено, что более 30,0% студентов имеют средний и высокий уровень социальной тревожности. У каждого третьего сильно выражен страх негативной оценки. Сильная и очень сильная социофобия выявлена у 64,0% обследованных. Депрессивные симптомы наблюдаются у 44,7% студентов. Студенты первого курса достаточно часто прибегают к неконструктивным способам совладания со стрессом и тревогой.

Ключевые слова: социальная тревожность, социофобии, копинг-стратегии, студенты.

Введение

Особенности социально-экономических условий в Российской Федерации, их нестабильность, вероятно, способствовали росту различных аффективных расстройств среди молодежи [1; 3; 5; 6; 7; 17].

Согласно эпидемиологическим исследованиям, среди российской молодежи весьма распространены симптомы социальной тревожности [4; 8; 10; 13; 14].

Актуальность исследования тревожности в студенческой популяции определяется её социальной значимостью, поскольку обучение в вузе тесно связано с социальным взаимодействием. Такое явление как социальная тревожность оказывает серьезное негативное влияние на процесс социальной и эмоциональной адаптации и качество жизни студентов. Особенно это проявляется

на первом курсе обучения. Обучение на первом курсе вуза, как правило, связано со сменой места жительства, разрушением старой социальной сети, необходимостью устанавливать новые социальные контакты. Кроме того, необходимо справляться с интенсивными учебными нагрузками. Все это может вызвать эмоциональную дезадаптацию и потребовать больших психических затрат.

Социальная тревожность определяется как вид тревожности, триггером которого выступают ситуации социального взаимодействия, а основным содержанием является страх негативной оценки со стороны окружающих [13].

Более половины студентов испытывают симптомы тревоги средней и высокой степени тяжести [2; 9]. Кроме того, выявлено, что студенты используют менее конструктивные способы совладания со стрессом, нежели

взрослые люди [12].

В связи с этим важно вывить факторы, затрудняющие успешное совладание со стрессом и тревогой в студенческой популяции и, наоборот, факторы, способствующие поддержанию психического здоровья и адаптации на этапе обучения в вузе.

Целью исследования является выявление распространенности социальной тревожности, связи социальной тревожности с депрессией, со стратегией совладания и разработка способов предупреждения социальной тревожности у студентов первого курса медицинского вуза.

Задачи исследования

1. Изучить распространенность социальной тревожности у студентов первого курса медицинского вуза.
2. Выявить связи социальной тревожности и депрессии, социальной тревожности и стратегий совладания со стрессом.
3. Предложить меры, направленные на предупреждение социальной тревожности и дезадаптации у студентов первого курса медицинского вуза.

Характеристика выборки и методов исследования

В исследовании приняли участие 60 (32,0% генеральной совокупности) студентов первого курса педиатрического факультета Южно-Уральского государственного медицинского университета (ЮУГМУ).

Для решения поставленных задач использовались следующие методики:

1. «Опросник тревоги А.Т. Бека» («BAI»; разработан А.Т. Beck с соавт., адаптация Н.В. Тарабриной) [15].
2. «Опросник депрессии А.Т. Бека» («BDI»; разработан А.Т. Beck с соавт., адаптация Н.В. Тарабриной) [15].
3. «Шкала страха негативной оценки (Fear of Negative Evaluation)» («FNE»; разработана D. Watson, R. Friend) [16].
4. «Шкала социальной тревожности Либовица» («LSAS»; разработана Liebowitz, 1987, адаптация И.В. Григорьевой, С.Н. Ениколоповым) [8].
5. «Шкала COPE» («COPE Inventory»; разработана C.S. Carver, M.F. Scheier, J.K. Weintraub) [18].

Все пункты шкал заполнялись студентами в ходе опроса на практических занятиях. На процедуру обследования от студентов взято добровольное информированное согласие. Исследование проводилось в первом семестре на базе учебной лаборатории патопсихологической диагностики и психотерапии кафедры Психологии ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России.

Надежность и достоверность данных, полученных при исследовании, обеспечивается репрезентативностью выборки и применением апробированных и валидных методик. Статистическая обработка полученных данных проведена методами непараметрической статистики. Для определения корреляционных связей использовался коэффициент Спирмена.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут быть использованы для проведения профилактической работы, направленной на коррекцию тревожности студентов и организацию мероприятий, направленных на повышение адаптации к учебной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из таблицы 1, более трети студентов имеют повышенный уровень социальной тревожности, у каждого пятого студента отмечен средний уровень, у каждого десятого – высокий.

Таблица 1.
Распределение студентов с разным уровнем социальной тревожности

Группы испытуемых	Количество студентов	Удельный вес (%)
Низкий уровень социальной тревожности	41	68,3
Средний уровень социальной тревожности	13	21,7
Высокий уровень социальной тревожности	6	10,0

Наши данные отличаются от результатов, полученных при исследовании студентов младших курсов высшего учебного заведения Москвы [11; 14]. Авторами данного исследования выявлено, что среди студентов 1 – 3 курсов более половины имеют средний и высокий уровень социальной тревожности. Таким образом, в исследуемой нами выборке студентов первого курса медицинского университета более высокий уровень эмоционального благополучия. Может быть, это объясняется тем, что к старшим курсам появляются другие факторы, влияющие на уровень тревоги: совмещение учебы с работой, взаимоотношения с противоположным полом, некоторые студенты уже имеют семью, тогда как на первом курсе наибольшую тревогу вызывают ситуации, связанные с учебой и межличностными взаимоотношениями в группе.

Категория студентов с повышенным уровнем тревожности представляет группу риска, так как при осложнении ситуации или появлении дополнительных трудностей возможно появление депрессии и дезадаптации.

На уровень социальной тревожности влияет страх негативной оценки. Выявлено, что сильно выражен страх негативной оценки у каждого третьего (29,8%) студента первого курса. Вероятно, в семьях этих студентов есть факторы социальной тревожности, к каковым могут быть отнесены склонность родителей к критике ребенка за допущенные ошибки, сверхвключенность родителей в жизнь ребенка, гиперопека, тем самым родители не дают ребенку проявить самостоятельность и приобрести собственные навыки. В связи с этим может проявиться страх негативной оценки со стороны одногруппников. Страх негативной оценки может быть связан с излишней требовательностью преподавателей.

Эту группу студентов также можно и нужно отнести к группе риска, так как сильно выраженный страх негативной оценки со стороны родителей, педагогов и одногруппников может повлечь за собой эмоциональный паттерн тревоги и депрессии, что в дальнейшем может сказаться на адаптации к учебному процессу.

Высокий уровень страха негативной оценки статистически значимо коррелирует с социальной тревогой (таб. 2).

Таблица 2.

Взаимосвязь страха негативной оценки с социальной тревогой

	Социальная тревога	Вероятность ошибки по R - критерию Спирмена
Страх негативной оценки	0,38	P<0,01

Если страх перед попаданием и пребыванием в социально значимых ситуациях становится постоянным или повторяющимся, то можно говорить о таком явлении как социофобия. Тревога, возникающая при социофобии, воспринимается как неконтролируемая.

По результатам нашего исследования, только у каждого десятого респондента социофобия выражена слабо. Сильная и очень сильная социофобия выявлена у 64,0% обследованных. Каждый четвертый имеет достаточно выраженную социофобию (рис. 1)

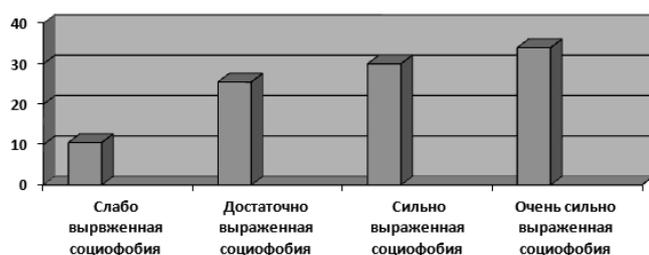


Рис. 1. Распределение студентов по выраженности с оциофобии

Студенты с выраженной социофобией могут запрещать себе действия, в которых, как они полагают, будут смущаться или проявят публично признаки своего беспокойства.

Таким образом почти 90,0% студентов первого курса медицинского университета, выбрав публичную профессию врача, боятся или избегают видов деятельности, связанных с пребыванием на публике, что может привести к социальной изоляции, одиночеству и депрессии.

Выявлено, что депрессивные симптомы наблюдаются у 44,7% студентов 1 курса педиатрического факультета. По результатам исследования студентов третьего курса в различных московских вузах симптомы депрессии отмечают у себя 30,0% [11]. Большее количество студентов с симптомами депрессии по результатам нашего исследования, может быть связано с тем, что студенты первого курса, в отличие от третьего и более старших курсов, еще не адаптировались к новым условиям и требованиям высшей школы.

Симптомы депрессии умеренной степени тяжести отмечают у себя 12,7% студентов, выраженной степени 4,3% и у каждого третьего-четвертого – легкая степень депрессии.

Результаты корреляционного анализа по критерию Спирмена свидетельствуют о слабой прямой связи (0,14) показателей социальной тревожности и депрессии при $p < 0,05$.

Для студентов первого курса медицинского университета характерен высокий уровень стресса и тревожные расстройства, особенно в период экзаменационной сессии [4]. В связи с этим эмоциональное благополучие в значительной степени связано с выбором эффективных копинг-стратегий.

Для изучения способов совладания с социальной тревожностью использовалась шкала COPE («COPE Inventory»; разработана C.S.Carver, M.F.Scheier, J.K.Weintraub).

Шкала COPE содержит 15 основных шкал, которые подразделяются на 8 конструктивных и 7 неконструктивных.

На рисунке 2 видно, что из семи неконструктивных стратегий поведения респонденты выбрали пять. Две трети респондентов прибегают к стратегии подавления конкурирующей деятельности. Стратегия направлена на избегание отвлечения другими видами активности и, возможно, игнорирование других видов деятельности. Можно предположить, что студенты первого курса вынуждены выбирать учебную деятельность, отказываясь

от других, более интересных, по их мнению, видов деятельности.

Это приводит к нарастанию депрессии, проявлению негативных эмоций, и, как следствие, - к дезадаптации. Более половины студентов первого курса используют дезадаптирующие стратегии отрицания и «фокусировка на эмоциях и их вентилирование». Почти такое же количество респондентов прибегают к стратегии самоограничения. Данная стратегия направлена на ожидание подходящего для действий момента и воздержание от слишком поспешных действий. К психологическому избеганию неприятных эмоций прибегают 46,8% респондентов. Стратегия направлена на использование различных видов активности для отвлечения от неприятных мыслей, связанных с проблемой, которая может повлиять на адаптацию.

Таким образом, студенты первого курса медицинского университета достаточно часто прибегают к неконструктивным способам совладания со стрессом и тревогой, что согласуется с исследованиями других авторов [11; 12].

В таблице 3 представлена взаимосвязь социальной

тревоги с копинг- стратегиями.

Таблица 3.

Взаимосвязь неконструктивных стратегий совладающего поведения («Шкала COPE») с социальной тревожностью (опросник тревоги А.Т. Бека)

Копинг-стратегии	Социальная тревога	Вероятность ошибки по R – критерию Спирмена
Фокусировка на неприятных эмоциях	0,14	P<0,01
Отрицания	-0,3	P<0,01
Самоограничение	0,12	P<0,01
Подавление конкурирующей деятельности	-0,21	P<0,01
Психологическое избегание	0,2	P<0,01

Из восьми предложенных конструктивных стратегий поведения студенты выбрали только четыре (рисунок 3).

Как видно из данных, представленных на рисунке, чаще всего студенты прибегают к активному копингу, который направлен на преодоление стрессовой ситуа-

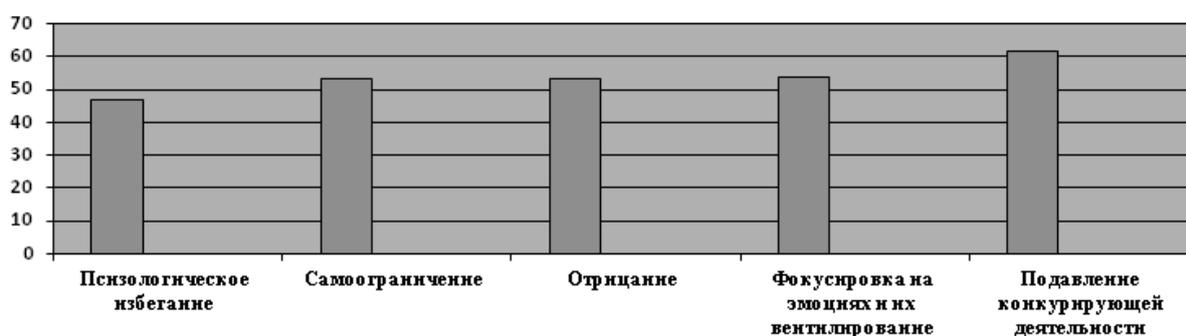


Рис. 2. Показатели выбора неконструктивных стратегий совладающего поведения («Шкала COPE»)

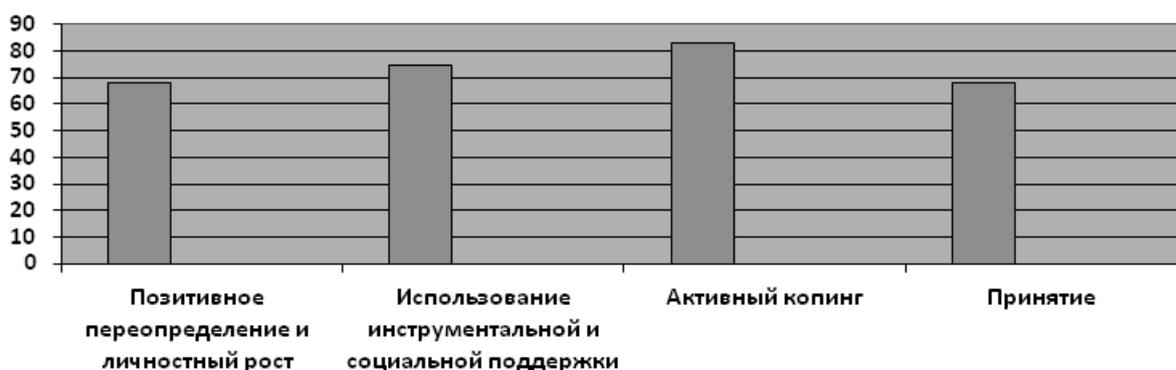


Рис. 3. Показатели выбора конструктивных стратегий совладающего поведения («Шкала COPE»)

ции. На втором месте стратегия инструментальной социальной поддержки, которая направлена на стремление получить совет, помощь или информацию. Практически такое же количество студентов выбирает стратегию, направленную на переопределение и личностный рост, то есть попытка переосмыслить стрессовую ситуацию в позитивном ключе. Две трети респондентов принимают реальность произошедшего.

В таблице 4 представлены только достоверные корреляционные связи между социальной тревогой и конструктивными копинг-стратегиями.

Таблица 4.

Взаимосвязь конструктивных стратегий совладающего поведения («Шкала COPE») с социальной тревогой (опросник тревоги А.Т. Бека)

Копинг-стратегии	Социальная тревога	Вероятность ошибки по R – критерию Спирмена
Активный копинг	-0,16	$P < 0,01$
Позитивное переопределение и личностный рост	-0,17	$P < 0,01$

Таким образом, полученные результаты говорят о том, что студенты первого курса медицинского вуза с социальной тревогой чаще прибегают к неконструктивным способам совладающего поведения.

Выводы

Более 30,0% студентов первого курса медицинского вуза имеют средний и высокий уровень социальной тревожности.

У каждого третьего студента первого курса сильно выражен страх негативной оценки, который достоверно коррелирует с социальной тревогой.

Сильная и очень сильная социофобия выявлена у 64,0% обследованных.

Депрессивные симптомы наблюдаются у 44,7% обследованных студентов в том числе у 17,0% студентов отмечаются симптомы депрессии умеренной и выраженной степени тяжести.

Студенты первого курса медицинского университета достаточно часто прибегают к неконструктивным способам совладания со стрессом и тревогой.

Из конструктивных способов совладания со стрессом и тревогой студенты чаще прибегают к активному копингу и стратегии позитивного переопределения и личностного роста, которые имеют достоверные корреляционные связи с социальной тревогой.

ляционные связи с социальной тревогой.

Таким образом, проведенное исследование в очередной раз подтвердило результаты ранее проведенных нами исследований и исследований других авторов, что среди студентов медицинского вуза высокая распространенность различных тревожных расстройств, и что современное состояние психического здоровья и социальной адаптации студентов требуют активизации профилактики психических и социоадаптивных отклонений и нарушений. Особенно это касается студентов первого курса, значительная часть которых тяжело адаптируется к новым условиям и требованиям высшей школы и у которых уже к концу первого семестра отмечены различные тревожные расстройства. Высокий уровень тревоги негативно сказывается не только на качестве жизни индивида, но в студенческой среде влияет на взаимодействие с одногруппниками и преподавателями, а в дальнейшем может негативно сказаться на общении с пациентами.

Рекомендации

Первичная профилактика невротических расстройств в процессе учебной деятельности у студентов медицинского вуза должна быть направлена на предупреждение возникновения стресса и напряжения посредством создания благоприятного психологического климата в процессе общения между преподавателем и студентом, предъявление разумных педагогических требований, обеспечение обратной связи в процессе обучения, продуманный отбор учебного материала, соответствующий актуальным потребностям студента.

Более широко проводить психологическую диагностику личностных особенностей студента. На основе знания и учета индивидуальных личностных особенностей студентов, куратор (в качестве такового могут выступать преподаватели кафедр Психологии и Клинической психологии и социальной работы, а также студенты старших курсов факультета клинической психологии и социальной работы) выбирает и осуществляет требуемые психолого-педагогические воздействия в каждом конкретном случае.

Для характеристики параметров психологического здоровья студентов целесообразно проводить периодические социологические опросы с включением в них вопросов по самооценке здоровья и параметров поведенческих факторов. Организовать, обеспечить и проводить мониторинг состояния здоровья студентов мог бы специалист, владеющий сестринским процессом, основами психологии и педагогики на кафедре сестринского дела и ухода за больными.

Целесообразно оптимизировать врачебно-профес-

сиональное консультирование молодых людей непосредственно перед выбором вуза или специальности, базой для этого может служить учебная лаборатория

патопсихологической диагностики и психотерапии кафедры Психологии ФГБОУ ВО ЮУГМУ и студенческая поликлиника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. - №3. С. 72 - 81
2. Гаранян, Н.Г., Холмогорова А.Г., Евдокимова Я.Г., Москова М.В. и др. Предэкзаменационный стресс и эмоциональная дезадаптация у студентов младших курсов // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. - № 2. С. 38 - 43
3. Герасимова О.Ю., Маркина А.Ю. Эмоционально - психологические отклонения в здоровье студентов на этапе получения ими образования // Теория и практика современной науки. 2017. - № 1 (19). С. 251 - 254.
4. Герасимова О.Ю., Семченко Л.Н. Тревожные расстройства у студентов медицинского университета // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. - № 4. С. 30 - 38
5. Герасимова О.Ю., Семченко Л.Н., Никонов А.С. Психологические особенности суицидального поведения в подростковом возрасте // Девиантология. 2019. Т. 3. - № 1. С. 37 - 43
6. Горшков Е.А., Коротина Л.Д. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. 2015. - № 23.2 (103.2). С. 46 - 51.
7. Григорьева И.В., Ениколопов С.Н. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» // Национальный психологический журнал. 2016. - № 1(21). С. 31 - 44.
8. Евдокимова Я.Г. Интерперсональные факторы эмоциональной дезадаптации у студентов младших курсов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12, - №5. С.71 - 81
9. Кошелева Е.Ю., Подворчан Ю.А., Яруллина А.Р. Адаптация первокурсников к университетской жизни: факторы стресса и механизмы поддержки // Молодой ученый. 2015. - № 11 (91). С. 1362 - 1364.
10. Краснова В.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация // Психолого-педагогические исследования. 2011. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2060.phtml> (дата обращения: 25.02.2021).
11. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова: 2010. 296 с.
12. Никитина И.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения // Социальная и клиническая психология. 2010. - №1. С. 80 - 85
13. Павлова Т.С., Холмогорова А.Б. Психологические факторы социальной тревожности в студенческом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2011. - №11. С. 29 - 42
14. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб. Питер, 2001. 268 с.
15. Холмогорова А.В., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. 2009. - №3. С. 101 - 110.
16. Carver, C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 56, P. 267 - 283.
17. Watson D., Friend R. Measurement of Social-Evaluative Anxiety // Journ. of Consulting & Clinical Psychology. 1969. Vol 33 (4). P. 448 - 457. doi: <http://dx.doi>.

© Герасимова Оксана Юрьевна (oksana-5858@mail.ru), Семченко Любовь Николаевна (luba_sem96@mail.ru),

Батуева Светлана Владимировна (batuevas@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ОБУЧЕНИЕМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

THE RESULTS OF THE STUDY OF THE
RELATIONSHIP BETWEEN LEARNING
SATISFACTION AND PROFESSIONAL
IDENTITY OF UNIVERSITY STUDENTS IN
THE CONTEXT OF THE INTENSIFICATION
OF DIGITALIZATION AND DISTANCE
LEARNING

*E. Dosmagombetova
E. Vorontsova*

Summary: The article describes the results of an empirical study of one of the most pressing issues of our time – satisfaction with learning in the context of the intensification of digitalization of education in distance learning. The results of the study demonstrate differences in the indicators of satisfaction with educational activities before the transition and after the exit from online learning in the process of digitalization intensification. Significant differences were found in the expression of overall satisfaction with educational activities, satisfaction with the content of the educational process, as well as relationships with classmates. For students who are satisfied with distance education, satisfaction with educational activities in general, as well as its individual components, are relatively dependent indicators on the formation of professional identity statuses.

Keywords: learning satisfaction, professional identity, digitalization intensification, students.

Досмагомбетова Элина Альбертовна
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
(г. Иркутск)

elina7696@yandex.ru

Воронцова Евгения Геннадьевна

к.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск)
ewgeniavorontsova@yandex.ru

Аннотация: В статье описываются результаты эмпирического исследования одного из актуальных вопросов современности – удовлетворённости обучением в условиях интенсификации цифровизации образования в дистанционной форме обучения. Результаты исследования демонстрируют различия в показателях удовлетворенности учебной деятельностью до перехода и после выхода из онлайн обучения в процессе интенсификации цифровизации. Выявлены достоверные различия в выраженности общей удовлетворенности учебной деятельности, удовлетворенности содержанием учебного процесса, а также взаимоотношениями с однокурсниками. Для студентов, удовлетворенных дистанционным образованием удовлетворенность учебной деятельностью в целом, а также ее отдельные компоненты являются относительно зависимыми показателями от сформированности статусов профессиональной идентичности.

Ключевые слова: удовлетворённость обучением, профессиональная идентичность, интенсификация цифровизации, студенты.

Актуальность и значимость процесса цифровизации профессионального образования и обучения вызвана глобальными процессами перехода к цифровой экономике и цифровому обществу и, в частности, интенсификация цифровизации в условиях онлайн обучения в период пандемии. В настоящее время происходит цифровая трансформация системы профессионального образования и профессиональной подготовки специалистов.

Объект исследования: удовлетворенность учебной деятельностью у студентов. Предмет исследования:

связь удовлетворенности учебной деятельностью со статусами профессиональной идентичности студентов в условиях цифровизации образования. Удовлетворенность – это долгосрочный процесс формирования оценки целевого комплекса компонентов [1;3]. Цифровизация образования - это сумма предпринятых мер по переходу учебно-профессиональной деятельности на дистанционную систему обучения, обусловленную условиями изоляции, для непрерывности процесса обучения [2].

В ходе исследования проводится наблюдение за

процессом интенсификации цифровизации с условия онлайн обучения и удовлетворённость обучением до онлайн обучения и после выхода. Ряд авторов обращают внимание на проблему интенсификации цифровизации, когда обучение на расстоянии становится одной из центральных форм и эта стремительность породила такие проблемы как изучение быстрыми темпами программного обеспечения субъектами образовательного процесса, адаптация к организационным и психологическим аспектам ускорения. Всё перечисленное не могло не отразиться на удовлетворённости обучением в ВУЗе [1,3]. Поводом к эмпирическому исследованию выступило предположение о том, что сформированный статус профессиональной идентичности имеет связь со студенческой удовлетворенностью учебной деятельности в условиях цифровизации обучения, что может, сказывается на успешности достижения: чем выше уровень удовлетворенности дистанционным обучением и статус профессиональной идентичности, тем успешнее проходит процесс обучения.

Методы: общетеоретические – анализ, синтез, конкретизация; эмпирический метод: эксперимент, измерение. Методики, применяемые в настоящем исследовании: тест-опросник удовлетворенности учебной деятельности (УУД) Л.В. Мищенко; методика изучения статусов профессиональной идентичности Дж. Марсия; анкета изучение отношения студентов к дистанционному обучению. Полученные результаты обработаны методами математической статистики: Т-критерий Вилсона; U-критерий Манна-Уитни; коэффициент корреляции Спирмена, факторный анализ.

Выборка сформирована из студентов вузов г. Иркутска ФГБОУ ВО «ИГУ», «БГУ», «ИРНИТУ» и г. Ангарска ФГБОУ ВО «АнгТУ». Общее количество опрошенных составило 70 человек разных факультетов, в том числе 24 студента направления магистратуры и 46 бакалавра, испытуемыми являлись юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет.

Исследование проходило в несколько этапов:

1. Формирование выборки и подбор методик для диагностики уровня удовлетворенности учебной деятельностью, статусов профессиональной идентичности в условиях цифровизации образования;
2. Проведение диагностики уровня удовлетворенности учебной деятельностью, статусов профессиональной идентичности;
3. Определение взаимосвязей между удовлетворенностью учебной деятельностью и статусами профессиональной идентичности, проверка результатов с помощью методов математической статистики. Исследование проводилось в период 01.10.2020 г. по 05.01.2021г.

Обработка и анализ результатов исследования взаимосвязи удовлетворенности обучением у студентов и профессиональной идентичности в условиях цифровизации образования.

Представим средние значения удовлетворенности учебной деятельностью по методике «Тест-опросник УУД Л.В. Мищенко» до и после дистанционного обучения. Выявлены статистически значимые различия в выраженности удовлетворенностью учебной деятельностью до и после интенсификации цифровизации и перехода на онлайн обучения и выхода из него. Существуют достоверные различия в выраженности общей удовлетворенности учебной деятельности ($W=-3,328$ $p\leq 0,01$), удовлетворенности содержанием учебного процесса ($W=-2,643$ $p\leq 0,01$), а также взаимоотношениями с однокурсниками ($W=-2,361$ $p\leq 0,05$). Таким образом, можно утверждать, что после перехода на онлайн- обучение, студенты испытывают достоверно большую удовлетворенность учебной деятельностью, а также достоверно меньшую удовлетворенность такими компонентами как содержание учебного процесса, выбранная профессия и отношения с однокурсниками.

Такой результат получен, возможно, из-за массового перевода на дистанционное обучение, а также введения режима самоизоляции из-за угрозы распространения инфекции. В результате такого перевода, взаимодействия с однокурсниками по поводу обучения, внешних «реальных» живых контактов уменьшилось.

В классическом обучении одна из важных составляющих - это момент непосредственного живого взаимодействия, который важен для передачи социального опыта, совместных эмоциональных переживаний, успеха или неудачи, роста в какой-либо сфере деятельности. Межличностные отношения влияют на удовлетворенность студентов обучением в вузе, поскольку влияют на адаптацию к вузу. Режим изоляции усилил чувство одиночества, раздражительности, страха и поставил под сомнение положительное отношение и перспективы развития профессиональной подготовки, но повышению показателя общей удовлетворенности, все-таки студенты видят не только негативные, но и позитивные аспекты вынужденной самоизоляции в период пандемии.

Методика изучения статусов профессиональной идентичности Дж. Марсия. Данный тест позволяет определить статус профессиональной идентичности и задуматься над вопросом, связанным с профессиональным самоопределением [2]. В ходе эмпирического исследования было выявлено, что неопределенное состояние профессиональной идентичности составили 10%. Данное состояние характерно для респондентов, которые не имеют прочных профессиональных целей и планов и при этом не пытаются их сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития. Чаше

всего этим статусом обладают подростки, родители которых не хотят или не имеют времени проявлять активный интерес к профессиональному будущему своих детей. Такой статус бывает и у подростков, привыкших жить текущими желаниями, недостаточно осознающих важность выбора будущей профессии.

Показатели респондентов со сформированной профессиональной идентичностью составили 47%. Эти студенты характеризуются тем, что они готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем. Этим статусом обладают юноши и девушки, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях.

Мораторий (кризис выбора) выявлен в 35% случаев. Такое состояние характерно для человека, исследующего альтернативные варианты профессионального развития и активно пытающегося выйти из этого состояния, приняв осмысленное решение в отношении своего будущего. Эти юноши и девушки размышляют о возможных вариантах профессионального развития. На этой стадии нередко складываются неустойчивые отношения с родителями и друзьями: полное взаимопонимание может быстро сменяться непониманием, и наоборот. Как правило, большая часть людей после «кризиса выбора» переходят к состоянию сформированной идентичности, реже к навязанной идентичности.

Навязанная профессиональная идентичность проявлена в 7% случаях. Это состояние характерно для человека, который выбрал свой профессиональный путь, но сделал это не путем самостоятельных размышлений, а прислушавшись к мнению авторитетов. Вполне возможно, что в дальнейшей жизни это приведет к разочарованию в сделанном выборе.

Анализ отношения студентов к формату дистанционного обучения «Анкета для студентов о дистанционном обучении».

Согласно анкете, респонденты были разделены на 2 группы: удовлетворенные обучением в дистанционном формате и неудовлетворенные обучением. Таким образом, группа неудовлетворенных составила 20 человек, группа удовлетворенных составила 50 человек.

Далее мы применили U-критерий Манна-Уитни для сравнения двух независимых выборок по уровню признака удовлетворенности и неудовлетворенности дистанционным обучением. В результате расчетов выявлены статистически значимые различия в выраженности удовлетворенностью учебной деятельностью у студентов, удовлетворенных и не удовлетворенных цифрови-

зацией образования.

Существуют достоверные различия в выраженности удовлетворенности содержанием учебной деятельности ($U=432$ $p \leq 0,05$) и удовлетворенности выбранной профессией ($U=426$ $p \leq 0,05$). Таким образом, можно утверждать, что студенты, удовлетворенные переходом на дистанционную форму обучения и интенсификацией цифровизации, испытывают достоверно большую удовлетворенность содержанием учебной деятельностью и выбранной профессией, по сравнению со студентами, испытывающими неудовлетворенность переходом на дистанционное образование. Остальные показатели удовлетворенности студентов с разным отношением к интенсификации цифровизации в образовании и переходом в онлайн обучение достоверных различий не было выявлено. На наш взгляд, связано с тем, что удовлетворенные учебной деятельностью студенты, испытывают удовлетворение от процесса обучения, они уверены в выборе своей будущей профессиональной востребованности, оценивают избранную профессию, как способствующую самораскрытию, самоактуализации, дающую возможность в полном объеме реализовать свои способности. Такие студенты, сосредоточенные на приобретении знаний, умений и навыков, преследуют цели и решают задачи, несмотря на трудности перехода в дистанционный формат, они уверены в том, что приобретут необходимые знания, реализуют свои способности на пути успешного профессионального становления.

Далее мы выявляли различия профессиональной идентичности у студентов, удовлетворенных и неудовлетворенных переходом на дистанционное обучение. Выявлены статистически значимые различия в выраженности профессиональной идентичности у студентов, удовлетворенных и неудовлетворенных дистанционным обучением. Удовлетворенные интенсификацией цифровизации образования и переходом на онлайн обучение показали выраженность признака «моратория» ($U=424$ $p \leq 0,05$), сформированного статуса профессиональной идентичности ($U=432$ $p \leq 0,05$).

Показатель статуса неопределенной профессиональной идентичности выше в группе неудовлетворенных дистанционным обучением ($U=425$ $p \leq 0,05$). Этот показатель может говорить о том, что и до перехода на формат дистанционного обучения, такие студенты не были удовлетворены университетским образованием. Четкие представления о карьере отсутствуют, но человек не ставит перед собой такую задачу по получению профессионально важных качеств.

Исследование связи удовлетворенности учебной деятельностью со статусами профессиональной идентичности студентов.

Корреляционный анализ (вычисление коэффициен-

тов корреляции Спирмена и оценка их уровней значимости) [35]. Коэффициент ранговой корреляции используется для выявления и оценки тесноты связи между двумя рядами сопоставляемых количественных показателей. В том случае, если ранги показателей, упорядоченных по степени возрастания или убывания, в большинстве случаев совпадают, делается вывод о наличии прямой корреляционной связи. Если ранги показателей имеют противоположную направленность, то говорят об обратной связи между показателями.

В нашем случае, коэффициенты корреляции дают возможность сделать выводы о существовании или не существовании статистически значимой корреляционной зависимости между удовлетворённостью учебной деятельностью студентов и статусами профессиональной идентичности.

Докажем предположение о том, что удовлетворённость учебной деятельностью и сформированный статус профессиональной идентичности взаимосвязаны, мотивация и удовлетворённость зависят от степени восприятие учебной деятельности как первого по важности дела, заинтересованность в наилучших результатах, стремление совершенствоваться и оптимизировать собственный учебный процесс.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа шкал выраженности удовлетворённости учебной деятельностью и выраженностью статусов профессиональной идентичности (таблица 1).

Доказывая предположение о том, что существует связь между удовлетворённостью учебной деятельностью и сформированным статусом профессиональной идентичности, были выявлены сильные связи сформированности статуса профессиональной идентичности и выраженности удовлетворённости содержанием учебного процесса ($r=0,781$, $p \leq 0,05$); удовлетворённости избранной профессией ($r=0,819$, $p \leq 0,05$), а также удовлетворён-

ности бытом, бюджетом, здоровьем ($r=0,713$, $p \leq 0,05$). Тенденция просматривается в шкалах общей удовлетворённости ($r=0,582$, $p \leq 0,05$), удовлетворённости воспитательным процессом ($r=0,545$, $p \leq 0,05$), удовлетворённость взаимоотношениями с одногруппниками ($r=0,265$, $p \leq 0,05$)

Таким образом, можно сказать, что при увеличении осознанности выбора профессионального развития, уверенности в правильности принятого решения о своем профессиональном будущем, сформированности системы знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, наблюдаются выраженная удовлетворённость содержанием учебной деятельности, избранной профессией, а также удовлетворённость материальными и физическими (благами бытом, бюджетом и здоровьем). Имея достигнутый статус профессиональной идентичности, студенты вовлечены в процесс обучения, их устраивает структура процесса и способ обучения. Для них образовательный процесс, это способ развития индивидуальных способностей и формирование профессионально важных качеств.

Студенты следуют своим интересам, склонностям и возможностями, что способствует развитию творческого потенциала, и позволяет сформировать важные и необходимые профессиональные качества целеполагания и планирования, они удовлетворены бюджетом, досугом, здоровьем, тем, как протекает их быт, у них есть достаточное количество свободного времени, сил и энергии и удовлетворены состоянием своего здоровья.

Студент, удовлетворённый учебной деятельностью, как правило, удовлетворен избранной профессией, мотивирован на овладение профессией и приобретение знаний. Студент «автономный», т.е. проявляет в учебной деятельности настойчивость, целеустремленность, развитый самоконтроль, уверенность в себе, склонность к самостоятельному выполнению работы.

Таблица 1.

Корреляционная связь выраженности показателей удовлетворённости учебной деятельностью и выраженности профессиональной идентичности в общей выборке

Параметры	Неопр. статус	Навяз. статус	Мораторий	Сфор. статус
Общая УУД	-0,035	-0,178	0,09	0,582*
Учебный процесс	0,314*	-0,15	0,231*	0,781**
Воспитательный процесс	0,003	-0,076	0,05	0,545*
Избранная профессия	-0,053	-0,1	0,218	0,819**
Однокурсники	0,259*	-0,216	0,005	0,265*
Преподаватели	-0,114	-0,08	0,035	0,217
Быт, бюджет,здоровье	0,387*	-0,195	0,234*	0,713**

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Следующее наше предположение о том, что неудовлетворенные учебным процессом студенты имеют низкие показатели профессиональной идентичности (таблица 2).

Выявлено большее количество связей выраженности удовлетворенности содержанием учебной деятельностью, взаимоотношениями с однокурсниками, и удовлетворенность материальными и физическим состоянием с неопределенным статусом профессиональной идентичности, но выявленные взаимосвязи обладают слабой силой, таким образом, можем интерпретировать их с точки зрения тенденции. Предположение о том, что неудовлетворенные определенными факторами учебной деятельности студенты обладают низким уровнем статуса профессиональной идентичности, то есть неопределенным.

Тенденция взаимосвязи сформированности статуса профессиональной идентичности и выраженности избранной профессией ($r=0,427p\leq 0,05$), удовлетворенности бытом, бюджетом, здоровьем до цифровизации ($r=0,402p\leq 0,05$), можно аргументировать, тем, что респонденты со сформированным статусом идентичности, даже находясь в состоянии неудовлетворенности учеб-

ным процессом в дистанционном формате, все равно придерживаются своих профессиональных планов, и сохраняют контроль над своей жизнью вне обучения.

Тенденция сохраняется в отношении сформированного статуса профессиональной идентичности и общей удовлетворенности учебной деятельности ($r=0,435 p\leq 0,05$), содержанием учебного процесса ($r=0,596p\leq 0,05$), избранной профессией ($r=0,576p\leq 0,05$), взаимоотношениями с одногруппниками ($r=0,315 p\leq 0,05$), и удовлетворенности материальными и физическими характеристиками ($r=0,427 p\leq 0,05$). Таким образом, можно предположить, что для студентов, удовлетворенных дистанционным образованием удовлетворенность учебной деятельностью в целом, а также ее отдельные компоненты являются относительно зависимыми показателями от сформированности статусов профессиональной идентичности.

Обучение в дистанционном формате, студентов идет благополучно, они испытывает удовлетворение от онлайн-общения с однокурсниками, уверены в своей будущей профессиональной востребованности, их запросы не превышают бытовую и бюджетную действительность. Находясь, в достигнутом статусе студенты уверены в

Таблица 2.

Взаимосвязь показателей удовлетворенности учебной деятельностью и профессиональной идентичностью в группе студентов, неудовлетворенных дистанционным образованием

Параметры	Неопр. статус	Навяз. статус	Мораторий	Сфор. статус
Общая УУД	0,245	-0,142	-0,079	0,21
Учебный процесс	0,381*	-0,231	0,065	0,236
Воспитательный процесс	0,078	0,151	0,007	0,251
Избранная профессия	-0,007	-0,159	0,298*	0,427*
Однокурсники	0,314*	0,03	-0,022	0,254
Преподаватели	-0,069	0,137	0,158	0,236
Быт, бюджет, здоровье	0,387*	-0,236	-0,116	0,402*

*. Корреляция значима на уровне 0,05.

Таблица 3.

Взаимосвязь показателей удовлетворенности учебной деятельностью и профессиональной идентичностью в группе студентов, удовлетворенных дистанционным образованием

Параметры	Неопр. статус	Навяз. статус	Мораторий	Сфор. статус
Общая УУД	0,052	-0,091	0,072	0,435*
Учебный процесс	0,004	-0,1	0,237*	0,596*
Воспитательный процесс	0,006	-0,142	0,253*	0,281*
Избранная профессия	0,111	-0,035	0,017	0,576*
Однокурсники	-0,164	-0,089	-0,115	0,315*
Преподаватели	-0,165	0,05	0,06	0,136
Быт, бюджет, здоровье	0,008	-0,08	0,029	0,427*

*. Корреляция значима на уровне 0,05.

правильности принятого решения об их профессиональном будущем, и как следствие они испытывают положительно отношение к обучению в дистанционном формате.

Таким образом, на основе анализа полученных данных, мы можем определить факторы удовлетворенности обучением до и после интенсификации цифровизации образования, перехода на онлайн обучения и выхода из него. Проведённый факторный анализ позволил выделить 6 факторов и их структурные компоненты. В первом факторе Ф1 отражена взаимосвязь показателей удовлетворенности с неопределенным статусом профессиональной идентичности. Полученные результаты согласуются с результатами факторного анализа первичных данных диагностики, таким образом, подтверждая достоверность связи между неопределенностью статуса и компонентами удовлетворенности общения с однокурсниками и бытом, досугом и здоровьем.

Во втором факторе Ф2 отражена связь показателей удовлетворенности со сформированным статусом профессиональной идентичности. Связь подтверждается с удовлетворенностью учебным процессом, избранной профессией, удовлетворенность своей жизнью ее финансовой и материальной составляющей. Студенты, удовлетворенные воспитательным процессом, профессией, которую они выбрали, мотивированы на приобретение знаний и получение диплома, у таких студентов преобладает высокое значения положительной мотивации и автономности в учебной деятельности.

В третьем и четвёртом факторе (Ф3, Ф4) отражена связь показателей удовлетворенности до перехода на дистанционное обучение и после. Ф3 объединил в себе показатели, удовлетворенности содержанием учебного процесса, избранной профессией, взаимоотношениями

с одногруппниками и преподавателями, удовлетворенность субъективным благополучием.

Пятый фактор Ф5 удовлетворенности после перехода на дистанционное обучение объединил показатели: удовлетворенность материальными и физическими благами, избранной профессией и воспитательным процессом. Но в отличие от Ф4 отсутствует связь показателей общения группу и преподавателей, это связано с тем, что непосредственное живое общение в образовательной среде, имеет положительное влияние на удовлетворенность учебной деятельностью.

Исследуемые характеристики отношения личности к учебной деятельности, связанные с удовлетворенностью и закрытием определенных образовательных потребностей, характеризуются как показатели социально-психологической зрелости студента, который самостоятелен в принятии решений и несет ответственность за свой стиль жизнь.

Таким образом, в исследовании выявлено, что существуют различия в показателях удовлетворенности учебной деятельностью до и после процесса интенсификации цифровизации образования и состоянии показателей до перехода на онлайн-обучение и после выхода из него. Достоверные различия в выраженности общей удовлетворенности учебной деятельности, удовлетворенности содержанием учебного процесса, а также взаимоотношениями с однокурсниками. Можно утверждать, что после перехода на онлайн-обучение, студенты испытывают достоверно большую удовлетворенность учебной деятельностью, но достоверно меньшую удовлетворенность такими компонентами как содержание учебного процесса, выбранная профессия и отношения с однокурсниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Король, Л.Г. Удовлетворенность студентов условиями обучения в вузе как компонент системы менеджмента качества высшего образования / Л.Г. Король, И.В. Малимонов, Д.В. Рахинский. — Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). — Т. 2. — Пермь: Меркурий, 2011. — С. 103-105. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/17/616/> (дата обращения: 13.03.2021).
2. Попова О.И. Цифровизация образования и бренд вуза: отношение студентов к процессам // Вопросы управления. 2019. №3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-i-brend-vuza-otnoshenie-studentov-k-protsessam> (дата обращения: 13.03.2021).
3. Геранюшкина Г.П. Исследование ценностей предпринимателей разных социально-демографических групп // Г.П. Геранюшкина / Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2020. Т. 33. С. 69-88.
4. Малахаева С.К. Агрессивность и аутоагрессивность в сетевом тексте: контент-анализ страниц в социальной сети «ВКонтакте» / С.К. Малахаева, Р.С. Потапов // Вопросы теории и практики журналистики. - 2018. - Т. 7, № 4. - С. 724-740.

© Досмагомбетова Элина Альбертовна (elina7696@yandex.ru), Воронцова Евгения Геннадьевна (ewgeniavorontsova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФИЛАКТИКА НЕОПТИМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Дохоян Анна Меликсовна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
d.a.m@mail.ru

PREVENTION OF SUB-OPTIMAL MODELS OF FAMILY UPBRINGING OF CHILDREN WITH HIA

A. Dohoyan

Summary: The article considers the family as a system-forming determinant in the socio-cultural status of the child, predetermining its further psychophysical and social development. Based on the material studied, four options for the classification of «problem families» have been identified under different criteria. The subject of the study was the consideration of non-constructive models of family upbringing of children with HIA. Non-constructive models of family upbringing of a child with developmental disabilities create the prerequisites for the emergence of secondary abnormalities in his mental development, which have a significant impact on the intellectual and personal development of the child.

Keywords: family, family dysfunction, child with disabilities, family upbringing, unconstructive models of family child upbringing, troubled families.

Аннотация: В статье рассматривается семья как системообразующая детерминанта в социально-культурном статусе ребенка, предопределяющая его дальнейшее психофизическое и социальное развитие. На основании изученного материала выделены четыре варианта подхода к классификации «проблемных семей», выделенные по различным критериям. Предметом исследования стало рассмотрение неконструктивных моделей семейного воспитания детей с ОВЗ. Неконструктивные модели семейного воспитания ребенка с отклонением в развитии создают предпосылки для возникновения вторичных отклонений в его психическом развитии, которые оказывают значительные влияния на интеллектуальное и личностное развитие ребенка.

Ключевые слова: семья, семейное неблагополучие, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, семейное воспитание, неконструктивные модели семейного воспитания ребенка, проблемные семьи.

Семья представляет собой первый социальный институт, в котором ребенок обучается приемам присвоения культурных ценностей. Именно в семье в сознании ребенка формируются представления о жизненных целях, нравственных ценностях, добре и зле, выработываются образцы поведения [5].

Существует прямая зависимость развития ребенка от семейного фактора: чем сильнее проявляется семейное неблагополучие, тем более выражены нарушения развития у ребенка. Семья, в которой есть ребенок с ограниченными возможностями здоровья, – это особый объект внимания всех специалистов, которые оказывают помощь семье [1, стр.123].

Российское законодательство закрепляет за родителями ответственность за воспитание своих детей (Семейный кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»). В связи с этим возрастает и роль семьи в воспитании ребенка с ОВЗ, что в свою очередь объясняет потребность родителей в различных реабилитационных мерах, направленных им в помощь для реализации этой задачи.

Современный подход к семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ),

рассматривает ее как реабилитационную структуру, изначально обладающую потенциальными возможностями к созданию максимально благоприятных условий для развития и воспитания ребенка (С.Д. Забрамная, И.Ю. Левченко, Э.И. Леонгард, Н.В. Мазурова, Г.А. Мишина, Е.М. Мастюкова, Л.И. Солнцева, В.В. Ткачёва и др.).

Семья рассматривается как системообразующая детерминанта в социально-культурном статусе ребенка, предопределяющая его дальнейшее психофизическое и социальное развитие.

Предметом нашего исследования стало рассмотрение неконструктивных моделей семейного воспитания детей с ОВЗ.

Неконструктивные модели семейного воспитания ребенка с отклонением в развитии создают предпосылки для возникновения вторичных отклонений в его психическом развитии, которые оказывают значительные влияния на интеллектуальное и личностное развитие ребенка.

Первый подход к классификации «проблемных семей, воспитывающих детей с ОВЗ» выделен на основании степени объективного риска социальной уязвимо-

сти семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, в связи с её экономической нестабильностью.

В данную группу вошли исходно неполные семьи, в которых, с момента рождения ребёнка с ОВЗ, его воспитывает один из родителей (законных представителей); многодетные семьи, в составе которых есть ребенок с ОВЗ, попавшие в ситуацию экономической нестабильности; семьи беженцев и вынужденных переселенцев, в которых воспитывается ребенок с ОВЗ; семьи безработных, имеющих на иждивении детей с ОВЗ; семьи военнослужащих срочной службы с детьми, имеющими ОВЗ; семьи разведённых родителей, в которых один из них уклоняется от выплаты алиментов на детей в целом, и на ребенка с ОВЗ, в частности; семьи, в которых родителями являются инвалидами; семьи, воспитывающие опекаемых и усыновлённых детей с ОВЗ; семьи, пострадавшие от последствий техногенных, природных, экологических катастроф; студенческие семьи с детьми, в т.ч. и детьми с ОВЗ.

К числу первоочередных мер по профилактике неоптимальных моделей семейного воспитания и оказанию помощи семьям, входящим в первую группу, можно отнести следующие: оказание консультативно-организационной помощи в получении социальных льгот, пособий, кредитов, благотворительной и гуманитарной помощи; оказание консультативно-организационной помощи в трудоустройстве взрослых безработных членов семьи, а также несовершеннолетних, имеющих право на трудоустройство; содействие в получении льготных путёвок в детские оздоровительные учреждения для лечения или отдыха в летний период детей с ОВЗ; организация благотворительных аукционов, ярмарок, выставок-продаж по сбору средств для оказания помощи экономически нестабильным семьям, в которых воспитываются дети с ОВЗ.

Однако, решая проблему укрепления материального благосостояния семей, относящихся к первой группе, специалист должен обратить также внимание на необходимость решения других проблем, свойственных отдельным семьям, которые могут спровоцировать факты семейного насилия в отношении детей с ОВЗ, их безнадзорность, социальное сиротство.

В связи с этим некоторые типы семей будут повторяться в других классификациях, в целях обозначения комплекса характерных для них проблем и способов их решения.

Второй вариант подхода к классификации «проблемных семей», выделенный по критерию степени сохранности структуры семьи.

Это исходно неполные семьи, в которых с момента рождения ребёнка с ОВЗ воспитывается одним из ро-

дителей (законным представителем); неполные семьи, появившиеся вследствие смерти одного из родителей (законных представителей), в которых воспитывается ребенок с ОВЗ.; нуклеарные семьи, в составе которых есть дети с ОВЗ; семьи, в которых родители находятся в повторном браке, и имеют детей с ОВЗ; семьи, воспитывающие опекаемых и усыновлённых детей с ОВЗ и семьи, образовавшиеся в результате развода, воспитывающие детей с ОВЗ.

Включение этих семей в категорию проблемных обусловлено тем, что только гармония отцовской и материнской любви; мудрая, щедрая на ласку, заботу, внимание любовь бабушек и дедушек, тёплые отношения с сестрами и братьями могут выступать надёжными гарантиями счастливого детства любого ребенка, в том числе и с ОВЗ.

К сожалению, в семьях с нарушенной структурой родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, не в состоянии обеспечить эту гармонию по различным причинам.

В неполных семьях всех типов дети тяжело переживают отсутствие одного из родителей. Возможна ситуация, когда родитель, с которым проживает ребёнок, самоустраняется от выполнения родительских обязанностей, что ведет к безнадзорности, а также к социальному сиротству. Особое внимание специалисты «Службы сопровождения детей с ОВЗ и их семей» должны обратить на психологический микроклимат в неполных семьях, так как стрессообразующими факторами являются и смерть супруга, и развод, и одиночество, и стремление одного из родителей категорически запретить контакты с родителем, находящимся в разводе. В таких семьях дети очень часто выступают в несвойственной им роли «утешителя», «примирителя», «громоотвода»; проявляют склонность к различным проявлениям деструктивного и девиантного поведения.

В семьях, где воспитанием занимается только мать, велика угроза феминизации воспитания, если отец – маскулинизации.

Для семей, в которых родители находятся в повторном браке, часто характерна неприязнь отчима или мачехи к детям от первого брака, конфликты между сводными детьми, детьми, родившимися от повторного и предыдущих браков. Эти дети, в том числе и с ОВЗ, очень часто становятся жертвами домашнего насилия со стороны членов семьи.

Наиболее типичной проблемой для нуклеарной семьи с детьми, в том числе и с ОВЗ, является дефицит совместной деятельности, дефицит общения с другими членами семьи: бабушками, дедушками, родственниками по отцовской, материнской линии.

В целях профилактики неоптимальных моделей семейного воспитания детей с ОВЗ, и коррекции взаимоотношений в семьях с нарушенной или неоптимальной структурой необходимо оказывать правовую помощь родителям (законным представителям) в целях налаживания полноценных контактов с детьми; проводить групповые и индивидуальные консультации для родителей (законных представителей) из неполных семей; оказывать помощь детям и родителям (законным представителям) и в организации досуга, консультативно-организационную помощь по записи детей с ОВЗ в кружки, студии, спортивные секции, в целях преодоления дефицита общения в целом и межполового общения в частности, обращая при этом особое внимание их возрастные и индивидуальные особенности, обусловленные патологией психосоматического развития; содействовать в оказании квалифицированной психологической помощи родителям (законным представителям) и детям с ОВЗ в стрессовых и экстремальных ситуациях, таких как: повторный брак родителей, развод, смерть членов семьи.

Третий вариант подхода к классификации «проблемных семей» выделен на основании особенностей психофизического развития детей. Данная классификация непосредственно связана с необходимостью определения тяжести отклонений в психосоматическом развитии: семьи, воспитывающие одарённых и талантливых детей, имеющих отклонения в психосоматическом развитии; семьи, имеющие детей, страдающих хроническими соматическими заболеваниями; семьи с детьми, имеющими нарушения интеллектуальной, сенсорной, двигательной сферы, причиной которых являются органические поражения структур головного мозга; семьи, воспитывающие детей, находящихся в пограничном состоянии (с задержкой психического развития, высоким уровнем социальной и педагогической запущенности; склонностью к проявлениям девиантного поведения, имеющих характерологические или поведенческие отклонения).

При планировании комплекса мероприятий, направленных на профилактику неоптимальных моделей семейного воспитания, осуществление индивидуальной работы с вышеперечисленными типами семей рекомендуется оказывать содействие в проведении тематических консультаций для детей и родителей (законных представителей): социального педагога, психолога, юриста, дефектолога, детского невропатолога, психоневролога, логопеда, детского психиатра; оказывать

психолого-педагогическую помощь в социальном и профессиональном самоопределении детям с проблемами развития; способствовать направлению детей с проблемами психофизического развития в группы социальной и психологической коррекции, использующих методики арттерапии, эмаготерапии, ипотерапии, игротерапии, сказкотерапии и т. д.; содействовать в определении детей с ОВЗ в специализированные учреждения системы социальной защиты, образования, здравоохранения для реабилитации, лечения и обучения; оказывать родителям (законным представителям) и детям, имеющим отклонения в психосоматическом развитии правовую помощь по защите их прав; содействовать родителям (законным представителям), имеющим детей с ОВЗ, в получении на льготных условиях инвалидных колясок, медикаментов и т.п.; оказывать содействие в выявлении потенциальных творческих способностей детей с проблемами развития, способствовать их целенаправленному развитию в кружках, студиях, секциях учреждений дополнительного образования; проводить для детей с ОВЗ коллективные воспитательные дела с целью социальной реабилитации и адаптации, создания благоприятного эмоционального настроения.

Четвертый вариант подхода к классификации проблемных семей, воспитывающих детей с ОВЗ включает несколько различных подходов к классификации семей по различным основаниям, однако, все они отражают различные аспекты оптимальных и неоптимальных взаимоотношений между родителями (законными представителями) и детьми, а также их характер отношений с социумом.

Оптимальными взаимоотношениями могут считаться те, в которых взрослые члены семьи: сосредоточиваются на позитивных сторонах и преимуществах ребёнка с ОВЗ с целью укрепления его самооценки; помогают ребёнку с ОВЗ поверить в себя и свои способности; помогают ребёнку с ОВЗ избежать ошибок, а при их свершении способны найти лучший вариант для их исправления; поддерживают ребёнка с ОВЗ при неудачах, оказывая ему конкретную действенную помощь и поддержку.

Именно такие взаимоотношения присущи семьям с высоким уровнем нравственного потенциала, педагогически компетентным в вопросах семейного воспитания, в которых преобладает демократический стиль взаимоотношений между её членами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инклюзивное образование. Настольная книга педагога, работающего с детьми с ОВЗ [Текст]. - М.: Владос, 2013. - 168 с.
2. Дементева Н.Ф. Социальная работа с семей ребенка с ограниченными возможностями. - М.: Институт социальной работы, 1996.
3. Кузьмичева, Т.В. Психолого-педагогическая парадигма профессионального образования лиц с ОВЗ [Текст] / Т.В. Кузьмичева, Ю.А. Афонькина // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. № 60–4. – С. 242–245

4. Лёвина Т.В. Семейное воспитание ребенка с отклонениями в развитии [Электронный ресурс] / Т.В. Лёвина. - Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2014/03/26/semeynoe-vozpitanie-i-obrazovanie-detey-s-ovz>
5. Ткачева В.В. Психологическое изучение семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями развития // Психолого-педагогическая диагностика: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Под ред. И.Ю. Левченко, С.Д. Забрамной. М.: Изд.центр «Академия», 2003.
6. Федосеева О.А. Особенности воспитания ребенка с ограниченными возможностями в семье // Молодой ученый. -- 2013. -- №9. -- С. 346-349.
7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 №273-ФЗ [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 28.09.2019).

© Дохоян Анна Меликсовна (d.a.m@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Армавирский государственный педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Зорина Наталья Николаевна

Соискатель, Институт психологии творчества

natanzorina@mail.ru

EMOTIONAL INTELLIGENCE, ITS ESSENCE AND ITS PLACE IN THE STRUCTURE OF PERSONALITY

N. Zorina

Summary: The relevance of the topic of emotional intelligence is associated with two groups of factors. The first group of factors is the actuality of the topic for the person. The second group is the lack of a unified approach to understanding emotional intelligence, as well as its place in the structure of personality in the topic of emotional intelligence. In the article, the author examines various approaches to understanding emotional intelligence, separates social intelligence from emotional intelligence. In the structure of personality, the author distinguishes motivational, social, emotional-volitional, cognitive (intellectual) spheres of personality.

Keywords: emotional intelligence, social intelligence, personality, cognitive sphere, emotional sphere.

Аннотация: Автор полагает, что актуальность темы эмоционального интеллекта связана с двумя группами факторов: первая группа - актуальность темы для самой личности, вторая группа - отсутствие в теме единого подхода к пониманию эмоционального интеллекта и его места в структуре личности. В статье автор рассматривает различные подходы к пониманию эмоционального интеллекта, отделяет социальный интеллект от эмоционального. Говоря о структуре личности, автор выделяет мотивационную, социальную, эмоционально-волевую, когнитивную (интеллектуальную, познавательную) сферы личности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, социальный интеллект, личность, когнитивная сфера, эмоциональная сфера.

По нашему мнению, в актуальности выбранной темы можно выделить две группы факторов. Первая группа касается актуальности темы эмоционального интеллекта для личности: распознавание собственных эмоций и управление ими, распознавание эмоций других людей и способность влиять на них, а также ряд других вопросов, связанных с успехом в профессиональной и личной сферах, который, по мнению ряда авторов, является следствием развитого эмоционального интеллекта. Вторая группа факторов, которые обусловили актуальность темы эмоционального интеллекта в научном поле (как отечественном, так и зарубежном) связана с отсутствием в теме эмоционального интеллекта единого понятия, подхода, модели эмоционального интеллекта, а также с отсутствием единого пула исследований взаимосвязи эмоционального интеллекта с: социальным интеллектом, успешностью личности в той или иной сфере ее жизни, с гендером, с индивидуально-личностными характеристиками, с социальным и культурным окружением личности, с возрастными характеристиками и другими значимыми факторами, способными (прямо или косвенно) повлиять на формирование эмоционального интеллекта личности.

Отсутствие единой трактовки феномена эмоционального интеллекта в научном поле отмечают и сами исследователи. Так, Е.Ю. Пономарева пишет о том, что современная наука «не имеет в своем тезаурусе единой трактовки понятия «эмоциональный интеллект», а также

целостной концепции эмоционального интеллекта» [10]. Автор отмечает, что не раскрытость закономерностей, условий и факторов формирования эмоционального интеллекта является причиной несформированности единой концепции эмоционального интеллекта. Е.Ю. Пономарева пишет о необходимости системного анализа теоретико-методологических основ концепции эмоционального интеллекта, а также выделения тех внутренних и внешних условий становления личности, которые влияют на развитие эмоционального интеллекта.

И.Н. Андреева систематизирует представления об эмоциональном интеллекте, опираясь на материал определений эмоционального интеллекта, существующий в научном поле. Она отмечает, что «общими для большинства трактовок являются представления о том, что индивиды с высоким уровнем развития ЭИ обладают выраженными способностями к пониманию эмоций (собственных и других людей), их выражению и управлению ими, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении и деятельности» [2, с.105]. Особенностью зарубежных определений является то, что их можно разделить на три условные группы. Авторы определений первой группы понимают эмоциональный интеллект как «способность» (ability), авторы определений второй группы понимают эмоциональный интеллект как «умственные способности и потенциал» (capacity), а авторы определений третьей группы понимают его как «компетенцию», «умение» (competence). «От-

личия между ключевыми терминами указывают на различную расстановку акцентов – ЭИ рассматривается как врожденные возможности, приобретенные компоненты способностей, когнитивные компетенции в области эмоций” [2, с.105].

Размышляя над характером расстановки акцентов в определениях эмоционального интеллекта, также отметим, что авторы первой группы (эмоциональный интеллект как ability) говорят об эмоциональном интеллекте как некотором “врожденном явлении”, врожденной способности, на наличие или отсутствие которой личность, вероятно, повлиять не в состоянии. Авторы определений второй группы (эмоциональный интеллект как capacity) близки по своему пониманию эмоционального интеллекта к авторам определений первой группы, однако, настаивают на принципиальной возможности приобретения и развития эмоционального интеллекта как способности в значении “capacity” (что, наряду со значением способности, имеет значение возможности, мощности, потенциала). Мы видим, что определения первой группы имеют условную временную направленность “в прошлое” (врожденные способности, которые были с нами с детства, они не зависят от нас и мы их не выбирали). В то же время, определения второй группы, несмотря на схожее значение, имеют условную направленность “в будущее”: эмоциональный интеллект как способность приобретается и развивается, включает в себе определенный потенциал, требующий раскрытия. Наконец, определения третьей группы, где эмоциональный интеллект понимается как competence (компетенция) отстоят от определений первой и второй группы. Так, вектор направленности эмоционального интеллекта как компетенции - будущее (этим оно родственно определениям второй группы), но, в отличие от определений первой и второй группы, здесь эмоциональный интеллект понимается как приобретенный навык, не имеющий никакого “природного” (врожденного) фундамента.

Интересно, что некоторые отечественные теоретики и практики (в частности, А.Г. Шмелев, автор теста-опросника эмоционального интеллекта [11], научный руководитель HR-лаборатории, созданной на базе факультета психологии МГУ) разделяют эмоциональный интеллект и эмоциональную компетентность. Нам видится важным, что к эмоциональному интеллекту автор относит способности и личностные свойства (то есть, качества, “направленные в прошлое”, в известной степени “природные” или приобретенные в раннем детстве), а к эмоциональной компетентности - уровень развитости тех или иных компонентов эмоционального интеллекта, а также уровень развитости эмоционального интеллекта в целом (вектор, направленный в будущее, “приобретенные качества”).

Нам импонирует подход А.Г. Шмелева, разрешаю-

щий спор о том, является ли эмоциональный интеллект “врожденным” (вариант - сформированным в раннем детстве) или “приобретенным” в более взрослом возрасте. Действительно, эмоциональный интеллект как способность приобретается личностью в раннем детстве (в зависимости от типа воспитания, характера ее социального окружения, тех или иных событий, происходящих с ней), а эмоциональная компетентность представляет собой не только уровень развития эмоционального интеллекта, но и (развитую во взрослом возрасте) способность целенаправленно управлять своими эмоциями (а также целенаправленно влиять на эмоции других людей). Такое понимание соотносится со знаменитым определением эмоциональной компетентности, данной Д. Гулманом [5, с.153]: «эмоциональная компетентность – это способность осознавать и признавать собственные чувства, а также чувства других, для самомотивации, для управления своими эмоциями внутри себя и в отношениях с другими».

Из приведенного выше определения Д. Гулмана очевидно, что эмоциональная компетентность подразделяется на личную (личностную) и социальную. Личная эмоциональная компетентность (в управленческом аспекте) заключается в способности распознавать собственные эмоции и целенаправленно управлять ими, а социальная эмоциональная компетентность - в том, чтобы распознавать эмоции других людей, управлять ими, а также целенаправленно влиять на отношения с другими людьми.

Личностная эмоциональная компетентность включает в себя, по нашему мнению, такие элементы: способность наблюдать за собственными эмоциями, осознание самого себя и своих эмоций, способность называть и различать свои эмоции (распознавание эмоций), способность управлять своими эмоциями, личностная заинтересованность, сочувствие себе. Социальная эмоциональная компетентность включает в себя такие навыки, как: эмпатия (и сочувствие другим людям), способность распознавать эмоции других людей, способность целенаправленно влиять на эмоции других людей, установление социального контакта, наблюдение за языком тела других людей, навыки активного слушания, навыки убеждения.

Отметим, что социальную эмоциональную компетентность не стоит путать с социальным интеллектом (расписать подробнее). Понятие социальной эмоциональной компетентности является, фактически, одним из элементов эмоционального интеллекта (навыковым, компетентностным элементом). Социальный интеллект, в свою очередь, - совокупность способностей и навыков, отвечающих за (вливающих на) успешность социального взаимодействия. Чтобы разграничить эмоциональный и социальный интеллекты, приведем существующие точки

зрения на соотношение этих понятий:

1. эмоциональный интеллект – подструктура социального интеллекта (в рамках теории множественного интеллекта, Д. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо);
2. эмоциональный интеллект включает в себя социальный, поскольку является более широким понятием и явлением (социальный интеллект – один из аспектов эмоционального, согласно Д. Гоулману);
3. эмоциональный интеллект – феномен, тождественный социальному интеллекту;
4. эмоциональный и социальный интеллекты – различные, но частично пересекающиеся феномены;
5. эмоциональный и социальный интеллекты – самостоятельные феномены, включенные вместе в концептуальное поле личностного интеллекта.

Также эмоциональный интеллект рассматривают как подструктуру кристаллического или часть межличностного интеллекта.

Точки зрения на соотношение социального и эмоционального интеллектов сегодня не являются достаточно обоснованными и развитыми. Так, например, попытки понимания эмоционального интеллекта как феномена, тождественного социальному интеллекту, – обречены на неуспех в силу того факта, что эмоциональный интеллект не описывает и не включает в себя всех значимых элементов социальной адаптации личности. Кроме того, концепции, описывающие социальный интеллект, влияющий на успешность социального взаимодействия, могут не включать в себя эмоциональной составляющей (влияние эмоций на успешность социального взаимодействия, эмоциональный фон успешного социального взаимодействия и т.д.). В отдельных концепциях, социальная успешность человека может рассматриваться вообще в отрыве от эмоций и эмоциональной сферы человека (так, например, изучение феномена власти может не включать в себя изучение эмоций и эмоциональной сферы).

Феноменом, связывающим эмоциональный интеллект с социальным интеллектом, можно назвать коммуникацию (общение). При этом, С.П. Деревянко [6] отмечает, что общение – категория, объединяющая социальный и эмоциональный интеллекты, в то время как разъединяющей категорией можно считать направленность общения. Коммуникативный потенциал эмоционального интеллекта нацелен на осмысление эмоциональной составляющей межличностного общения (собственных эмоций, эмоций собеседника), в то время как потенциал социального интеллекта ориентирован на успешность межличностного взаимодействия, в зависимости от целей участников этого взаимодействия.

Говоря о различиях эмоционального и социального интеллекта, отметим, что коммуникация для первого

является стимулом, отправной точкой, в то время как для второго коммуникация является целью (целевым предназначением, финальной точкой). Думается, что в данном случае коммуникацию также следует разделять на эмоциональную и социальную. В широком смысле, любая коммуникация – социальная, однако, под собственно социальной коммуникацией мы имеем в виду функциональное общение, а под эмоциональной коммуникацией – эмоциональное, близкое общение, наполненное переживаниями, смыслами и т.д.

И эмоциональный, и социальный интеллект относят к “горячим видам интеллекта” [2], поскольку они имеют дело с эмоциональной, личностной, социальной информацией. Тем не менее, несмотря на близость, эти понятия описывают два самостоятельных типа интеллекта.

Рассуждая о месте эмоционального интеллекта в структуре личности, можем заметить что социальная и эмоциональная сферы в структуре личности достаточно близко связаны. Н.А. Батуринов и Л.Г. Матвеева [2] различают эмоциональный и социальный интеллекты именно по “зонам их ответственности” в структуре личности. Опираясь на их понимание, можем описать зоны ответственности социального и эмоционального интеллектов.

Так, социальный интеллект в структуре личности отвечает за: социальные отношения субъекта, его взаимодействия в малых и больших социальных группах; отношения в системе социального взаимодействия: субъект-субъектные и субъект-объектные (к последним можно отнести управленческие взаимодействия); уровень развития понимания межличностных отношений и социальных отношений вообще (природы социальных отношений, отношений в социальных группах и т.д.); понимание причин поведения социальных субъектов и умение управлять их поведением.

Эмоциональный интеллект в структуре личности, в свою очередь, отвечает за: все, что относится к эмоциональной сфере (собственные эмоции, переживания и чувства, а также эмоции, переживания и чувства других людей); эмоциональный уровень межличностного взаимодействия; уровень познания эмоциональных процессов, чувств, побуждений, переживаний, поведения, вызванного эмоциями.

Говоря о месте эмоционального интеллекта в структуре личности, заметим, что концепций структуры личности также много; так, можно выделить структуры личности по З. Фрейду, К.-Г. Юнгу, Р. Кеттеллу, А.Н. Леонтьеву, К.К. Платонову, С.Л. Рубинштейну и т.д. Масштаб данной статьи не позволяет рассмотреть эмоциональный интеллект в контекстах всех приведенных выше структур личности. Поэтому, в стремлении определить структуру личности в ее соотношении с эмоциональным интеллектом

том, будем отталкиваться от понимания самого эмоционального интеллекта.

Так, мы можем рассматривать эмоциональный интеллект в структуре личности как врожденную (приобретенную в раннем детстве) характеристику личности, а также – как свойство личности, развитое, преимущественно, во взрослом возрасте.

Кроме того, мы будем учитывать распространенную модель личности человека, согласно которой, структура личности представлена такими основными сферами: мотивационная, эмоционально-волевая, социальная, когнитивная (интеллектуальная, познавательная).

В современных теориях эмоционального интеллекта наблюдаются различные точки зрения по поводу его места в структуре личности. Так, Д. Майер, П. Сэловей и Д. Карузо [1] определяют эмоциональный интеллект (как элемент в структуре социального интеллекта) как когнитивную способность личности, которая проявляется в наблюдении за собственными и чужими эмоциями, распознавании и идентификации их и использовании эмоциональной информации для управления мышлением и поведением (действиями). Таким образом, мы можем сделать предположение, что в этом случае эмоциональный интеллект относится к познавательной сфере личности (в данном случае речь идет об эмотивном познании мира и людей, в частности – с помощью канала невербального общения).

Р. Бар-Он определял эмоциональный интеллект как совокупность «некогнитивных способностей человека, знаний, компетенций, которые дают человеку возможность справляться с различными жизненными ситуациями» (цит. по:[10,с.104]). Так, автор выделяет такие личностные характеристики, как самопознание, межличностное общение, адаптация, преобладающие в настроении оптимизм и жизнерадостность, стрессоустойчивость, контроль за эмоциями. Тем самым, Р. Бар-Он не рассматривал когнитивную составляющую эмоционального интеллекта, относя его к свойствам, качествам, характеристикам личности [12]. Иными словами, согласно Р. Бар-Ону, эмоциональный интеллект относится к некогнитивной сфере личности. Отметим, что существуют сомнения (И.Н. Андреева) в том, справедливо ли в этом случае вообще употреблять понятие “интеллект”, поскольку это понятие описывает, в первую очередь, когнитивную сферу личности (возможно, тут речь может идти об “эмоциональной интуиции”).

В свою очередь, Д.В. Люсин отмечает, что в эмоциональный интеллект, наряду с когнитивными способностями, необходимо включать личностные характеристики, которые влияют на уровень и индивидуальные особенности эмоционального интеллекта [8]. В качестве

такой характеристики он отмечал направленность личности на эмоциональную сферу, как собственную, так и другого человека, выделяя внутриличностный и межличностный эмоциональные интеллекты. В качестве когнитивных способностей как элемента эмоционального интеллекта, Д.В. Люсин выделял: понимание своих и чужих эмоций и управление ими, определение причин появления тех или иных эмоций и контроль за внешним проявлением эмоций. На основе этого автор говорит о двойственной природе эмоционального интеллекта: единство когнитивного компонента с одной стороны и личностных характеристик – с другой [8].

О важности взаимосвязи личностных характеристик и когнитивных способностей личности в структуре эмоционального интеллекта писал Д. Гоулман, который предложил свою модель [5]. В данной модели эмоционального интеллекта Д. Гоулман выделяет пять компонентов: самоосознанность (распознавание и понимание собственных эмоций и влияние на других людей), мотивация (стремление к достижению успеха в работе), социальные навыки общения (управление взаимоотношениями, выстраивание связей и контактов с людьми), эмпатия (понимание эмоций других людей), управление собственными эмоциями (контроль над эмоциями, совершение осознанных действий) [5]. Можно сделать вывод о том, что Д. Гоулман относил эмоциональный интеллект одновременно к мотивационной, социальной, эмоционально-волевой, когнитивной (познавательной, интеллектуальной) сферам личности.

Г.М. Бреслав рассматривает эмоциональный интеллект в качестве компонента, относящегося к эмоциональной сфере личности. Автор определяет эмоциональный интеллект как эмоциональную способность личности [4]. Созвучную точку зрения имеют Э.Л. Носенко и Н.В. Коврига, относя эмоциональный интеллект к эмоциональной сфере человека. Авторы придерживаются точки зрения о том, что эмоциональный интеллект занимает положение на границе интеллектуального и эмоционального (внутреннего и внешнего). К внутренней составляющей эмоционального интеллекта авторы относят интеллектуальную, под которой подразумевают выбор формы поведения из имеющихся альтернатив, а к внешней – эмоциональную (характеристики эмоционального поведения, его содержание). Такое место эмоционального интеллекта в структуре индивидуальности дает возможность наиболее точно отражать внутреннюю и внешнюю действительность, а эмоциональный интеллект рассматривать как проявление высокого уровня отражения психического [9].

А.В. Карпов и А.С. Петровская рассматривают эмоциональный интеллект с точки зрения теории метакогнитивизма как метапроцессуальный феномен. Авторы отмечают, что познание своих и чужих эмоций индиви-

дом относится к когнитивной способности, а регуляция собственных эмоций, контроль над своими и чужими эмоциями относится к регулятивной составляющей (соответственно, речь идет о когнитивной и эмоционально-волевой сферах личности). Таким образом, по мнению авторов, эмоциональный интеллект как метапроцессуальный феномен, является одновременно образовани-ем и когнитивным, и регулятивным [7].

К. Петридис и Э. Фёрнхем [14] предлагают рассма-тривать эмоциональный интеллект как конструкт двух составляющих: как способность и как черту личности. Эмоциональный интеллект как черта личности, с точки зрения авторов, характеризуется устойчивостью пове-дения человека в различных ситуациях (эмоционально-волевая сфера личности). Эмоциональный интеллект как способность, в свою очередь, предполагает опреде-ленный уровень развития отдельных компонентов эмо-циональной самоэффективности (подход к ЭИ как ког-нитивному феномену; когнитивная, интеллектуальная сфера личности).

И.Н. Андреева предлагает рассматривать эмоци-ональный интеллект как интегральное когнитивно-личностное образование. При этом она отмечает, что основной составляющей эмоционального интеллекта является когнитивный компонент. В связи с этим, И.Н. Андреева отмечает, что «интегральный эмоциональный интеллект может рассматриваться как совокупность ум-ственных способностей к пониманию эмоций и управле-нию ими, а также знаний, умений и навыков, операций и стратегий интеллектуальной деятельности, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной инфор-мации» [3, с.51]. Таким образом, можно указать, что И.Н. Андреева, определяя место эмоционального интеллекта в структуре личности, относит его, в первую очередь, к

когнитивной (интеллектуальной) сфере.

Подводя итоги, можно сказать, что в научном поле пока нет единой теоретической и методологической базы в понимании эмоционального интеллекта, а также нет единой модели, определяющей место эмоциональ-ного интеллекта в структуре личности.

Эмоциональный интеллект в структуре личности, согласно большинству авторов, относится к когнитив-ной (интеллектуальной, познавательной сфере). Тем не менее, отдельные авторы из приведенных нами выше, относят эмоциональный интеллект также к социальной сфере личности (в этом смысле, определенную труд-ность представляет собой отделение эмоционального интеллекта от социального), к эмоционально-волевой и мотивационной сфере. Таким образом, можно заметить, что эмоциональный интеллект охватывает все сферы личности человека.

Отдельное внимание в статье уделено социальному интеллекту как понятию, которое часто смешивают с эмоциональным интеллектом. Выше мы приводим со-временные трактовки эмоционального и социального интеллектов, а также сферы пересечения этих тракто-вок. Мы полагаем, что эмоциональный и социальный интеллекты являются разными феноменами. Так, соци-альный интеллект «ответственен» за достижение успеха в социальных коммуникациях, а эмоциональный - за, собственно, эмоциональную составляющую социальных коммуникаций. При этом успешной, с точки зрения со-циального интеллекта, - будет коммуникация, в которой достигнута некоторая функциональная цель; успешной, с точки зрения эмоционального интеллекта, будет ком-муникация, в ходе которой были достигнуты эмоцио-нальное равновесие и эмоциональная удовлетворен-ность коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект в структуре индивидуальности / И.Н. Андреева // *Философия и социальные науки*. – 2010. – № 3. – С. 8–12.
2. Андреева И.Н. Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности / И.Н. Андреева // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. — 2017. — № 2. — С. 104–109.
3. Андреева И.Н. О новой теории эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева // *Вестник БГУ*. – 2011. – Серия 3. – С. 48–52.
4. Бреслав Г.М. Психология эмоций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям «Психология», «Клиническая психология» / Гершон Бреслав. - М.: Смысл : Academia, 2004. - 541с.
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект [Текст] / Дэниел Гоулман; [пер. с англ. А.П. Исаевой]. - Москва: АСТ: Астрель, 2011. - 478 с.
6. Деревянко С.П. Эмоциональный интеллект: проблемы категориальности // *Психология в современном информационном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. (Смоленск, 23–24 нояб. 2007 г.): в 2 ч. Смоленск, 2007.*
7. Карпов А.В. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика : [монография] / А.В. Карпов, А.С. Петровская; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. - Ярославль: ЯрГУ, 2008 (Ярославль: Ремдер). - 344 с.
8. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования* / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М., 2004. – С. 29–36.

9. Носенко, Е.Л. Эмоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції / Е.Л. Носенко, Н.В. Коврига. – Київ, 2003. – 126 с.
10. Пономарева Е.Ю. Сущностная характеристика природы эмоционального интеллекта / Е.Ю. Пономарева // Гуманитарные науки. – 2019– № 3 – С. 102–106.
11. Психология общения [Текст] : энциклопедический словарь / Российской акад. образования, Психологический ин-т; под общ. ред. А.А. Бодалева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Когито-Центр, 2015. – Ч. 1. С. 108–112.
12. Bar-On R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual /R. Bar-On. – Toronto: Multi-Health Systems, 1997. – 120 p.
13. Mayer J.D., Di Paolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: a component of emotional intelligence // J. Pers. Assess. 1990. Vol. 54, № 3/4. P. 772–781.
14. Petrides, K.V., Frederickson, N., Furnham, A. The role of trait emotional intelligence in academic performance and deviant behavior at school / K.V. Petrides, N. Frederickson, A. Furman // Personality and Individual Differences, 2004, 277-293.
15. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // Imagination, Cognit. Pers. 1990. Vol. 9. P. 185–211.

© Зорина Наталья Николаевна (natanzorina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЪЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

Казанков Вячеслав Владимирович

*К.п.н., докторант, Санкт-Петербургский Университет
Государственной противопожарной службы МЧС России;
генеральный директор, ООО «Первый Легион»,
Санкт-Петербург
legionfirst@mail.ru*

FACTORIAL MODEL OF STABILITY OF THE PERSON AND OBJECTIVE TECHNIQUES OF THE ASSESSMENT

V. Kazankov

Summary: Originally in article determination of stability of the person from the point of view of «Stability psychology» is formulated. This definition is key in psychological research of such phenomenon as stability. Definition presented the main components of stability: psychophysiological, psychological and psychosocial. Each component is briefly opened in this article. The presented components are by the author the basis for factorial model of stability of the person described and illustrated in article. Such concepts as biopsychosocial system of the person, biotechnosociety, activity are also considered. Proceeding from factorial model of stability, in the second part of article, the author's image on the express is shown to techniques of objective and subjective diagnosing of stability of the person at psychophysiological, psychological and psychosocial level. These techniques do not demand the special equipment, electronic programs for inspection. Conclusions are presented in the conclusion under article.

Keywords: sustainability, the psychology of sustainability, man, human biopsychosocial system, biotechnosociety, marker, process.

Аннотация: Первоначально в статье сформулировано определение устойчивости человека с точки зрения «Психологии устойчивости». Данное определение является ключевым в психологическом исследовании такого феномена как устойчивость. Определением представлены основные компоненты устойчивости: психофизиологический, психологический и психосоциальный. Каждый компонент кратко раскрыт в данной статье. Представленные компоненты положены автором в основу факторной модели устойчивости человека описанной и проиллюстрированной в статье. Также рассмотрены такие понятия как биопсихосоциальная система человека, биотехносоциум, жизнедеятельность. Исходя из факторной модели устойчивости, во второй части статьи, показано авторское виденье по экспресс методикам объективного и субъективного диагностирования устойчивости человека на психофизиологическом, психологическом и психосоциальном уровне. Данные методики не требуют специального оборудования, электронных программ для обследования. В заключении представлены выводы по статье.

Ключевые слова: устойчивость, психология устойчивости, человек, биопсихосоциальная система человека, биотехносоциум, маркер, процесс.

Целью статьи является представить авторское видение психологического подхода к исследованию феномена «устойчивость» относительно человека. Обзор литературы по исследованию психологической устойчивости указывает на интерес к этой области [1, 2], усиливая важность психологического здоровья и устойчивости личности, являющихся обязательным условием полноценного функционирования и развития человека на протяжении всей его жизни [3]. Поэтому в первой части статьи дано определение устойчивости человека, что является одним из научных результатов диссертационного исследования. Далее кратко раскрыты уровни устойчивости человека, отраженные в определении. На основе уровней представлен другой научный результат диссертационного исследования – это факторная модель устойчивости человека. Исходя из модели, изложены методики экспресс-диагностики устойчивости человека. Данные методики интересны тем, что не требуют от исследователя специального оборудования, электронных программ для обследования респондентов и кратковременны в использовании. Методики получены и апробированы в течение 10 лет с участием 1200 человек, из-них: студентов 150 (12,5%); пожарных 700 (58,3%);

спасателей 200 (16,7%); полицейских 150 (12,5%).

Устойчивость человека – это его способность к сохранению здоровья на психофизиологическом, психологическом и психосоциальном уровнях жизнедеятельности под воздействием разрушителей [4, с.303].

Здоровье есть состояние физического, душевного и социального благополучия [5]. То есть, в широком смысле если человек здоров, – значит, он устойчив; если человек нездоров, – значит, он неустойчив. В «Психологии устойчивости» [6, с.270-281] выделяют уровни психофизиологического, психологического и психосоциального здоровья, образующие биопсихосоциальную систему устойчивости человека. Жизнедеятельность представляет собой совокупность активности человека как индивида, личности и субъекта труда, объединенных понятиями «жизнь» и «деятельность». Под разрушителями следует понимать всё то, что направлено на повреждение и (или) уничтожение здоровья человека.

Из определения устойчивости человека следуют три основных фактора влияющих на здоровье: психофизио-

логический, психологический и психосоциальный. Эти факторы образуют единство индивида, личности и субъекта труда в построении общей стратегии устойчивости человека в биотехносоциуме. Под биотехносоциумом следует понимать мир всей природы, техники, общества.

Психофизиологический уровень (фактор 1) является фактором функционирования физиологических особенностей нервной системы: сила или слабость, подвижность или инертность, уравновешенность или неуравновешенность. Они характеризуют темперамент индивида процессами возбуждения и торможения нервной системы. Этому фактору свойственны познавательные психические процессы в виде ощущения, восприятия, памяти и внимания.

Фактор психологического уровня (фактор 2) зависит от проявления познавательных психических процессов в виде представления, воображения, мышления и речи. Они, через призму эмоциональных психических процессов (эмоции, аффекты, чувства, настроение и эмоциональный стресс), формируют определенные психические состояния личности.

Психосоциальный уровень (фактор 3) – это фактор волевого психического процесса субъекта труда. Он проявляется в волевом действии по достижению целей, путем проявления характера в реализации мотивов и установок в биотехносоциуме.

Рассмотренные уровни образуют несколько иную факторную модель устойчивости человека (рис.1) чем она представлена в работе [7].

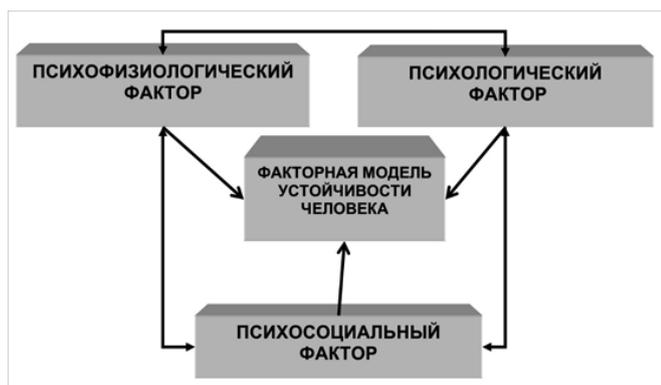


Рис. 1. Факторная модель устойчивости человека.

Отметим, что в ходе исследования, на начальном этапе, респондентам был задан вопрос: «Можете ли вы указать, что влияет на вашу устойчивость?». 64% респондентов указало на физическое здоровье, 27% выделило психологическое состояние и 9% на положение в обществе и наличие материальных благ. Эти сведения навели на мысль о возможности применения пропорции золотого сечения. Важным в пропорции является соотноше-

ние трех частей: целое так относится к своей большей части, как эта большая часть относится к меньшей части целого. То есть, психофизиологический уровень (целое – 100%) так относится к психологическому уровню (большая часть – 61,8%), как психологический уровень относится к психосоциальному уровню (меньшая часть целого – 38,2%) (рис. 2).

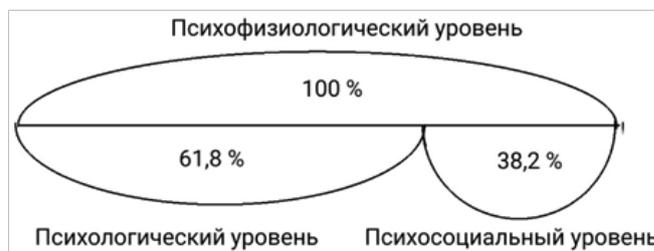


Рис. 2. Факторная модель устойчивости человека по принципу золотого сечения.

Иллюстрация на рис.2 наглядно показывает приоритетность факторов в факторной модели, их влияние на устойчивость человека. В виде золотой пропорции это записывается следующим образом:

$$\frac{100 \text{ (психофизиологический ур.)}}{61,8 \text{ (психологический ур.)}} = \frac{61,8 \text{ (психологический ур.)}}{38,2 \text{ (психосоциальный ур.)}} = 1,618 \text{ (1)}$$

Пропорция (1) визуализирует взаимосвязь трех факторов в биопсихосоциальной системе человека. Дроби пропорции указывают на пары для исследования, формирования и развития устойчивости человека. К примеру, развивая психофизиологическую устойчивость, мы развиваем психологическую устойчивость. И наоборот, развивая психологическую устойчивость, мы развиваем психофизиологическую устойчивость. Тоже происходит и со второй дробью. Развивая психологическую устойчивость, мы развиваем психосоциальную устойчивость. И, развивая психосоциальную устойчивость, мы развиваем психологическую устойчивость. Однако, нельзя развить психосоциальную устойчивость через психофизиологическую минуя психологическую. Нельзя и психофизиологическую устойчивость развивать через психосоциальную игнорируя психологическую. Но, развивая психологическую устойчивость мы сразу можем развивать и психофизиологическую и психосоциальную устойчивость. Следовательно, психологическая устойчивость (фактор 2) является связующим между психофизиологическим и психосоциальным факторами. Мы предполагаем, что фактор 2 связан с фактором 1 и фактором 3 психическими процессами (рис. 3).

Из рис. 3 видно, что психические процессы являются тем связующим звеном между тремя факторами. Подход к оценке устойчивости человека должен основываться на анализе психофизиологических, психологических и психосоциальных факторов. Данные факторы анализируются в тестовых подходах исследования устойчивости

человека [8, 9, 10]. При этом диагностика в психологии, в большей степени, опирается на собственное описание симптомов обследуемых, что доказано экспериментом Д.Л. Розенхана [11, с.136-137].

Входе исследования нами были установлены следующие объективные методики оценки устойчивости человека на психофизиологическом, психологическом и психосоциальном уровнях.

Психофизиологический уровень – регистрация маркеров физиологических и психических реакций индивида, когда возможно установить неустойчивость человека по маркерам со знаком минус.

Физиологические маркеры.

Маркеры сердечно-сосудистой системы индивида: 1) отклонение артериального давления от нормы, что четко чувствуется индивидом; 2) отклонение частоты сердечных сокращений от нормы, что чувствуется индивидом; 3) четкое ощущение сердцебиения.

Маркеры реакции глаз: 1) частое мигание (моргание); 2) активность глазных движений, отражающие взгляд: беспокойный или бегающий; 3) наличие или отсутствие слез в ситуации, когда они подразумеваются.

Маркеры реакции кожного покрова: 1) кожа на теле «горит»; 2) покраснение (побледнение) кожных покровов (лица, ушей); 3) появление потливости пальцев, ладоней, подмышек и тела в целом; 4) зуд или сыпь на теле;

5) сморщивание кожи на лбу.

Маркеры пищеварительной системы: обильное выделение слюны и частое ее сглатывание; сухость во рту; боли или колики в области живота; отсутствие аппетита или чрезмерный аппетит.

К дыхательным маркерам относятся: частота дыхания, амплитуда дыхательных волн, соотношение глубины вдоха и выдоха (очень глубокий вдох или выдох).

Мышечные маркеры: повышенное напряжение мышц вдоль спины, поясницы, шеи, плеч или мышечная вялость.

Двигательные маркеры: наличие тремора кистей рук, мышц шеи; подвижная мимика лица; резкие неадекватные движения конечностей; поспешные хаотичные, неkoordinированные, ошибочные действия и поступки; замедленность или отсутствие необходимых действий; неадекватное поведение; чрезмерная скованность или беспорядочная суетливость; импульсивное или немотивированно-агрессивное поведение; неуверенность походки; вялость; ухудшение координации и точности в движениях.

Физиологические маркеры в нервной системе человека переплетаются с его психическими маркерами.

Психические маркеры.

Маркеры ощущения и восприятия отражаются в ис-

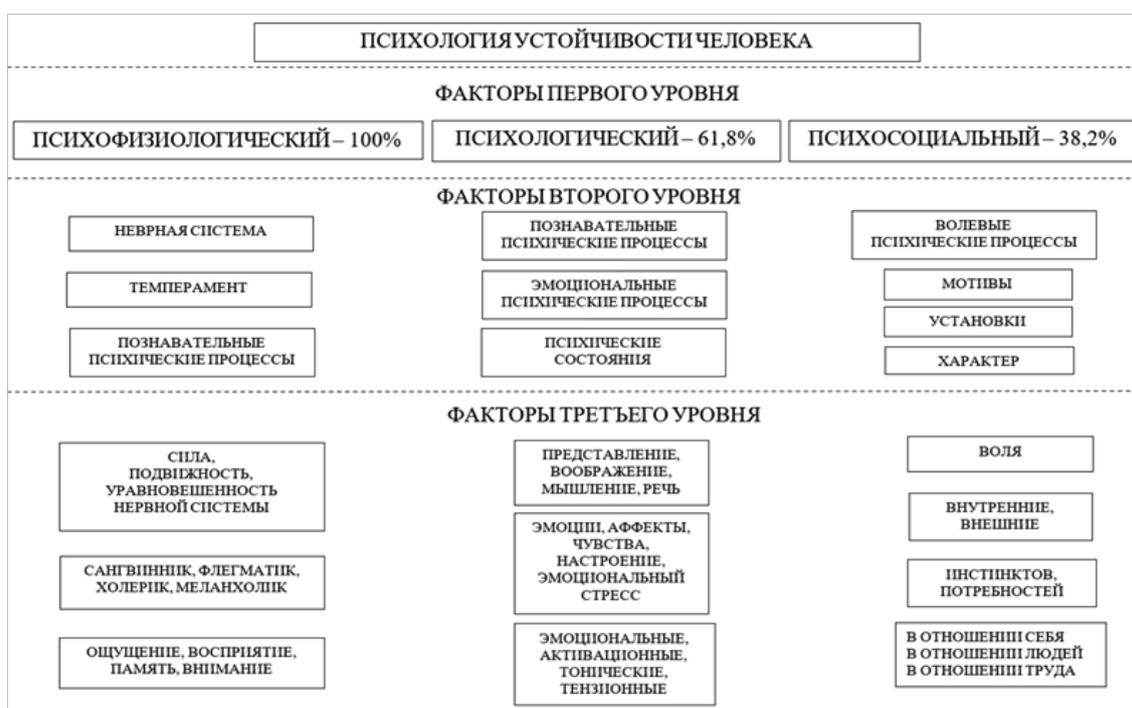


Рис. 3. Развернутая факторная модель устойчивости человека.

кажении целостного отражения предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств через ощущения, что ухудшает обработку информации, полученной от ощущений.

Маркеры отражения дают сбой в подаче информации сознанию из прошлого опыта.

Маркеры внимания выражаются в сбоях восприятия, переработке, накоплении, воспроизведении и передачи информации, что отражается в трудности сосредоточиться, повышенной отвлекаемости, сужения поля внимания.

Маркеры памяти характеризуются ухудшением оперативной памяти, проблемой с принятием, узнаваемостью, воспроизведением следов прошлого опыта, что характеризуется заторможенностью обратной реакции. Память как «сквозной» процесс, перестает обеспечивать преемственность психических процессов, что заключается в сбое воспроизведения нужной информации в сознание, полученной от ощущений, восприятия и представления.

Физиологические и психические маркеры психофизиологического уровня заключаются в восприятии, переработке, воспроизведении и передачи информации на психологический уровень.

Психологический уровень – регистрация эмоций с последующей окраской в психические состояния при мотивационно-побудительных, эмоционально-оценочных и активационно-энергетических реакциях личности, характеризуя ее устойчивость. К маркерам потери устойчивости на психологическом уровне следует отнести эмоции и психические состояния со знаком минус.

Эмоции, как маркер устойчивости, ценны тем, что они интегрированы в человеке, ярко выражены и когда они отрицательные, то по модальности выражены в виде тоски, страха, тревоги, чувстве вины, стыда, гнева, негодования...; по интенсивности и продолжительности проявляются в аффекте, плохом настроении, неадекватных реакциях, драматических чувствах; по напряженности в напряжении.

В зависимости от эмоций формируются соответствующие психические состояния, влияющие на устойчивость человека в пространстве и во времени. Любые существенные для человека изменения биотехносоциума вызывают психологический отклик в виде эмоций и, как следствие, в виде определенного психического состояния.

В соответствии с отрицательной окраской эмоций,

выделяются следующие маркеры психических состояний: 1) эмоциональные – меланхолия, тревога, страх, паника...; 2) активационные – отсутствие вдохновения, сосредоточенности, подъема... или перевозбужденность, рассеянность, скука, апатия...; 3) тонические – пресыщение, утомление, сонливость...; 4) тензионные – напряжение, фрустрация, сенсорный голод, состоянием изоляции, стресс... .

Также следует отметить маркеры познавательного психического процесса. Это маркеры мышления и воображения отражаются в нарушении логики, спутанности мыслей, затрудненности принятия решения, мыслительных сбоях. А также речевые маркеры: необычность в характере речи, ее содержании и стиле высказывания; повышение (занижение) интонации голоса; молчаливость (разговорчивость) несоответствующая обстановке; колебание темпа речи; увеличение незавершенных выражений; возрастание слов «паразитов».

Устойчивость на психологическом уровне для среднестатистического человека является маркером устойчивости на психофизиологическом уровне.

Психосоциальный уровень – регистрация волевого проявления характера субъекта труда в биотехносоциуме при реализации мотивов и установок, выраженных в постановке и достижении цели. Отсутствие волевого проявления направленности характеризует потерю устойчивости человеком как субъектом труда, что регистрируется ниже представленными маркерами.

Маркер 1 – потеря способности сознательным решением из многообразия потребностей выбрать актуальную, сформировать на ее установках нужный мотив, руководствуясь которым, ставится цель. Маркер 1 выражается в неумении преодолеть конфликт потребностей, мотивов и целей, что приводит к страху принять решение, а это, в свою очередь, приводит к бездействию и неопределенности в целом.

Маркер 2 – потеря готовности и способности начать движение к поставленной цели, мобилизуя психофизиологические и психологические возможности, преодолевая внутренние и внешние препятствия. Маркер 2 выражается в неумении преодолеть конфликт выбора поступка и действия, что приводит к отсутствию решительности, смелости, настойчивости, выдержки.

Маркер 3 – потеря способности владеть и управлять собственным поведением. Маркер 3 выражается в деструктивном поведении против себя и общества, что выражается в злоупотребительных вредных привычках, агрессивном поведении против человека или группы людей.

Маркер 4 – потеря общечеловеческого, группового и личного мировоззрения и убеждений, объединенных понятиями «жизнь» и «деятельность». Крайним проявлением маркера 4, является суицидальное поведение, терроризм, уничтожение культурных ценностей народов.

В заключении отметим, что в статье представлены два теоретических научных результата. Первый – это определение понятия «устойчивость человека». Отметим, что современная психология не имеет общепризнанного понятийного аппарата по изучению феномена устойчивости применительно к человеку. Сформулированное определение устойчивости человека поможет каждому определить с объектом и предметом научного исследова-

ования по вопросу устойчивости.

Второй научный результат представляет собой факторную модель устойчивости человека. Факторная модель отвечает на ряд важных вопросов: «Что надо исследовать при рассмотрении феномена устойчивости человека?»; «Что надо развивать в человеке для достижения устойчивости как индивида, личности и субъекта труда?»; «В каком направлении следует двигаться при изучении феномена устойчивости человека?».

В качестве примера в статье представлены экспресс методики, которые могут быть ориентиром для исследования феномена устойчивости и её оценки по представленным маркерам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kamila J. Regin, Wioletta Gadecka, Piotr M. Kowalski, Ireneusz M. Kowalski, Tadeusz Gałkowski. Generational transfer of psychological resilience // *Polish Annals of Medicine* // Vol.23, Issue 2, June 2016, P.102-107
2. Philip Moons, Koen Luycx. 25 Psychosocial Issues in Adult Congenital Heart Disease // *Diagnosis and Management of Adult Congenital Heart Disease* // 2018, Pages 281-285
3. Sekach M.F., Perelygina E.B., Zotova O.Y. Intensity of Psychological Health and Personality Psychological Resistance // *Procedia - Social and Behavioral Sciences* // Vol.86, 10 October 2013, P.88-92
4. Человек в современном мире: кризис и глобализация. Международная междисциплинарная коллективная монография / Сост., ред. М. Le Chanceaux, И.Э. Соколовская – М.: Энциклопедист-Максимум, 2020 – 668 с.
5. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
6. Высшее образование в современном мире: история и перспективы: Международная междисциплинарная коллективная монография. Издание второе, дополненное / Сост., ред. М. ле Шансо, И.Э. Соколовская. – М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. – 478 с.
7. Казанков В. Психология устойчивости / Вячеслав Казанков. - [б. м.]: Издательские решения, 2019. – 324 с.
8. L. Campbell-Sills, M.B. Stein. Psychometric analysis and refinement of the connor-davidson resilience scale (CD-RISC): validation of a 10-item measure of resilience *J Trauma Stress*, 20 (6) (2007), pp. 1019-1028.
9. Ralph L Piedmont. Sixteen Personality Factor Questionnaire In book: *Corsini Encyclopedia of Psychology* // Chapter • January 2010 with 8,821
10. M.T. Sixbey. Development of the family resilience assessment scale to identify family resilience constructs. University of Florida (2005)
11. Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. Монография. Москва: Изд-во РГСУ «Союз», 2006 – 221 с.

© Казанков Вячеслав Владимирович (legionfirst@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Казанков Вячеслав Владимирович

К.п.н., докторант, Санкт-Петербургский Университет
Государственной противопожарной службы МЧС России;
генеральный директор, ООО «Первый Легион»,
Санкт-Петербург
legionfirst@mail.ru

FUNCTIONAL MODEL OF STABILITY OF THE PERSON

V. Kazankov

Summary: In article stability of the person as process, a state and property is considered. Earlier in scientific literature such approach was not offered. Process, a state and property define functional model of stability of the person. The functional model of stability of the person is understood as stability as process, a state and property (fig. 1). Stability as process is purpose formation, decision-making, adaptation, endurance and permission. Stability as a state is readiness, activity, satisfaction and rest. Stability as property is accumulation, selectivity, plasticity, variability, steadiness and resilience. The model is one of scientific results of dissertation research of the author of article. Each element of model is briefly opened on a course of a statement of information. On the example of Gauss's curve the dynamic party of stability of the person taking into account functional model (fig. 2) is shown.

Keywords: sustainability, the psychology of sustainability, man, human biopsychosocial system, biotechnosociety, process, state, property, adaptation, readiness, endurance, resilience.

Аннотация: В статье рассматривается устойчивость человека как процесс, состояние и свойство. Ранее в научной литературе такой подход не предлагался. Процесс, состояние и свойство определяют функциональную модель устойчивости человека. Под функциональной моделью устойчивости человека понимается устойчивость как процесс, состояние и свойство (рис.1). Устойчивость как процесс есть формирование цели, принятие решения, адаптация, выносливость и разрешение. Устойчивость как состояние есть готовность, активность, удовлетворенность и покой. Устойчивость как свойство есть аккумуляция, избирательность, пластичность, изменчивость, уравновешенность и сопротивляемость. Модель является одним из научных результатов диссертационного исследования автора статьи. Каждый элемент модели кратко раскрыт по ходу изложения информации. На примере кривой Гаусса показана динамическая сторона устойчивости человека с учетом функциональной модели (рис. 2).

Ключевые слова: устойчивость, психология устойчивости, человек, биопсихосоциальная система человека, биотехносоциум, процесс, состояние, свойство, адаптация, готовность, выносливость, сопротивляемость.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить функциональную модель устойчивости человека. Мы исходим из того, что устойчивость следует рассматривать как процесс, состояние и свойство [1]. Модель должна раскрывать именно функциональную (динамическую) сторону феномена устойчивости. На функциональные особенности устойчивости обратила внимание E. Seville указав, что устойчивость определяется как динамический процесс с проявлением положительной поведенческой адаптацией [2]. По ее мнению, устойчивость есть поиск возможностей, возникающих во время кризиса чтобы выйти из него не сломленным и лучше. Такого же мнения придерживается N. Taleb при рассмотрении вопроса, связанного с антихрупкостью [3]. Е.П. Крупник и Н.В. Кисельникова отмечают, что в рамках личностного подхода выделяется категория психологической устойчивости, интерпретируемой как подвижное равновесие [4].

Под устойчивостью человека следует понимать его способность к сохранению здоровья на психофизиологическом, психологическом и психосоциальном уровнях жизнедеятельности под воздействием разрушителей [5, с.303]. Психофизиологический, психологический и психосоциальный уровни образуют биопсихосоциальную систему устойчивости человека. Каждый уровень имеет свои оценочные маркеры.

Мы предлагаем рассматривать функциональную модель устойчивости человека, как это проиллюстрировано на рис.1. При формулировании тех или иных понятий автор, прежде всего, опирался на источник [6].



Рис.1. Функциональная модель устойчивости человека.

Устойчивость человека, как процесс, выражена: формированием цели, принятием решения, адаптацией, выносливостью и разрешением. Любое действие чело-

века направлено на достижение определённой цели посредством трудовой деятельности, что является неким «барометром» устойчивости человека. Устойчивость как процесс формирования цели характеризуется специфическим внутренним отношением между субъективным ее смыслом для человека и объективным ее значением для биотехносоциума. Под биотехносоциумом следует понимать мир всей природы, техники, общества.

За формированием цели следует процесс принятия решения – перехода от мысли к действию. Принятие решения заключается в выборе одного или нескольких вариантов действия для достижения поставленной цели из некоторого исходного множества альтернатив. Следует отметить, что принятие решения есть волевая система интеллектуальных и коммуникативных действий человека.

Адаптация – важный процесс устойчивости человека, характеризующий постоянную активность приспособления всей биопсихосоциальной системы к условиям биотехносоциума. Адаптация есть некое диалектическое единство согласования биопсихосоциальной системы с биотехносоциумом и их рассогласованности как особой формы динамического равновесия.

Важным процессом в устойчивости человека является проявление волевого акта в виде выносливости, поддерживаемого процессом адаптации. Выносливость нами определяется как противостояние воли человека утомлению и истощению его биопсихосоциальной системы на определенном отрезке времени в процессе достижения поставленной цели. Чем выше выносливость, тем устойчивее человек к разрушителям биотехносоциума при внутренних и внешних нагрузках. Следовательно, выносливость носит скорее динамичный, чем статичный характер и представляет собой активность, а не пассивность человека в процессе достижения поставленной цели.

Выносливость завершается процессом разрешения и носит позитивный оттенок, когда цель достигнута, и негативный оттенок, когда цель не достигнута. Разрешение наступает в любом случае после окончания выполнения определенного труда и сопровождается оцениванием результатов выполненных действий, осмыслением проделанного труда, формированием новой цели.

Устойчивость человека, как состояние, характеризуется: готовностью, активностью, удовлетворённостью и покоем. Эти состояния изменчивы и в большинстве случаев плавно перетекают друг в друга, сохраняя на максимально возможном уровне способность человека к действию. Поэтому они являются важнейшим аспектом устойчивости, играющие существенную роль в жизнедеятельности человека.

Под состоянием готовности следует понимать мобилизацию биопсихосоциальной системы человека на определенное действие для достижения поставленной цели и вариативность последствий. Готовность, как состояние устойчивости человека, имеет несколько смысловых оттенков: вооруженность необходимыми знаниями, умениями, навыками; возможность реализации имеющейся программы действия в ответ на появление определенного сигнала; согласие на решимость совершить какое-то действие. Состояние готовности соотносится с процессами целеполагания, принятием решения и адаптацией.

За готовностью следует состояние активности – это выполнение определенных действий для достижения поставленной цели. Поэтому активность, как состояние устойчивости человека, заключается в способности человека вступать во взаимодействие с биотехносоциумом, результатом которого являются конкретные действия. Состояние активности соотносится с процессом выносливости.

Активность, через некоторое время, сменяется состоянием удовлетворенности на фоне оценки результата проделанного труда. Удовлетворенность является субъективной оценкой качества тех или иных объектов, условий жизни и деятельности, жизни в целом, отношений с людьми, самих людей, в том числе и самого себя (самооценка). Устойчивость, как состояние удовлетворенности, отражает не отрицательное отношение человека к проделанной деятельности. Вслед за состоянием удовлетворенности наступает состояние покоя.

Устойчивость, как состояние покоя, заключается в относительном не реагировании на происходящие вокруг события. Это способность человека не вступать в активное взаимодействие с биотехносоциумом. Результатом такого состояния является равновесие всей биопсихосоциальной системы человека, его внутренняя умиротворенность, даже если она наступила в результате истощения.

Устойчивость человека, как свойство, определяется: аккумулярованием, избирательностью, пластичностью, изменчивостью, уравновешенностью и сопротивляемостью. Под аккумулярованием предлагается понимать накопление биопсихосоциальной системой человека поступающей информации из биотехносоциума. Цель накопления – последующее ее использование для сохранения устойчивости при движении к поставленной цели. Данное свойство выполняет информационное резервирование информации.

Избирательность – это отбор биопсихосоциальной системой человека полезной информации из всей совокупности поступающих сигналов из биотехносоциума.

Избирательность позволяет человеку самостоятельно интерпретировать имеющуюся информацию, выбирать нужную в конкретной ситуации, что обеспечивает соответствующее реагирование.

Пластичность помогает биопсихосоциальной системе человека осуществлять приспособление при контакте с биотехносоциумом. Пластичность как свойство устойчивости раскрывает человека не только как податливого воздействию, но и определённым образом как инертного или сопротивляющегося им.

Под изменчивостью следует понимать способность биопсихосоциальной системы человека изменяться под воздействием биотехносоциума. Когда начинают обнаруживаться признаки изменяющегося характера, но господствуют ещё старые. Зачастую изменение происходит непрерывно, бесконечно малыми шагами, что делает процесс изменения менее заметным.

Уравновешенность, как свойство устойчивости проявляется в способности биопсихосоциальной системы человека минимизировать негативное влияние биотехносоциума путем избегания крайностей в реакции на воздействующее событие.

Сопrotивляемость, как свойство устойчивости обеспечивает способность биопсихосоциальной системы человека к сопротивлению разрушителям биотехносоциума, в способности переносить трудные ситуации без дезорганизации поведения.

Каждый представленный критерий возможно оценить, используя уже апробированные методы исследования, отраженные, к примеру в работах Campbell-Sills L. и Stein M.B. [7], Ralph L [8] и Sixbey M.T. [9].

Динамичность функциональной модели представленной на рис. 1, с учетом изложенного материала, можно проиллюстрировать рисунком 2.

Кривая Гаусса изображает вхождение человека в ситуацию (поле 1), присутствие в ней (поле 2) и выход из неё (поле 3) во временном интервале. Каждая ось X показывает непосредственное явление, происходящее в ситуации в конкретный промежуток времени в зависимости от поля. Ось Y предназначена для фиксации маркеров, отражающих процессы в биопсихосоциальной системе устойчивости человека в конкретной временной точке по оси X любого поля. Таким образом, ситуация является единицей анализа устойчивости. Следует отметить, что высота кривой Гаусса для каждого конкретного человека своя. Но, в процессе отладки слаженной работы в коллективе воспитатель стремится к её усреднению. Особенное это касается профессий, связанных с деятельностью групп в сложных ситуациях (пожарные, спасатели, военные, полицейские и т.д.).

Исходя из функциональной модели устойчивости человека (рис 1.), с учетом понимания явлений, происходящих в нём, мы рекомендуем следующее. Исследовать, формировать и развивать устойчивость человека надо с



Рис. 2. Динамика функциональной модели устойчивости человека.

учетом привязки к его жизнедеятельности. Предлагаем кратко рассмотреть матрицу стратегии исследования, формирования и развития устойчивости человека, используя Z-образный алгоритм (табл.1, рис. 3). За единицу анализа необходимо брать конкретные задачу и ситуацию.

Таблица 1.

ЗАДАЧИ \ СИТУАЦИИ	СТАНДАРТНЫЕ		НЕСТАНДАРТНЫЕ	
	Ω 1	ТС	ТН	Ω 2
ТИПОВЫЕ	Ω 1	ТС	ТН	Ω 2
НЕТИПОВЫЕ	Ω 3	НС	НН	Ω 4

В первом сегменте матрицы ситуации не представляют собой опасности для потери устойчивости человеком: задачи типовые, ситуации стандартные. Данный сегмент характеризует «серые» будни человека. Они не чем не примечательны. Человек устойчив и находится в зоне комфорта.

Второй сегмент уже выводит человека из зоны комфорта. Возникает одна и более неизвестных переменных со стороны ситуаций, способных влиять на отклонение в устойчивости человека, вызывая некое напряжение и стресс. Человек вне зоны комфорта потеря устойчивости маловероятна так как решается типовая задача, отработанная до автоматизма. Но, тем не менее потеря устойчивости возможна из-за вероятности продолжительности воздействия разрушителей нестандартной задачи.

Третий сегмент матрицы является аналогом второго, только с другой переменной, другими переживаниями и стрессами. Во втором и третьем сегменте у человека начинает развиваться способность вариативного предвидения.

Четвёртый сегмент матрицы самый сложный и непредсказуемый. Экзамен на срезе ситуации между быть или не быть. Ячейка рождения героя, чемпиона, победителя. Данный сегмент меняет качество устойчивости человека, подобно изделиям из металла или стекла, прошедшим огненную закалку, чтобы обрести идеальную форму.

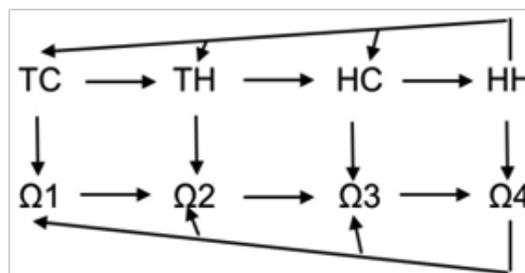


Рис. 3. Механизм алгоритма исследования и формирования устойчивости человека.

Из рис. 3 следует, что четвертый сектор матрицы становится первым на новом витке исследования, формирования и развития устойчивости человека.

В заключении отметим, что функциональная модель является одним из научных результатов диссертационного исследования автора статьи. В функциональной модели устойчивости человека устойчивость рассматривается как процесс, состояние и свойство. Устойчивость человека как процесс есть формирование цели, принятие решения, адаптация, выносливость и разрешение. Устойчивость человека как состояние есть готовность, активность, удовлетворенность и покой. Устойчивость человека как свойство есть аккумулирование, избирательность, пластичность, изменчивость, уравновешенность и сопротивляемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанков В. Психология устойчивости / Вячеслав Казанков. - [б. м.]: Издательские решения, 2019. – 324 с.
2. E. Seville. Resilience: Great Concept but What Does it Mean? // Compete Briefing Bite – Paper Presented at the US Council on Competitiveness Workshop, Risk and Resilience. Wilmington, USA. November 2008 • January, 2009.
3. Taleb N. Antifragile: things that gain from disorder. New York: Random House. 2012.
4. Крупник Е.П., Кисельникова Н.В. Психологическая устойчивость личности в трудных жизненных ситуациях. Монография. – М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2014. – 256 с.
5. Человек в современном мире: кризис и глобализация. Международная междисциплинарная коллективная монография / Сост., ред. М. Le Chanceaux, И.Э. Соколовская – М.: Энциклопедист-Максимум, 2020 – 668 с.
6. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
7. L. Campbell-Sills, M.B. Stein. Psychometric analysis and refinement of the connor-davidson resilience scale (CD-RISC): validation of a 10-item measure of resilience J Trauma Stress, 20 (6) (2007), pp. 1019-1028
8. Ralph L Piedmont. Sixteen Personality Factor Questionnaire In book: Corsini Encyclopedia of Psychology // Chapter • January 2010 with 8,821
9. M.T. Sixbey. Development of the family resilience assessment scale to identify family resilience constructs. University of Florida (2005)

© Казанков Вячеслав Владимирович (legionfirst@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕНИНГА

FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF MEDICAL STUDENTS THROUGH TRAINING

**V. Mayer
Yu. Zhivaeva
E. Stoyanova**

Summary: In the research work in theoretical and empirical aspects, we considered the possibility of forming the professional identity of medical students at the stage of study at a university through the implementation of training. In the course of a theoretical analysis of the literature, we investigated the content characteristics of the components of professional identity in various spheres of life and development of the personality of a medical student. We also analyzed the age characteristics of different stages of university training and considered the possibility of psychological support for students at these stages of training.

Keywords: professional identity, medical student, university studies, training.

Майер Валерия Сергеевна

Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск
majer.valera@inbox.ru

Живаева Юлия Валерьяновна

к.псих.н., доцент, Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск
yul-zhivaeva@yandex.ru

Стоянова Екатерина Иннокетьевна

к.псих.н., доцент, Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск
Katya-chernova@yandex.ru

Аннотация: В исследовательской работе в теоретическом и эмпирическом аспектах мы рассмотрели возможность формирования профессиональной идентичности студентов-медиков на этапе обучения в ВУЗе посредством реализации тренинга. В ходе теоретического анализа литературы нами были исследованы содержательные характеристики компонентов профессиональной идентичности в различных сферах жизни и развития личности студента-медика. Так же мы проанализировали возрастные особенности разных этапов вузовской подготовки и рассмотрели возможность психологического сопровождения студентов на этих этапах обучения.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, студент-медик, обучения в ВУЗе, тренинг.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в жизни каждого человека отводится большой объем времени и внимания на профессиональную деятельность. Таким образом можно сказать, что работа, как один из факторов, позволяет человеку судить о том состоялась его жизнь или нет. Следовательно, выбор профессии является крайне напряженной ситуацией для человека и одним из самых сложных и важных выборов в жизни, который стоит сделать на том или ином этапе жизненного пути. Перед человеком, который определяется с выбором профессии, стоит ряд трудностей, так как люди склонны выбирать такой вид деятельности, который считается более престижным и приносит хороший доход. Для профессионального становления характерны изменения в представлениях человека о самом себе, своем месте в профессиональном и социальном мире.

Специфика современной системы образования характеризуется направленностью на передачу, в основном, теоретической информации и на формирование профессиональных компетенций специалиста. При этом в меньшей степени уделяется внимание формированию личности и профессиональной идентичности, что сказыва-

ется на уровне благоприятного вхождения специалиста в профессию. Все это подводит нас к необходимости подробного изучения особенностей процесса становления личности специалиста и возможности оказания психолого-педагогического сопровождения данного формирования на всех этапах профессиональной подготовки.

В настоящее время, в связи с повышенными требованиями к уровню компетентности специалистов, наравне становится немаловажным вопрос о профессиональной идентичности. Профессиональное становление на этапе вузовской подготовки воспринимается как единый процесс постоянного развития личности профессионала и включает в себя приобретение теоретических знаний, практических умений и навыков, а также развитие индивидуальности будущего специалиста в конкретной области его деятельности. Образование компетентных специалистов – это потребность не только сегодняшнего общества, но и самого человека, реализующего процесс включения в профессиональную сферу и использующего различные варианты адаптации к динамично трансформирующейся структуре профессиональной жизни.

Становление специалистов медиков происходит, прежде всего, в условия образовательного пространства вуза, факультета и осуществляется путем освоения ими учебно-профессиональной деятельности. Одним из основных критериев профессиональной компетентности будущих медиков является уровень развития профессионального самосознания и идентичности. Идентичность – это сложный психологический феномен, который отвечает за соответствие образа «Я» человека с его образом жизни. Впервые в психологии о таком понятии заговорил Э. Эриксон и определил идентичность, как результат активного процесса рефлексии субъекта о себе, о саморазвитии, единстве выбранных жизненных целей и действий, которые последовательно ведут к достижению этих целей. Теоретическое и методологическое значение понятия «идентичность» связано с его многомерностью как интегративного психологического феномена, который обеспечивает человеку целостность, тождественность и определенность.

Итак, целью исследования является изучение возможности формирования профессиональной идентичности у студентов-медиков посредством тренинга. Опираясь на исследования проблематики профессиональной идентичности отечественных и зарубежных ученых, в качестве гипотезы исследования мы предполагаем то, что реализация тренинга, направленного на развитие таких компонентов, как: когнитивный (представления о себе в профессии и профессиональной группе; актуализация своих личностных характеристик); эмоциональный (формирование адекватного представления о себе, как о будущем специалисте; принятие себя, как профессионала); поведенческий (актуализация механизмов самопознания, саморегуляция психических состояний в процессе деятельности и рефлексии) позволит сформировать профессиональную идентичность у студентов-медиков.

Методологическая база исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили концептуальные положения системной антропологической психологии: Ананьева Б.Г., Клочко В.Е., Слободчикова В.И., Шувалова А.В., а также вариант культурно-исторической концепции Выготского Л.С. В качестве концептуальных построений использовались зарубежные теории: У. Джеймса, Э. Эриксона, Ч. Кули, Дж. Мида, Д. Марсиа, и др., а также отечественные теории: Абульхановой-Славской К.А., Божович Л.И., Зеер Э.Ф., Лукьянова О.В., Мухиной В.С., Поваренков Ю.П., Рубинштейна С.Л., Шнейдер Л.Б., и др.

Для решения задач и достижения поставленной цели использованы методы: теоретические методы: теоретический анализ, обобщение и интерпретация научных данных; эмпирические методы: методика «Исследование профессиональной идентичности» (МИПИ) Л.Б. Шней-

дер, методика «Якоря карьеры» Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова), методика «Тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой); методы математической обработки экспериментальных данных: пакет прикладных компьютерных программ для обработки данных Microsoft Excel и статистический пакет STATISTICA 16.0, t-критерий Стьюдента.

Главным вопросом при проведении нашего эмпирического исследования является вопрос изучения процесса формирования профессиональной идентичности на этапе вузовского обучения.

Экспериментальной базой исследования являлся «Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого» г. Красноярск. Выборка исследования представлена студентами 2 курса специальности «Лечебное дело» в количестве: пилотажное исследование 120 человек, экспериментальное исследование 20 человек (10 человек экспериментальная группа и 10 человек контрольная группа).

В результате первичной диагностики нами были выявлены особенности сформированности профессиональной идентичности. Для выявления равноценности состава групп мы использовали t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок. По методике изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер полученное значение t эмпирическое ($t_{\text{эмп.}}=1,8$) находится в зоне незначимости ($t_{\text{кр.}}=2,04$; $p < 0,05$), что говорит о статистической несущественности различий между выборками.

По методике «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой) значение t эмпирическое ($t_{\text{эмп.}}=1,6$) так же находится в зоне незначимости ($t_{\text{кр.}}=2,04$; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической несущественности различий между выборками. По методике «Якоря карьеры» Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова) полученное значение t эмпирическое ($t_{\text{эмп.}}=1,7$) так же находится в зоне незначимости ($t_{\text{кр.}}=2,04$; $p < 0,05$), что доказывает статистическую несущественность различий между выборками.

Исходя из показателей первичной диагностики, для определения эффективности программы тренинга, экспериментальной группой была определены 1 экспериментальная группа и 2 группа контрольная.

В ходе исследования нами была создана программа тренинга, при составлении которой мы опирались на работы таких авторов, как: Лукьянов О.В. «Проблема становления идентичность в эпоху социальных изменений», «Проблема идентичности и психическая ригидность в психологической и образовательной практике». Поваренков Ю.П. «Проблемы психологии профессио-

нального становления личности», «Психологическое содержание профессиональной идентичности». Абульханова-Славская К.А. «О путях построения психологии личности», «Стратегии жизни». Шнейдер Ю.Б. «Профессиональная идентичность».

Цель программы – формирование профессиональной идентичности через развитие таких компонентов, как: когнитивный, эмоциональный и поведенческий, а именно расширение представления о себе как о профессионале, развитие профессиональных потребностей, эмоционально-оценочного отношения к себе, как к будущему специалисту, актуализация механизмов самопознания.

Задачи программы:

1. Развить понятийный аппарат студентов: «идентичность», «профессиональная идентичность», «осознанность», «профессиональное становление», «личностные качества», «профессиональное поведение».
2. Развить способности студентов оценивать свои личностные особенности и качества, дифференцировать свои возможности необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности, умение оценивать свои личностные характеристики и соотносить с требованиями выбранной профессии, давать характеристику своему поведению и внутренним переживаниям.
3. Активизировать интерес и значимость к выбранной профессиональной деятельности.
4. Создать условия «включения» в профессиональную деятельность, смоделировать свое поведение с учетом оценки своего потенциала, сложности профессиональной деятельности, особенностью сферы профессии.

После реализации комплекса тренинговых мероприятий, мы провели повторную диагностику для двух групп по всем трем методика. Рассмотрим каждую из них. По методике «Изучение профессиональной идентичности» (МИПИ) Л.Б. Шнейдер мы получили следующие результаты:

В ходе исследования с помощью методики изучения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер у контрольной группы были получены следующие результаты: диффузная идентичность – 23,6% этим исследуемым свойственно пассивная профессиональная деятельность – накопление знаний и навыков о выбранной специальности, можно отметить так же наличие интереса к профессии. Псевдоидентичность – 29,5%, для этих респондентов характерно стабильное отрицание своей уникальности или напротив, ее достаточно высокая выраженность, а также они стараются любыми средствами достичь поставленной цели. Преждевременная идентичность – 35,4%, для этих исследуемых характерно от-

сутствие активной профессиональной деятельности. Мораторий – 11,8%, этим респондентам характерно наличие тревожности, активной реализации профессиональной деятельности по образцу или регламенту, можно отметить личностную заинтересованность в профессии и оформление плана ближайшего развития. Достигнутая позитивная идентичность – 0%.

В ходе исследования с помощью методики изучения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер у экспериментальной группы были получены следующие результаты: диффузная идентичность – 11,8%, этим исследуемым свойственно пассивная профессиональная деятельность – накопление знаний и навыков о выбранной специальности, можно отметить так же наличие интереса к профессии. Псевдоидентичность – 17,7%, для этих респондентов характерно стабильное отрицание своей уникальности или напротив, ее достаточно высокая выраженность, а также они стараются любыми средствами достичь поставленной цели. Преждевременная идентичность – 23,6%, для этих исследуемых характерно отсутствие активной профессиональной деятельности. Мораторий – 41,3%, для этих респондентов характерно наличие тревожности, активной реализации профессиональной деятельности по образцу или регламенту, можно отметить личностную заинтересованность в профессии и оформление плана ближайшего развития. Достигнутая позитивная идентичность – 5,9%.

Таким образом, в ходе повторной диагностики по методике изучения профессиональной идентичности, мы получили следующие результаты: Для контрольной группы преобладающий статус идентичности является преждевременная идентичность – 35,4%. Для экспериментальной группы преобладающим статусом идентичности является мораторий – 41,3%, и у одного респондента выявлена достигнутая идентичность – 5,9%.

Теперь обратимся к результатам повторной диагностики по методике «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой), и рассмотрим полученные результаты для каждой группы.

В ходе исследования с помощью методики «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой) у контрольной группы были получены следующие результаты: учебно-профессиональная идентичность – 47,2%, примерами данной категории являются такие, как: «студент», «ученица», учусь в институте. Данные утверждения объективно относятся к определенным статусам и классам и свидетельствуют о низком уровне учебно-профессиональной ориентации. Деятельная идентичность – 53,1%, утверждения по этой шкале были следующими: «люблю учебу», «люблю читать», «занимаюсь в бассейне», «люблю решать задачи», «профессионально рисую». Данная шкала включает в себя обозначение занятий, интересов, увлечений, а также связана со способностью

сосредоточиться на себе. Перспективная идентичность, связанная с учебно-профессиональной сферой – 23,6%, примерами данной категории являются: «будущий выпускник», «будущий врач», «будущий специалист». Полученные данные по этой шкале свидетельствуют о том, что у студентов контрольной группы низкий уровень ориентации на дальнейшую перспективу профессиональной деятельности. Рефлексивная идентичность: персональная идентичность – 88,5%, высказывания по этой шкале: «умная», «разносторонняя», «эмоциональная», «искренняя», «общительный», «упрямая». Экзистенциальное «Я» – 59,0%: «индивидуальность», «личность», «сущность». Полученные данные говорят нам о том, что у респондентов, в целом, высокий уровень рефлексивной идентичности, который выражается в осознание личностью собственного единства, ориентации на самого себя, на свою глубинную сущность, а также жизненные установки и личностные свойства.

В ходе исследования с помощью методики «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой) у экспериментальной группы были получены следующие результаты: учебно-профессиональная идентичность – 82,6%, примерами данной категории являются такие, как: «студент», «обучающийся», «учусь на медика», «уже работаю санитаром». Данные утверждения объективно относятся к определенным статусам и классам и свидетельствуют о высоком уровне учебно-профессиональной ориентации. Деятельная идентичность – 47,2%, утверждения по этой шкале были следующими: «был на тренинге», «люблю читать», «люблю саморазвиваться», «люблю играть на гитаре». Данная шкала включает в себя обозначение занятий, интересов, увлечений, а также связана со способностью сосредоточиться на себе. Перспективная идентичность, связанная с учебно-профессиональной сферой – 76,7%, примерами данной категории являются: «будущий хирург», «будущий специалист в медицине». Полученные данные по этой шкале свидетельствуют о том, что у студентов-медиков экспериментальной группы высокий уровень ориентации на дальнейшую перспективу профессиональной деятельности. Рефлексивная идентичность: персональная идентичность – 94,4%, высказывания по этой шкале: «ответственный», «настойчивая», «добрый», «терпеливый», «вспыльчивая», «искренний», «умный». Экзистенциальное «Я» – 59,0%: «личность», «свободная личность», «субъект», «осмысленный человек». Полученные данные говорят нам о том, что у респондентов, в целом, высокий уровень рефлексивной идентичности, который выражается в осознание личностью собственного единства, ориентации на самого себя, на свою глубинную сущность, а также жизненные установки и личностные свойства.

Таким образом, в ходе повторной диагностики по методике «Кто Я?», были получены следующие результаты: Для контрольной группы результаты в процентном

соотношении по шкалам: учебно-профессиональная идентичность, деятельная идентичность, перспективная идентичность и рефлексивная идентичность изменены незначительно по отношению к результатам первичной диагностики. Для экспериментальной группы результаты в процентном соотношении по шкалам: учебно-профессиональная идентичность и перспективная идентичность изменены с низкого уровня, который был выявлен в ходе первичной диагностики, на высокий уровень.

Обратимся к результатам повторной диагностики по методике карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейн (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова) для каждой группы.

В ходе исследования с помощью методики карьерных ориентаций «Якоря карьеры?» Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова) у контрольной группы были получены следующие результаты: автономия – 35,4%, у этих респондентов первичной заботой личности является – освобождение от правил, предписаний и ограничений, которые предоставляет организация, а также предпочитают выполнять работу в своем темпе, по собственным стандартам. Возможны трудности, которые с установленными правилами, процедурами, рабочим днем, дисциплиной, формой одежды и т.п. Стабильность работы – 23,6%, для этих респондентов значимой потребностью является безопасность, для них важно постоянная работа с минимальной вероятностью увольнения и различными социальными гарантиями от работодателя. Такие личности сопоставляют свою учебу со своей дальнейшей карьерой. Служение – 23,6%, для этих респондентов характерна связь между выбором места работы и желанием приносить пользу людям и обществу. Главной ценностью является возможность эффективно использовать свои умения, знания и опыт для реализации цели, которая является общественно важной. Интеграция стилей жизни – 5,9%, у этих исследуемых карьера ассоциируется с их общим стилем жизни. Поддерживать конкретный образ жизни, который уже сложился, для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Для них важно, чтобы и их образ жизни, и карьера находились в уравновешенном состоянии и одно на другим не преобладало. Профессиональная компетентность – 11,8%, что отражает недостаточную направленность студентов на развитие своего потенциала, способностей в определенной профессиональной сфере.

В ходе исследования с помощью методики карьерных ориентаций «Якоря карьеры?» Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова) у контрольной группы были получены следующие результаты: автономия – 17,7%, у этих респондентов первичной заботой личности является – освобождение от правил, предписаний и ограничений, которые предоставляет организация, а также предпочитают выполнять работу в своем

темпе, по собственным стандартам. Возможны трудности, которые с установленными правилами, процедурами, рабочим днем, дисциплиной, формой одежды и т.п. Стабильность работы – 5,9%, для этих респондентов значимой потребностью является безопасность, для них важно постоянная работа с минимальной вероятностью увольнения и различными социальными гарантиями от работодателя. Такие личности сопоставляют свою учебу со своей дальнейшей карьерой. Служение – 35,4%, для этих респондентов характерна связь между выбором места работы и желанием приносить пользу людям и обществу. Главной ценностью является возможность эффективно использовать свои умения, знания и опыт для реализации цели, которая является общественно важной. Интеграция стилей жизни – 5,9%, у этих исследуемых карьера ассоциируется с их общим стилем жизни. Поддерживать конкретный образ жизни, который уже сложился, для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Для них важно, чтобы и их образ жизни, и карьера находились в уравновешенном состоянии и одно над другим не преобладало. Профессиональная компетентность – 35,4%, для этих респондентов характерно наличие способностей и талантов в определенной профессиональной сфере, а также при достижении высоких результатов в профессиональной деятельности они чувствуют себя наиболее успешными и наоборот.

Таким образом, в ходе повторной диагностики по методике «Якоря карьеры», мы получили следующие результаты:

1. Для контрольной группы результаты в процентном соотношении по шкалам: автономия, стабильность работы, служение, интеграция стилей жизни и профессиональная компетентность изменились незначительно по отношению к результатам первичной диагностики.
2. Для экспериментальной группы результаты в процентном соотношении по шкалам: служение и профессиональная компетентность увеличились, по сравнению с полученными данными в ходе первичной диагностики.

Для определения эффективности проведения тренинга, мы рассмотрели показатели зоны значимости при определении эмпирического значения t -критерия Стьюдента для связанных выборок у экспериментальной

группы после формирующего эксперимента.

Анализ результатов статистической обработки данных по методике изучения профессиональной идентичности по МИПИ Л.Б. Шнейдер показал, что полученное значение t эмпирическое (t эмп.=3,9) находится в зоне значимости (t кр.=2,12; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик.

При анализе полученных результатов по методике «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой) было выявлено, что значение t эмпирическое (t эмп.=3,9) же находится в зоне значимости (t кр.=2,12; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической существенности различий.

При анализе результатов, полученных по методике «Якоря карьеры» Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова), выявлено полученное значение t эмпирическое (t эмп.=4,9) так же находится в зоне значимости (t кр.=2,14; $p < 0,05$), что доказывает статистическую существенность различий между первичной и повторной диагностик у экспериментальной группы.

Таким образом, определение эффективности проведения тренинга, посредством t -критерия Стьюдента, показало существенность различий между показателями первичной и повторной диагностик по всем трем методикам, которые применялись в нашем исследовании.

В ходе исследования мы выяснили, что оптимизация процесса формирования профессиональной идентичности студентов-медиков возможна через применение технологии тренинга. Содержание психологического сопровождения формирования профессиональной идентичности направлено на решение возникающих трудностей в процессе развития личности студентов-медиков, их способности к самоанализу и самокритике.

Итоги реализации технологии психологического сопровождения становления профессиональной идентичности позволили зафиксировать изменения, произошедшие со студентами после формирующего эксперимента по ряду параметров профессиональной идентичности, а также увидеть положительную динамику в изменении статуса профессиональной идентичности.

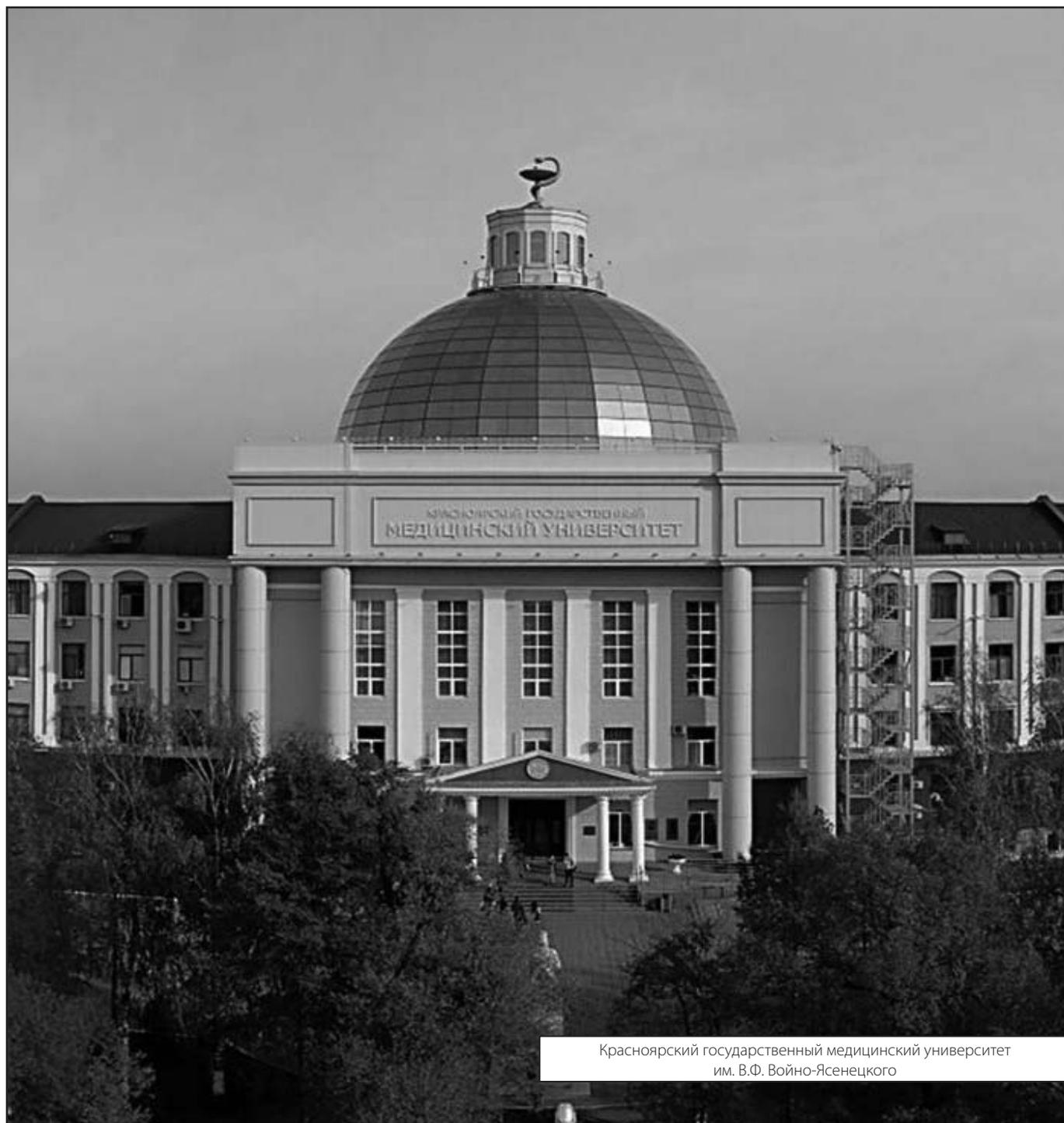
ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Е.П. О смысловых барьерах профессиональной идентичности студентов / Е.П. Александров, Е.В. Лашева // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – №3. – С. 1–4.
2. Головей, Л.А. Профессиональное развитие личности: начало пути [Электронный ресурс] : эмпирич. исслед. / Л.А. Головей, М.В. Данилова, Л.В. Рыкман, М.Д. Петраш, В.Р. Манукян, М.Ю. Леонтьева, Н.А. Александрова. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 336 с. Режим доступа: <https://books.google.ru/books>
3. Денисова, О.В. Становление профессиональной идентичности студента-медика в образовательном процессе вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук :

- 19.00.07 / О.В. Денисова. – Екатеринбург, 2008. – 26 с.
4. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: учеб. пособие / Э.Ф. Зеер, О.А. Рудей. — М.: МПСИ, 2008. — 256 с.
 5. Клочко, В.Е. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс / В.Е. Клочко, О.В. Лукьянов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 333–336.
 6. Лукьянов, О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / О.В. Лукьянов. – Томск, 2009. – 289 с.

© Майер Валерия Сергеевна (majer.valera@inbox.ru), Живаева Юлия Валерьяновна (yul-zhivaeva@yandex.ru),
Стойнова Екатерина Иннокетьевна (Katyа-chernova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Красноярский государственный медицинский университет
им. В.Ф. Войно-Ясенецкого

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЬМИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЗРОСЛЫМИ И ЕЕ ОЦЕНКЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Нусинова Леся Степановна

заведующий Психолого-диагностической лабораторией,
ГБУЗ Севастопольская городская психиатрическая
больница, г. Севастополь
nusinova.lesya@yandex.ru

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF THE PROBLEM OF CHILDREN'S PERCEPTION OF INTERPERSONAL RELATIONS BETWEEN ADULTS AND ITS ASSESSMENT IN MODERN SOCIO-PSYCHOLOGICAL SCIENCE

L. Nusinova

Summary: The article discusses the essence of the concept of social perceptions and its main structural components. At the same time, the main emphasis of the author is on the process of interpersonal perception. Scientific directions studying the peculiarities of socio-perceptual processes in Russian and foreign science were identified and considered. The author clarifies the content of the socio-psychological phenomenon of interpersonal perception and its multifaceted nature, due to correlations with various parameters that are interpreted in the work in relation to the sphere of the child's perception of interpersonal relations between adults in the family. It was concluded that the identification and study of interpersonal relationships, as well as processes of socio-psychological perception, is associated with significant methodological difficulties, since attitudes, perceptions are quite complex, and in addition, long processes, taking into account their unfolding from childhood, having their own dynamics. Methods prevailing in socio-psychological science are analyzed, which allow to identify peculiarities of interpersonal perceptions by children of relations between adults, within the framework of which objective and subjective instrumentation is differentiated and considered from the point of view of effectiveness. Based on the analysis, taking into account the justified content, as well as the complexity of the processes of interpersonal attitude, social perceptions, their dynamics and genesis, the author argues the need to proceed from a comprehensive approach, using in practice diagnostic tools of various categories - both subjective and objective - for the examination of children to obtain a more complete picture.

Keywords: perception of the person, perception, social perception, interpersonal perception, interpersonal relations between adults, perception by children of the relations between adults, social psychology.

Аннотация: В статье рассматривается сущность понятия социальной перцепции и его основные структурные составляющие. Основной акцент автором делается на процессе межличностной перцепции. Выделены и рассмотрены научные направления, изучающие особенности социально-перцептивных процессов в российской и зарубежной науке. Автором уточняется содержание социально-психологического феномена межличностной перцепции и его многосторонний характер, обусловленный корреляциями с различными параметрами, которые интерпретируются в работе применительно к сфере восприятия ребенком межличностных отношений между взрослыми в семье. Сделан вывод, что выявление и исследование межличностных отношений, а также процессов социально-психологической перцепции связано со значительными методическими трудностями, поскольку отношение, восприятие являются достаточно комплексными, а кроме того, длительными процессами, с учетом их разворачивания с детского возраста, обладающими собственной динамикой. Проанализированы преобладающие в социально-психологической науке методы и методики, позволяющие выявить особенности межличностной перцепции детьми отношений между взрослыми, в рамках которых дифференцирован и рассмотрен с позиции эффективности объективный и субъективный инструментарий. На основании проведенного анализа, учитывая обоснованное содержание, а также комплексность и сложность процессов межличностного отношения, социальной перцепции, их динамики и генезиса, автор аргументирует необходимость исходить из комплексного подхода, применяя на практике для обследования испытуемых в детском возрасте диагностический инструментарий различных категорий – как субъективного, так и объективного типа – для получения более полной картины.

Ключевые слова: восприятие человека, перцепция, социальная перцепция, межличностная перцепция, межличностные отношения между взрослыми, перцепция детьми отношений между взрослыми, социальная психология.

Изучение особенностей межличностного восприятия является одной из значимых научных проблем современности. Для обозначения восприятия другого субъекта человеком в научной терминологии в настоящее время используется дефиниция «социальная

перцепция», которой мы также оперируем в настоящей статье. С целью определения и характеристики наиболее распространенных подходов к изучаемой в настоящем разделе проблеме остановимся на данных терминах более подробно и рассмотрим их соотношение,

чтобы уточнить наше авторское понимание.

В этой связи нужно заметить, что, будучи введенным в научную практику Дж. Брунером и С. Гудман [15] в процессе разработки нового взгляда на восприятие, содержание термина социальной перцепции изначально носило достаточно общий характер и включало в себя «социальную детерминацию процессов восприятия субъекта» [15]. Значительно позднее его содержание было расширено и обоснована идея о том, что социальная перцепция представляет собой процесс восприятия социальных объектов, таких как социальные общности, социальные группы и другие люди и зависит не только от характеристик объекта, но и прошлого опыта субъекта, его целей, намерений, значимости ситуации и т.д. (В.С. Агеев, Г.М. Андреева, А.Н. Беседин, Н.Р. Битянова, А.А. Бодалев, В.Н. Куницына, Я.Л. Коломинский, Д. Майерс Н.Н. Обозов, А.П. Панфилов, И.Р. Сушков, Г.Р. Чернова и др.). В целом, внимание субъекта социальной перцепции сосредоточено на смысловых и оценочных интерпретациях воспринимаемого объекта, характеризуется большей слитностью познавательных компонентов с эмоциональными, большей зависимостью от мотивационно-смысловой структуры деятельности воспринимающего субъекта.

В российской социально-психологической науке выделяются отдельные направления, изучающие особенности социальной перцепции. Разработка первого направления (А.А. Бодалев и др.) осуществлялась в рамках традиционной схемы восприятия человека человеком в процессе общения. Второе направление (А.И. Донцов, В.В. Шпалинский, А.В. Петровский), получившее развитие в науке в 70-80-х годов XX века, концентрируется на перцептивном аспекте межличностных отношений, рассматриваемом опосредованно через совместную деятельность группы. Третье направление, также развивавшееся с 1970-80-х годов (В.А. Барабанщиков, В.Н. Носуленко и др.), сосредоточено на изучении закономерностей процессов социальной перцепции: формировании образа человека, роли в этом процессе Я-концепции личности, коммуникативного опыта, установок, отношений, состояний воспринимающего, социальной ситуации и т.д.

С точки зрения В.Н. Куницыной социальная перцепция может быть определена как «процесс, возникающий при межличностном взаимодействии, на основе естественного общения и протекающий в форме восприятия и понимания человека человеком» [8, с.44]. А.Н. Беседин, выделяя специфические характеристики процесса социальной перцепции, помимо активности субъектов и целостности воспринимаемого (смысловое и оценочное толкование воспринимаемого субъекта), особо подчеркивает важность такого параметра, как «мотивированность субъекта социальной перцепции»,

имеющего особое значение для нашего исследования, в котором рассматривается социальная перцепция межличностных отношений взрослых ребенком в семейных условиях [2, с.53]. Исследователем отмечается, что социальная перцепция построена на «совокупности познавательного интереса и эмоционального отношения к воспринимаемому человеку, то есть существует сильная зависимость социальной перцепции от мотивационно-смысловой ориентированности воспринимающего» [2, с.60].

Такая комплексность и многогранность процесса социальной перцепции позволила исследователям выявить в его составе три самостоятельных класса процессов в зависимости от соотношения субъекта и объекта восприятия: межличностное восприятие (межличностная перцепция), самовосприятие и межгрупповое восприятие (межгрупповая перцепция) [1]. Непосредственным объектом эмпирического исследования в нашей работе является процесс межличностной перцепции (восприятия).

Следует подчеркнуть тот факт, что, несмотря на многочисленные исследования проблемы межличностной перцепции, в социально-психологической литературе до сих пор продолжается поиск наиболее точного понятия для характеристики описываемого процесса. В рамках нашего исследования под межличностной перцепцией (межличностным восприятием) мы полагаем целесообразным понимать социально-психологический процесс, ответственный за формирование характера и осуществление индивидуумом определенного социального поведения и формирование его поведенческих паттернов, который включает в себя социально и субъектно обусловленное восприятие внешних признаков другого человека, соотнесение их с его внутренними характеристиками, поведением, интерпретацию и прогнозирование на этой основе его мыслей и поступков.

Интерес для нашей работы также представляет сформулированная Н.Р. Битяновой структура социальной перцепции, состоящая из следующих компонентов: восприятия внешних характеристик объекта и его поведения; формирования образа о психологических особенностях и о состоянии воспринимаемого; формирование представления о причинах и следствиях поведения; создание собственной стратегии поведения [3].

Исследователями [4 и др.] установлено, что полнота представлений человека о другом субъекте связана с уровнем самосознания. При этом подобная связь носит двусторонний характер: чем более глубокий характер носят у субъекта знания о самом себе, тем более широкими возможностями получения аналогичных деталей знаний о воспринимаемом субъекте он обладает.

Таким образом, в процессе перцепции всегда участвуют как минимум два человека, и каждый из них при этом выступает совсем не пассивным, а активным субъектом, каждый из участников межличностной коммуникации и взаимодействия сравнивает себя с другим [4].

Ввиду, как минимум, двусторонности или многосторонности процесса межличностной перцепции для его результата значимыми выступают характеристики всех участников. С позиции воспринимающего и воспринимаемого субъектов это совокупность внешних и социальных параметров, «доступных конкретно-чувственному отражению» [4, с.55]: внешние атрибуты, пол, возраст, национальность, темперамент, психическое состояние, социальные установки, принадлежность к определенным социальным группам, социальная роль, профессия, личностно-индивидуальные качества и особенности мотивационно-потребностной сферы и т.д.

Мы полностью разделяем мнение Н.А. Быковой и О.В. Коноваловой о том, что «эффективное формирование механизмов социальной перцепции с детского возраста является важным фактором для эффективности общения любого человека» [6, с.2498]. Восприятие ребенком взрослого человека, поведения и межличностных взаимоотношений взрослых является важным моментом в формировании его опыта межличностных контактов с людьми, что определяет характер ребенка по мере взросления, его поведение, стратегии его взаимодействия со сверстниками, которые возникают в результате восприятия и являются основой для перцептивных процессов как в настоящем, так и в будущем.

Следует отметить, что различные направления психологической науки уже длительное время и с разных позиций рассматривают взаимную обусловленность процессов межличностного отношения субъектов и социальной, в том числе межличностной перцепции.

Среди теорий, рассматривающих данные вопросы, можно выделить психоаналитическую теорию З. Фрейда, теорию обмена Дж. Хоманса и П. Блау, когнитивный подход Ф. Хайдера и Т. Ньюкома, теорию управления впечатлениями Э. Гоффмана, теорию символического интеракционизма Дж. Мида и Г. Блумера.

В частности, З. Фрейд подчеркивал огромное влияние детских впечатлений на будущие отношения ребенка: это выражается в представлениях о том, какое поведение и отношение друг к другу демонстрировали его отец и мать [16]. Семья выступает социальной системой, оказывающей наибольшее влияние на становление и развитие личности ребенка, который «учится социальному взаимодействию и вырабатывает определенные коммуникативные образцы поведения именно в ходе общения с членами семьи» [5, с.77].

Дж. Уотсоном отмечался тот факт, что «индивид обладает минимумом биологических врожденных качеств, а его становление и развитие в большей степени зависят от социальной среды» [13, с.37]. При этом «на ранней стадии ближайшей средой ребенка», по мнению исследователя, «выступают родители и другие взрослые члены семьи» [13, с.37].

Согласно гуманистической теории А. Адлера, взаимоотношения родителей в семье важны не только для самих родителей, но и для всего общества в целом. Особую значимость при этом имеет «специфика отношений между супругами, основанная на солидарности и взаимоуважении» [14, с.42].

Символический интеракционизм Дж. Мида [18] сводит любую форму коммуникации индивида к общению. Для достижения успешной коммуникации и перцепции индивид, по мнению исследователя, «должен уметь поставить себя на место других» [18, с.44]. Исследователем также подчеркивается тот факт, что определяющим фактором межличностного общения является «наличие личного социального опыта» [9, с.61]. Именно поэтому в ходе семейной коммуникации важна интерпретация ситуации и социального контекста [9, с.61].

В рамках теоретической концепции социологической драматургии Э. Гоффмана [17], которая основана на приемах управления впечатлениями и во многом дополняет теорию Дж. Мида, семья является малой социальной группой, где каждый член также «играет определенную роль» (как в театральной постановке), используя различные социально-психологические приемы манипулирования, маневрирования. Отсюда главный метод познания данных приемов субъектами - наблюдение. Особенностью данного подхода является отвлечение от личностных качеств субъекта, акцент на совокупности не связанных между собой ролей, анализ факторов, влияющих на создание хорошего впечатления у членов семьи. [17, р.52].

Таким образом, анализ вышеуказанных теоретических концепций показывает доминанту социального компонента в их составе, демонстрирует применение социально-психологического мышления как методологического инструментария и обуславливает закономерность и важность использования социально-психологического подхода к изучению исследуемой нами проблемы социальной перцепции детьми межличностных отношений между взрослыми в семье.

В российской социальной психологии, как уже подчеркивалось в нашем исследовании, выделяется значительное число работ, посвященных вопросам межличностного взаимодействия взрослых и их влиянию на становление детских отношений. В целом среди этих

исследований можно выделить два основных преобладающих теоретических ракурса:

- деятельностное опосредствование межличностных отношений детей (концепция А.В. Петровского и др.);
- генезис общения, где взаимоотношения детей интерпретируются как продукт деятельности общения и взаимодействия со взрослыми и детьми (концепция М.И. Лисиной и др.).

Следует особо подчеркнуть тот факт, что выявление и исследование межличностных отношений, а также процессов социально-психологической перцепции связано со значительными методическими трудностями, поскольку отношение, восприятие являются достаточно комплексными, а кроме того, длительными процессами, обладающими собственной динамикой. Вербальные методы, широко используемые при исследовании межличностных отношений и перцепции взрослых людей, во многих случаях имеют ряд диагностических ограничений, когда мы имеем дело с детьми. Вопросы и задания взрослому, адресованные детям, особенно в дошкольном, младшем, среднем школьном возрасте, как правило, провоцирует определенные ответы и высказывания детей, которые порой не соответствуют их реальному отношению к окружающим и их восприятию данных субъектов. Кроме того, вопросы, требующие вербального ответа, отражают более или менее осознанные представления и установки ребенка, о чем еще рано в полной мере вести речь в детском возрасте, когда между осознанными представлениями и реальными отношениями в большинстве случаев существует разрыв (сохраняющийся у многих взрослых). Отношение своими корнями уходит в более глубокие пласты психики, подсознательного, скрытые не только от наблюдателя, но и самого ребенка, кроме того, оно постоянно трансформируется под не просто влиянием, а в отношении ребенка, можно сказать, давлением различных внешних и внутренних факторов.

Вместе с тем в социально-психологической науке в настоящее время выделяются определенные методы и методики, позволяющие выявить особенности межличностной перцепции детьми отношений между взрослыми. Рассмотрим их основные направления и приведем примеры, опираясь на категорию младшего школьного возраста. Такой методический инструментарий можно условно дифференцировать на объективные методы и методики: социометрические («Два дома» И. Вандвик, «Капитан корабля» Е.О. Смирновой, социометрия Дж. Морено), наблюдение, метод проблемных ситуаций; а также субъективные: методики, выявляющие ориентацию ребенка в социальной действительности, эмоциональный отклик, ценностные акценты, развитость социального и эмоционального интеллекта – в т.ч. проективные и

вербальные инструменты (методика «Рене Жиля», «Картинки» Е.О. Смирновой, «Домики» О.А. Ореховой, тесты эмоциональной сферы и др.); субъективно-оценочные методики, выявляющие внутреннее отношение ребенка к окружающим – арт-терапевтические («Аппликация» и др.), рисуночные методики («Рисунок семьи» и др.), тесты тревожности, цветовые тесты отношений (А. Эткинда и т.д.).

К объективным методам относятся те, которые позволяют специалисту зафиксировать внешнюю воспринимаемую картину взаимодействия детей в семье и их восприятие родителями, отношений между членами семьи. При этом специалист получает возможность выявить те или иные особенности поведения отдельных детей, их симпатии или антипатии и воссоздает более или менее объективную картину взаимоотношений младших школьников в семье. В отличие от этого, субъективные методы направлены на выявление внутренних глубинных характеристик отношения к родителям, которые всегда связаны с особенностями личности и самосознания ребенка. Поэтому субъективные методы в большинстве случаев имеют проективный характер. В их рамках ребенку приходится взаимодействовать с «неопределенными» неструктурированным стимульным материалом (картинки, высказывания, незаконченные предложения и пр.). Ребенок неосознанно наделяет изображаемых или описываемых персонажей собственными мыслями, чувствами, переживаниями, т.е. проецирует (переносит) свое «Я».

По мнению российских и зарубежных исследователей (Е.О. Смирнова [11], Дж. Морено [10]) наиболее распространенным диагностическим инструментарием для понимания и интерпретации межличностных отношений и процессов их социальной перцепции в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте является социометрический. Этот метод социальной психологии был разработан Дж. Морено (1934) для количественного измерения структуры и особенностей проявления межличностных отношений в группе, исходя из числа и характера взаимных выборов ее членов по определенному социометрическому критерию.

Метод социометрии применяется также для диагностики межгрупповых отношений в целях их изменения, улучшения и совершенствования. Социометрия позволяет изучать типологию социального поведения людей в условиях групповой деятельности, в том числе семьи как малой группы, судить о социально-психологической совместимости членов конкретных групп, существующих симпатиях и антипатиях в их взаимоотношениях, наличии «крайних» по полюсу участников межличностного взаимодействия – лидеров, «отвергнутых», выявлять существующие подгруппы и особенности взаимодействия

в них, – на основе оценок субъектов.

Однако учитывая обоснованное содержание, а также комплексность и сложность процессов межличностного отношения, социальной перцепции, их динамики и генезиса, мы считаем целесообразным исходить из ком-

плексного подхода, применяя для обследования испытуемых в детском возрасте диагностический инструментарий различных категорий – как субъективного, так и объективного типа – для получения более полной картины межличностного восприятия ими отношений между взрослыми членами семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Прогресс, 1999. 358 с.
2. Беседин А.Н. Психология восприятия и конфликта. Харьков: ХНАДУ, 2007. 300 с.
3. Битянова Н.Р. Социальная психология. М.: Прогресс, 2017. 340 с.
4. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком: Монография. М.: Наука, 1965. 200 с.
5. Бухтиярова И.Н. Межличностные отношения детей и родителей: теоретико-методологический анализ// Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 76-80.
6. Быкова Н.А., Коновалова О.В. Особенности социальной перцепции как компонента общения в юношеском возрасте // Концепт. 2017. Т. 39. С. 2496–2500.
7. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб.: Питер, 2013. 565 с.
8. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: Дисс. ... д-ра психолог. наук. СПб., 1991. 358 с.
9. Мид Дж. Интернализированные другие и самость// Американская социологическая мысль: тексты / сост. Е.И. Кравченко. М.: Мысль, 1994. 495 с.
10. Морено Дж. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова. М.: Академический проект, 2001. 330 с.
11. Смирнова Е.О. Проблемные формы межличностных отношений // Вестник практической психологии образования. 2011. Т.8, № 3. С. 22–32
12. Социальная психология общения: Монография/ Под ред. А.Л. Свенцицкого, С.Д. Гуриевой. М.: ИНФРА-М, 2018. 400 с.
13. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. М.: б.а., 1926. 384 с.
14. Adler A. Understanding Human Nature. N.: Martino Books, 1927. 302 p.
15. Bruner J.S., Goodman C.C. Value and Need as Organizing Factors in Perception// Journal of Abnormal and Social Psychology. 1947. № 42. Pp.33-44.
16. Freud S. Psychoanalysis. L.: Pocket Books, 1969. 600 p.
17. Goffman E. Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. 300 p.
18. Mead G. Mind, Self, and Society. N.Y.: w.e., 1934. 400 p.

© Нусинова Леся Степановна (nusinova.lesya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ

EXPLORING THE CHANGES OF THE MOTIVATIONAL COMPONENT PSYCHOLOGICAL READINESS TO PROFESSIONAL ACTIVITIES LAW STUDENTS IN THE FACE OF CHANGING FORMS OF LEARNING

A. Sokolova
E. Korablina
Yu. Tarasova

Summary: The article provides the results of a theoretical justification for the role of the motivational component in the structure of psychological readiness for professional activities in law students, as well as an analysis of empirical data of changes in the structure of the motivational component and its dynamics over the past three years in the conditions of changing the form of training.

Keywords: professional development, psychological readiness, motivation, motivation structure, dynamics of motives, students-lawyers, change of form of education, cross-section.

Соколова Алена Ивановна

Аспирант, Российский государственный университет правосудия Северо-Западный Филиал
alena_sokolova@mail.ru

Кораблина Елена Павловна

Д.псих.н., профессор, Российский государственный университет правосудия Северо-Западный Филиал

Тарасова Юлия Николаевна

К.псих.н., доцент, Российский государственный университет правосудия Северо-Западный Филиал

Аннотация: В статье приводятся результаты теоретического обоснования роли мотивационного компонента в структуре психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов юристов, а также анализ эмпирических данных изменения структуры мотивационного компонента и его динамики за последние три года в условиях смены формы обучения.

Ключевые слова: профессиональное становление, психологическая готовность, мотивация, структура мотивов, динамика мотивов, студенты-юристы, изменение формы обучения, поперечные срезы.

Данное исследование посвящено изучению мотивационного компонента психологической готовности обучающихся студентов юридического факультета, в условиях перехода от традиционного формата обучения на инновационный дистанционный формат.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности студентов выступает одним из условий, определяющих дальнейшие инварианты профессионального самоопределения и профессиональной судьбы будущих специалистов. В сложную многокомпонентную структуру профессиональной готовности составной частью входит мотивационный компонент (*потребностно-мотивационный, побудительный*), в свою очередь состоящий из элементов.

Цель исследования – изучить динамику изменения мотивов и возможную смену ведущих мотивов при переходе на инновационный формат обучения.

В исследовании использовался различный **комплекс методов:** наблюдение, беседа, анкетирование, стандар-

тизованные самоотчеты, тест-опросники. В качестве основной диагностической процедуры использовалась методика диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) [6].

Теоретическую базу составили исследования

И.Б. Гладких [2], рассматривающий мотивацию в дистанционном образовании, что также актуально для данного исследования; Н.Ю. Максимова [5], описывающая важность тренинга (активной формы обучения, предполагающую получение опыта в межличностном взаимодействии) в психолого-педагогическом обеспечении мотивационной готовности студентов; Е.И. Пилюгина, О.В. Бережнова [7], рассматривающие фактор профессиональной мотивации в повышении эффективности образования; И.П. Попова [8], оценивающая в своей работе профессию юриста на современном рынке труда и делающая вывод об универсальности юридического образования как площадки для развития в различных областях труда; Е.М. Рожков [9], представивший обзор исследований отечественных и зарубежных ученых в

области мотивации; Е.Ю. Рубанова [10], исследующая психологическую готовность как важный фактор обеспечения конкурентноспособности выпускника; Е.Р. Сагеева, О.А. Анисеев [11], диагностирующие мотивационную готовность по методике, основанной на «теории ожиданий» В. Врума; Г.Н. Травинова [13], выделившая из методики «Изучение факторов привлекательности профессии» факторы, влияющие на отношение к профессии юриста; Е.Н. Шарова [14], исследующая профессиональное самоопределение в условиях трансформации современного общества, и др. Работы вышеназванных авторов посвящены психологической и мотивационной готовности (в т.ч. и студентов-юристов) и лежат в смежной к данному исследованию области и др.

Имеющиеся в литературе данные показывают, что существует тесная связь между успешностью профессионала в любом виде деятельности и качеством сформированной психологической готовности [12, с.597].

Психологическая готовность будущего профессионала проявляется через мотивационно-целевой компонент, в свою очередь находящийся в тесной положительной корреляционной зависимости с практической деятельностью. На степень психологической готовности влияет как овладение необходимыми знаниями, умениями и навыками, необходимыми для осуществления профессиональной деятельности, так и индивидуальные особенности личности. Даже должным образом организованный учебный процесс не гарантирует профессионального развития будущего специалиста как субъекта труда, если не будет встречной активности самих обучающихся.

Состояние мотивационного компонента в структуре психологической готовности обучающихся студентов выступает показателем степени осмысленности и осознанности ими в достижении профессиональных целей, коррелирует с успешностью в будущей деятельности в качестве специалиста, активизирует когнитивные, эмоционально-оценочные и регулятивные компоненты самосознания личности [5, с. 40]), влияющие на переход теоретических знаний в практические умения и навыки.

Не существует единого представления о соотношении понятий «мотив» и «мотивация». Мотив рассматривается учеными как внутренний побудитель к удовлетворению потребности; как цель или как намерение; как потребность и т.д. [3, с. 252]. Мотивация как дефиниция имеет разные трактовки: система факторов, определяющих поведение; система мотивов; побуждение, стимулирующее деятельность и определяющее направление этой деятельности; совокупность процессов, отвечающих за деятельность и побуждение к ней и т.д. Из данных формулировок выделяются два подхода к определению мотивации: мотивация как совокупность мотивов и мо-

тивация как средство реализации уже существующих мотивов. Под мотивацией учебной деятельности имеются в виду «все факторы, обуславливающие проявление учебной активности: потребности, цели, установки, чувство долга, интересы и т.п.» [3, с. 253].

При выборе профессии важную роль играет первичные представления оптанта о будущей профессиональной деятельности, на чем изначально выстраивается мотивационно-целевая структура. Установлено, что оптанты, как правило, ориентируются на гуманитарную сферу наук и относительную доступность поступления на юридический факультет [8, с. 47]. При этом оптанты также обращают внимание на общественную престижность данной профессии и на возможность достижения определенного статуса в обществе. Ранее проведенное исследование, направленное на выяснение факторов привлекательности профессии юриста (методика В.А. Ядова) [13, с. 89], показало, что 63,7% оптантов ориентировались на полезность образования юриста в целом, 23,3% опирались на личностные интересы и индивидуальные особенности личности, 8,7% пошли в профессию для помощи другим людям и достижения социальной значимости, 4,3% ориентировались на социально экспансивный образ юриста как общественного «героя» (к примеру, в сериалах, СМИ, кино и т.д.).

Профессиональная направленность будущего специалиста включает оценку оптантом важности и привлекательности профессиональной деятельности, будущей заработной платы, возможность личностной самореализации, карьерные перспективы, соответствие профессии личностным качествам и т.д., что оценивается более осмысленно по мере обучения и освоения специальности в вузе. Как отмечает Г.Н. Травинова, на последних курсах студент юридического факультета определяет перспективы профессионального самосовершенствования, социального признания и уважения, но негативное отношение вызывает переутомление, ненормированный рабочий день, а также контакты с различными людьми (потерпевшие, свидетели и т.д.) [13, с. 90].

Мотивация как психологический фактор играет огромную роль и в дистанционном образовании. Высокая мотивация к получению знаний и овладению профессией является основой для саморегуляции и осуществления дистанционного обучения в целом, где можно выделить целый ряд трудностей [2, с. 58]:

- возможный низкий уровень внутренней мотивации;
- ожидание контроля преподавателя и в силу этого слабая саморегуляция и самоорганизация;
- новый, непривычный формат обучения;
- отсутствие контакта с другими студентами, разобщенность в группе и т.д.

По данным наблюдения установлено, что студенты юридического факультета, работая с большим объемом когнитивно сложной информации и документов, могут быстро потерять интерес к изучаемым предметам. При низком уровне мотивации и неорганизованности формируется отчуждение от профессии и в дальнейшем отмечается недостаточная психологическая готовность к осуществлению профессиональной деятельности (в результате чего студент-выпускник не работает по профессии) [2, с. 61].

В данном исследовании сделана попытка изучения динамики и соотношение мотивов:

1. *социальных* (осознание общественной значимости получения образования, стремление занять определенное положение в обществе, взаимодействие с людьми);
2. *учебно-познавательных* (получение новых знаний, в том числе и самостоятельно);
3. *престижа* (стремление к достижению определенного уровня в какой-либо деятельности);
4. *избегания неудачи* (стремление избежать порицания);
5. *коммуникативных* (взаимодействие с другими людьми, познание людей);
6. *творческой самореализации* (в профессиональном труде, нахождение личностного смысла в профессии, творческого отношения к профессии);
7. *профессиональных* (стремления обеспечить продуктивность и успешность будущей профессиональной деятельности, установка на трудовую деятельность).

Гипотеза исследования: смена формы обучения выступает фактором, оказывающим влияние на изменение структуры и выраженности мотивов у обучающихся студентов. В подгруппах студентов (с высоким и низким уровнем сформированности мотивации) выраженность и динамика мотивов будет отличаться. У многих студентов

смена традиционной формы обучения на очно-дистанционную сначала понижает мотивационную готовность, однако, затем происходит компенсация структуры мотивов во всех подгруппах в условиях дистанционного обучения.

Выборку исследования составили студенты юридического факультета в количестве 686 студентов первых курсов.

Организационный метод исследования – метод поперечных срезов.

Исследование длилось три года и охватило три группы студентов, в зависимости от формы и года обучения:

- *очная форма* (2018 г.) – студенты первого курса (стандарт традиционного формата), 181 чел.;
- *очно-дистанционная форма* (2019 г.) – студенты первого курса, перешедшие на очно-дистанционный формат после прохождения полугода очного стандартного обучения и месяца самоизоляции, 145 чел.;
- *дистанционная форма* (2020 г.) – студенты первого курса, поступившие и обучающиеся исключительно в дистанционном формате, без опыта обучения в очном (стандартном) формате обучения в ВУЗе, 360 чел.

При формировании дизайна выборки использовалась стратегия «выделение и сравнение полярных групп». По каждому году обучения были выделены подгруппы с *высоким* и *низким* уровнем сформированности изучаемых мотивов, численность экспериментальных групп составила 35 человек.

Статистическая обработка проводилась в программе IBMSPSS Statistics v.22.

Результаты исследования приведены в таблице 1 и графике 1, представляющей собой поперечные срезы

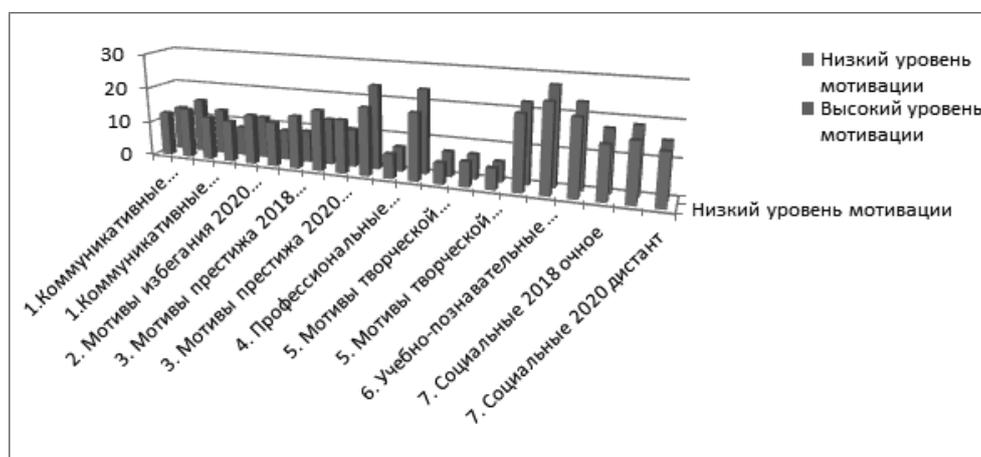


График 1. Параметры выраженности мотивов учебной деятельности студентов-юристов в условиях смены форм обучения

Таблица 1.

Параметры выраженности мотивов учебной деятельности студентов-юристов в условиях смены форм обучения в подгруппах с разным уровнем мотивации (средние значения, в баллах)

Форма обучения	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Очная		Очно-дистанционная		Дистанционная	
Группы	подгруппы		подгруппы		подгруппы	
Мотивы учебной деятельности	высокий уровень мотивации	низкий уровень мотивации	высокий уровень мотивации	низкий уровень мотивации	высокий уровень мотивации	низкий уровень мотивации
	\bar{M}	\bar{M}	\bar{M}	\bar{M}	\bar{M}	\bar{M}
1. Коммуникативные мотивы	19.08	11.5	19.53	11.88	19.26	13.03
2. Мотивы избегания	17.79	7.577	19.47	9.18	19.62	8.629
3. Мотивы престижа	22.76	8.115	23.8	10.06	23.74	10.71
4. Профессиональные мотивы	29.08	21.77	9.533	5.375	29.6	24
5. Мотивы творческой самореализации	9	6.423	9.533	5.375	9.238	5.686
6. Учебно-познавательные мотивы	31.88	20.46	34	21.19	33.38	23.77
7. Социальные мотивы	22.64	15.77	22.93	14.44	22.79	15.49
Итого:	152	91.62	159.1	90.88	157.6	101.3

Таблица 2.

Соотношение мотивов в подгруппе студентов с высоким уровнем сформированности мотивов в 2018-2020 гг. (средние значения в баллах и %)

Форма обучения	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Очная		Очно-дистанционная		Дистанционная	
Группы	подгруппы		подгруппы		подгруппы	
Мотивы учебной деятельности	высокий уровень мотивации		высокий уровень мотивации		высокий уровень мотивации	
	\bar{M}	%	\bar{M}	%	\bar{M}	%
1. Коммуникативные мотивы	19.08	12.53	19.53	14.07	19.26	12.22
2. Мотивы избегания	17.79	11.69	19.47	14.03	19.62	12.45
3. Мотивы престижа	22.76	14.95	23.8	17.15	23.74	15.06
4. Профессиональные мотивы	29.08	19.1	9.533	6.86	29.6	18.78
5. Мотивы творческой самореализации	9	5.91	9.533	6.86	9.238	5.86
6. Учебно-познавательные мотивы	31.88	20.94	34	24.5	33.38	21.18
7. Социальные мотивы	22.64	14.87	22.93	16.52	22.79	14.46
Итого:	152	100	159.1	100	157.6	100

исследования по каждой из 7-и шкал опросника:

У студентов-юристов очной формы обучения (срез 2018 г.), в подгруппе с *высоким уровнем сформированности мотивов обучения* (см. таблица 2, рисунок 1) изначально выявлена следующая представленность мотивов: наибольшую долю в структуре занимают учебно-познавательные мотивы (20,94 %) и профессиональные мотивы (19,1 %); наименьшую долю – занимают мотивы коммуникативные (12,53 %), мотивы избегания (11,69 %) и творческой самореализации – (5,91%) (см. таблица № 2, рисунок 1).

Отмечается изменение в структуре мотивов и их динамике по данным поперечных срезов за три года (2018-2020 гг.), а именно устойчивый рост всех изучаемых мотивов (кроме профессиональных мотивов) в условиях очно-дистанционной формы обучения (срез 2019 г.), и сохранение достигнутых показателей при дистанционной форме обучения (срез 2020 г.). Доля профессиональных мотивов показывает резкий спад к 2019 г. от 19% до 6,86 % (в 2,76 раза). Затем, к 2020 г. структурная представленность профессиональных мотивов снова восстанавливается, до 18,78 %, т.е. практически до прежнего уровня.

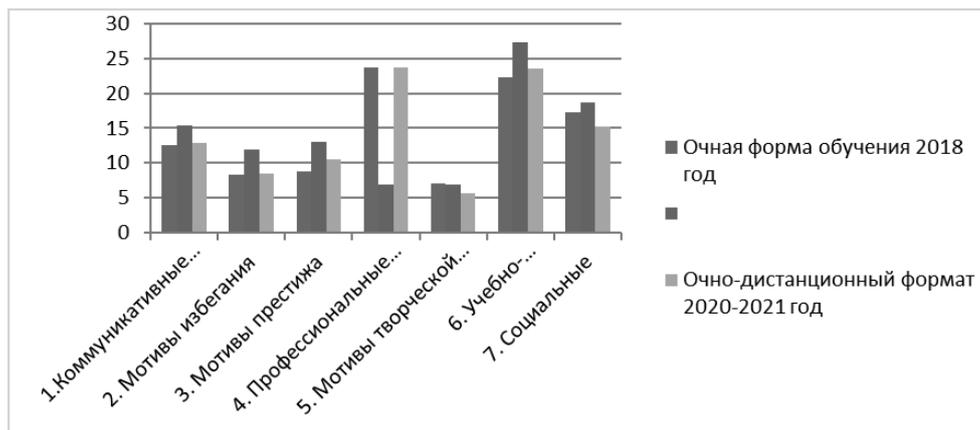


Рис. 1. Динамика мотивов в подгруппе с высоким уровнем сформированности мотивов (в баллах) в 2018-2020 гг.

В диагностическом срезе за 2018 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди учебно-познавательных (31.88) и профессиональных мотивов (29.08), наименьшие значения среди мотивов престижа (22.76), избегания (7.57), и творческой самореализации (6.42).

В срезе за 2019 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди учебно-познавательных (34) и мотивов престижа (23.8), наименьшие значения отмечены среди профессиональных мотивов (9.53), творческой самореализации (9.53).

В срезе за 2020 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди - учебно-познавательных (33.38) и профессиональных мотивов (29.6), наименьшие значения отмечены только среди мотивов творческой самореализации (9.23).

Наибольшая выраженность учебно-познавательных мотивов в структуре общего комплекса мотивов у студентов обусловлена интересом к знаниям, к обретению новых умений и навыков. Эта группа мотивов имеет самую высокую выраженность в условиях очно-дистанционного формата (2019 год).

Студенты, которые изначально обучались в новом формате, не воспринимают такую форму обучения как непривычное явление, совмещая положительные факторы очно-дистанционного формата (обучение в индивидуальном темпе, гибкость, доступность из любого места, удобство, самостоятельная организация свободного времени и времени учебы) с мотивацией к получению диплома и освоению профессии. Такие студенты более устойчивы к новым условиям, но при прохождении производственной практики будут испытывать определенные трудности, так как профессия юриста предполагает высокий уровень сформированной коммуникации.

Второй группой мотивов по приоритетности выступают профессиональные мотивы. Как указывалось выше, отмечается отрицательная динамика по показате-

лю профессиональных мотивов (за 2019 г.) Таким образом, снижается психологическая готовность к будущему труду, представление об успешности в будущей профессиональной деятельности, не формируется установка на трудовую деятельность.

2. У студентов-юристов очной формы обучения в подгруппе с низким уровнем сформированности мотивов (см. Таблица 3, рисунок 2) обучения (срез 2018 г.) наибольшая доля в структуре отмечена у профессиональных мотивов (23.76 %) и учебно-познавательных мотивов (22.33%). Наименьшие процентные доли – отмечены среди мотивов престижа (8.850%), избегания (8.27%) и творческой самореализации (7.01%).

В структуре мотивов и их динамике от 2018 к 2019 году отмечается рост значений и выраженное изменение структуры мотивов, в частности, наибольшие процентные доли приходятся на мотивы: коммуникативные, избегания, престижа, учебно-познавательные, социальные. Мотивы творческой самореализации показали минимальное снижение. Доля профессиональных мотивов показывает резкий спад от 23.76 % до 6.93%, и восстановление структурной представленности при дистанционной форме обучения (срез 2020 г.).

В 2020 г. представленность профессиональных мотивов снова восстанавливается до 23.69 %, т.е. практически до уровня 2018 г.

Доли мотивов коммуникативных, избегания, престижа, социальных, учебно-познавательных снова снижаются в 2020 г., но превышают уровни 2018г. но Мотивы творческой самореализации показали устойчивое снижение и наименьшую процентную долю по всем трем годам наблюдений (2018 - 7.01%, 2019 - 6.93%, 2020 - 5.61%).

В диагностическом срезе за 2018 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди учебно-познавательных (20.46) и профессиональных мотивов (21.77), наименьшие значения среди мотивов престижа (8.11),

Таблица 3.

Соотношение мотивов в подгруппе студентов с низким уровнем сформированности мотивов в 2018-2020 гг. (средние значения в баллах и %)

Форма обучения	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Очная		Очно-дистанционная		Дистанционная	
Группы	подгруппы		подгруппы		подгруппы	
Мотивы учебной деятельности	низкий уровень мотивов		низкий уровень мотивов		низкий уровень мотивов	
	М	%	М	%	М	%
1. Коммуникативные мотивы	11.5	12.55	11.88	15.33	13.03	12.86
2. Мотивы избегания	7.577	8.27	9.18	11.85	8.629	8.51
3. Мотивы престижа	8.115	8.85	10.06	12.93	10.71	10.57
4. Профессиональные мотивы	21.77	23.78	5.375	6.93	24	23.69
5. Мотивы творческой самореализации	6.423	7.01	5.375	6.93	5.686	5.61
6. Учебно-познавательные мотивы	20.46	22.23	21.19	27.34	23.77	23.46
7. Социальные мотивы	15.77	17.21	14.44	18.63	15.49	15.29
Итого:	91.62	100	90.88	100	101.3	100

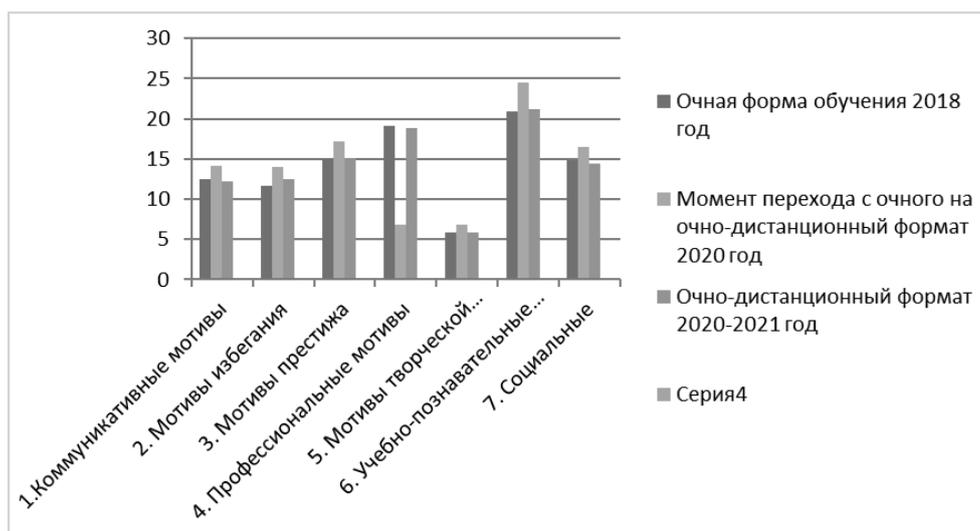


Рис. 2. Динамика мотивов в подгруппе с низким уровнем сформированности мотивов (в баллах) в 2018-2020 гг.

избегания (7.57), и творческой самореализации (6.42).

В срезе за 2019 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди только среди учебно-познавательных (21.19), наименьшие значения отмечены среди профессиональных мотивов (5.37) и творческой самореализации (5.37).

В срезе за 2020 год самые высокие значения (в баллах) отмечены среди - учебно-познавательных (23.77) и профессиональных мотивов (24), наименьшие значения отмечены среди мотивов творческой самореализации (5.68) и мотивов избегания (8.62).

Результат однофакторного дисперсионного анализа

(непараметрические методы Фридмана и Пейджа) позволяет принять гипотезу о различии трех форм обучения по влиянию на мотивационную компоненту психологической готовности студентов (на уровне значимости $p < 0,016$) в подгруппе с высоким уровнем сформированности мотивов, и отсутствии такого влияния в подгруппе с низким уровнем сформированности мотивов.

Выводы

Смена форм обучения изменяет структуру и соотношение мотивов мотивационной компоненты психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов юристов. Смена традиционной формы обучения на очно-дистанционную, в целом, незначительно по-

нижает мотивационную готовность в подгруппе студентов с низким уровнем сформированности мотивов, и, наоборот, повышает мотивационную готовность в подгруппе с высоким уровнем сформированности мотивов.

В подгруппе студентов с высоким уровнем сформированности мотивов в наибольшей степени структурные изменения затрагивают мотивы профессиональные (при переходе на очно-дистанционный и дистанционный формат). Отмечается компенсация снижения профессиональных мотивов ростом всех других мотивов у обучающихся студентов.

В подгруппе студентов с низким уровнем сформированности мотивов структурные изменения затрагивают также мотивы профессиональные. При переходе на очно-дистанционный формат в наибольшей степени снижаются мотивы профессиональные, и в меньшей степени мотивы творческой самореализации. Отмечается компенсация снижения профессиональных мотивов и мотивов творческой самореализации ростом всех других мотивов.

Таким образом, выдвинутая исследовательская гипотеза подтвердилась в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаева, Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей / Н.Ц. Бадмаева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – 203 с.
2. Гладких, И.Б. Мотивация в дистанционном образовании (модель Келлера применимо к студентам с ОВЗ) / И.Б. Гладких // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2015. – № 25. – С. 58-62.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2011. – 508 с.
4. Кораблина, Е.П., Пашкин, С.Б. Е.П. Лисовская, Н.Б. Психологическая готовность к профессиональной деятельности у представителей правоохранительных органов Российской Федерации. Текст научной статьи по специальности «Психологические науки» – 2020. – // Образовательный вестник «Сознание» ISSN Печатный: Электронный: 2226-7417/ № 6 (22)
5. Максимова, Н.Ю. Психолого-педагогическое обеспечение мотивационной готовности студентов к профессиональной деятельности / Н.Ю. Максимова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1(2). – С. 37-41.
6. Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) / в кн.: Бадмаева, Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей / Н.Ц. Бадмаева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – С.151-154.
7. Пилюгина, Е.И. Социально-психологические особенности профессиональной мотивации студентов вуза / Е.И. Пилюгина, О.В. Бережнова // Современная психология: матер. междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 87-89.
8. Попова, И.П. Невостребованная «Востребованная профессия» в карьерах выпускников-юристов / И.П. Попова // Высшее образование в России. – 2014. – № 1. – С. 45-54.
9. Рожков, Е.М. Мотивация достижения успеха и избегания неудач в работах отечественных и зарубежных ученых / Е.М. Рожков // Современная наука. – 2014. – № 3. – С. 44-46.
10. Рубанова, Е.Ю. Психологическая готовность выпускников ВУЗа к профессиональной деятельности / Е.Ю. Рубанова // Ученые заметки ТОГУ. – 2011. – Т. 2; № 1. – С. 53-62.
11. Сагеева, Е.Р. Мотивационная готовность студентов к будущей профессиональной деятельности и проблемы ее изучения / Е.Р. Сагеева, О.А. Анিকেенок // КПЖ. – 2011. – № 3. – С. 78-83.
12. Сластенин В.А. Психология и педагогика /Сластенин В.А. Каширина В.П.//М.: Издательство Юрайт - 2013. – С.593-601.
13. Травникова, Г.Н. К вопросу о динамике факторов привлекательности профессии юриста у студентов вуза / Г.Н. Травникова // МНКО. – 2020. – № 1(80). – С. 89-91.
14. Шарова, Е.Н. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества: на примере Мурманской области: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.Н. Шарова. – Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т, 2012. – 25 с.

© Соколова Алена Ивановна (alena_sokolova@mail.ru), Кораблина Елена Павловна, Тарасова Юлия Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА КАРЬЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ КАРЬЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Таусенева Мария Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
tausenevams@gmail.com

Гуриева Светлана Дзахотовна

Д.псих.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
tausenevams@gmail.com

THE SPECIFICS OF CAREER DESIGN AND THE POSSIBILITY OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE CAREER DESIGN OF YOUNG SPECIALISTS

**M. Tauseneva
S. Gurieva**

Summary: The article discusses the specifics of career design and the possibility of socio-psychological support for the career design of young specialists. It is noted that the career development of young specialists is determined by the presence of a certain amount of knowledge, socio-psychological characteristics and professionally significant personal qualities. The importance of social and psychological support for young specialists is considered. Depending on the degree of integrity of career ideas, experience, awareness of career choices and understanding of the career path, the possibilities of social and psychological support of young specialists are presented. It is noted that the possibilities of social and psychological support are determined by the level of formation of career ideas. It was revealed that the directions of work within the framework of social and psychological support of young specialists are implemented at different levels: cognitive; communicative; reflective; motivational; behavioral; personal.

Keywords: career design, young specialists, social and psychological support.

Аннотация: В статье рассматривается специфика карьерного конструирования и возможности социально-психологического сопровождения карьерного конструирования молодых специалистов. Отмечено, что карьерное конструирование молодых специалистов определяется наличием определенного объема знаний, социально-психологическими особенностями и профессионально значимыми личностными качествами. Рассмотрена важность социально-психологического сопровождения молодых специалистов. В зависимости от степени целостности карьерных представлений, опыта, осознанности карьерного выбора и пониманию карьерного пути представлены возможности социально-психологического сопровождения молодых специалистов. Отмечено, что возможности социально-психологического сопровождения определяются уровнем сформированности карьерных представлений. Выявлено, что направления работы в рамках социально-психологического сопровождения молодых специалистов реализуются на разных уровнях: когнитивном; коммуникативном; рефлексивном; мотивационном; поведенческом; личностном.

Ключевые слова: карьерное конструирование, молодые специалисты, социально-психологическое сопровождение.

В современном обществе наблюдаются противоречия между традиционными взглядами на позицию молодого специалиста как неопытного, недостаточно подготовленного выпускника образовательного учреждения и реальной ситуацией на рынке труда. Более половины выпускников объективно оценивают свое положение как работника, ориентируются при выборе работы не на уровень заработной платы, а на возможности карьерного роста, самореализации [5]. При этом значительную роль играют мотивация, адаптационные способности к новым условиям труда, обучаемость, профессионально значимые личностные качества.

Сфера карьерного конструирования тесно связана с направлениями изучения мотивации профессиональной деятельности в системе управления карье-

рой, адаптационных способностях к профессиональной деятельности.

Карьерное конструирование можно рассматривать как одно из направлений управления человеческими ресурсами, включающая мотивацию к управлению карьерой [12; 13], развитие организации при правильном карьерном движении сотрудников [8] мотивы выбора профессии, содержания трудовой деятельности и места работы [4].

По мнению М. Armstrong, выбор карьерного пути основан на установках личности по отношению к содержанию профессии, внутренних ценностях, представлениях о профессии в целом, что является основой приверженности сотрудников в организации и способствует более

осознанной профессиональной деятельности [9].

В этой связи мотивация профессиональной деятельности является одним из значимых составляющих системы управления карьерой в организации прежде всего молодых специалистов и должна соответствовать ценностям сотрудника, формированию квалифицированного мотивированного персонала [15; 9], [18].

Другая позиция охватывает взаимосвязь карьерного конструирования и адаптационных способностей специалистов. По мнению Schein, Oosthuizen et al., предоставленная сотрудникам возможность видеть результаты адаптации к новым трудовым требованиям, специфике и содержанию работы, позволяет оценить свои способности как профессионала, возможность в получении новых профессиональных навыков и развитии компетенций, а также определить индивидуальную карьерную траекторию [19; 18].

В исследованиях М.О. Латуха, Bauer, Kammeier-Mueller et al. отмечается, что наиболее важными в выборе продолжения работы в организации является адаптационный период в первые три месяца [6; 11; 17]. В связи с этим на этапе отбора персонала необходимо получать информацию о карьерных предпочтениях, ценностях и внутренних ожиданиях кандидатов, сравнивать их с возможностями самой организации, особенностями существующего кадрового состава, что позволит определить степень возможного закрепления молодого специалиста в компании. Соответственно, важным является прогнозирование результатов адаптации персонала, оценка их профессионального и карьерного развития [10; 14]).

Е.Н. Schein предложил концепцию «якорей карьеры» [19], которая позволяет определить способности, мотивы и ценности сотрудников, их личностные установки в рамках конструирования карьеры.

Н.В. Волкова, В.А. Чикер рассматривали карьерные ориентации с целью определения профессиональной мотивации в зависимости от сферы деятельности, профессионального статуса и пола респондентов [2; 3; 7].

В.А. Чикер, Н.В. Васина, М.В. Бучацкая, М.В. Капранова изучали формирование карьерных представлений с точки зрения гендерных различий [1; 7]. В рамках данных исследований выявлено, что карьерное конструирование тесно связано с содержанием профессиональной деятельности, мотивацией, личностными характеристиками, характеризуются устойчивостью и социальной направленностью.

М. Snyder разработал теорию самомониторинга, в основе которой лежит субъектная адаптация к соци-

альной и профессиональной среде, проявляющаяся в одобрении создаваемого образа социальной ситуации и гибкости в межличностных и профессиональных коммуникациях [20].

Исходя из вышеизложенного, целесообразно сделать вывод о том, что карьерное конструирование молодых специалистов определяется наличием определенного объема знаний, социально-психологическими особенностями и профессионально значимыми личностными качествами. Соответственно, особую важность приобретает социально-психологическое сопровождение молодых специалистов, которое позволяет:

- выстроить карьерное конструирование на индивидуальном уровне и уровне организации;
- учитывать этапы развития молодого специалиста как сотрудника (этап профессиональной подготовки, адаптации, развития, совершенствования);
- учитывать социально-психологические особенности молодого специалиста (ценности, карьерные ориентации, мотивы, мотивацию, знания и др.);
- использовать разные методы изучения данных характеристик и методы формирования карьерного конструирования.

В зависимости от степени целостности карьерных представлений, опыта, осознанности карьерного выбора и пониманию карьерного пути целесообразно представить возможности социально-психологического сопровождения молодых специалистов (табл.1).

На основе представленных возможностей социально-психологического сопровождения молодых специалистов следует отметить, что направления работы реализуются на разных уровнях:

- когнитивном (комплекс знаний, полученных при обучении в ВУЗе и знаний, специфичных для конкретной организации);
- коммуникативном (взаимодействие с потенциальными и существующими работодателями, с членами коллектива);
- рефлексивном (способность к объективному оцениванию своих способностей и возможностей в профессиональном развитии);
- мотивационном (стремление развиваться профессионально);
- поведенческом (выявление неэффективных моделей поведения при поиске работы, в коллективе);
- личностном (способность к самостоятельному определению своего карьерного пути).

Таким образом, на основе вышеизложенного целесообразно сделать следующие выводы.

1. Специфика и содержание карьерного конструирования имеет особенности на каждом уровне карьерных представлений. На теоретическом

Уровни сформированности карьерных представлений и возможности социально-психологического сопровождения молодых специалистов

Уровни сформированности карьерных представлений	Характеристика особенностей карьерного конструирования	Направления социально-психологического сопровождения	Цель социально-психологического сопровождения
Теоретический	Отсутствие целостности и обрывистость карьерных представлений Характер описания работы имеет вид «отчета о проделанной работе» В большей степени эмоционально-оценочное отношение к работе Постоянные сомнения	Беседа Наблюдение в непосредственной профессиональной деятельности Инструктаж Диагностика личного и профессионального развития Наставничество	Понимание содержания, задач работы, своей роли в организации, в коллективе Определение зон роста Определение карьерных ориентаций, мотивации к работе
Интерпретативный	Недостаточная целостность карьерных представлений Незавершенность профессиональной ситуации Неуверенность в своем карьерном выборе Недостаточная адаптация к содержанию и условиям рабочего процесса	Инструктаж Проблемные ситуации Коучинг Рефлексия Развитие на рабочем месте Наставничество	Достижение успешности Определение критериев собственной успешности Определение зон роста Определение путей карьерного развития
Рефлексивный	Целостность Развернутость Конкретное содержание и результат работы Осознанная профессиональная позиция Эмоционально-оценочное отношение к работе Наличие четких критериев успешности как профессионала Осознанность своей статусности	Коучинг Индивидуальный план развития Ориентация на личностное развитие	Личностное и профессиональное развитие Определение зон роста Саморазвитие Определение стратегий и путей карьерного роста

уровне у молодого специалиста наблюдается отсутствие целостности образа дальнейшей карьеры, сохраняется эмоционально-оценочное отношение к работе в целом, к профессии, молодой специалист сомневается в карьерном выборе, мотивация во многом зависит от наличия желания работать в данной сфере в целом, оцениваются само содержание и условия работы. На интерпретативном уровне молодой специалист осознает незавершенность профессиональной ситуации, наблюдается неопределенность в выборе профессии, сферы деятельности, организации, сложности в адаптации к содержанию работы. На рефлексивном уровне молодой специалист получил достаточно знаний, опыта для осознанного понимания своей профессиональной позиции, имеет четкое представление о своем карьерном пути, может адекватно определить зоны роста и способы их корректировки для достижения цели.

2. Возможности социально-психологического сопровождения определяются уровнем сформированности карьерных представлений. На теорети-

ческом уровне для молодого специалиста важно понять свое предназначение как специалиста, определить свое карьерные устремления, определить пути дальнейшего профессионального развития. Для решения данных задач эффективными направлениями сопровождения будут инструктаж, беседа, консультация, наставничество. На интерпретативном уровне наибольшую эффективность приобретают анализ проблемных ситуаций, коучинг, рефлексия, развитие на рабочем месте, наставничество, направленные на выявление зон роста в профессиональном развитии и их корректировки. На рефлексивном уровне для молодого специалиста важен индивидуальный план личностного и профессионального развития с акцентом на развитие профессионально значимых личностных качеств для карьерного роста.

3. Основными методами работы с молодыми специалистами в содержании социально-психологического сопровождения могут стать собеседование, коучинг, беседа по итогам первой недели работы в компании, составление индивидуального

плана личностного развития (коммуникативный, личностный, рефлексивный компоненты); наставничество с руководителем на рабочем месте (поведенческий, рефлексивный, мотивационный и коммуникативный компоненты); обучение по

продукту / услугам компании, стандартам работы и т.д. (когнитивный, личностный, мотивационный, коммуникативный, рефлексивный компоненты); конструктивная обратная связь по итогам работы (достижения / неудачи, качество работы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Васина Н.В., Буцацкая М.В., Капранова М.В. Психологическое содействие карьерному росту субъекта труда в процессе профессионального становления // *Человеческий капитал*. - 2014. - № 11(71). - С. 79-81.
2. Волкова Н.В., Чикер В.А. Адаптация персонала в российских организациях: различия профессиональной мотивации и уровня самомониторинга представителей трех поколений (на материале компаний г. Санкт-Петербурга) // *Вестник Московского ун-та. Сер. 14.* – 2015. - № 4. С. 21-38.
3. Волкова Н.В., Чикер В.А. Особенности карьерной мотивации в контексте теории поколений: результаты эмпирического исследования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. - 2016. - №4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kariernoj-motivatsii-v-kontekste-teorii-pokoleniy-rezultaty-empiricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 08.04.2021).
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2011. – 248 с.
5. Казанцева Е.Е. Особенности кадровой политики при работе с представителями разных поколений // *Управление человеческим потенциалом*. - 2014. - № 1. - С. 14-20.
6. Латуха М.О. Управление талантливыми сотрудниками: теоретические подходы и опыт российских компаний // *Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент*. - 2014. - № 4. - С. 46-67.
7. Почебут Л.Г., Гуриева С.Д., Чикер В.А. Прогностическая модель социально-психологических факторов укрепления доверия в организации // *Социальная психология и общество*. -2018. -Т.9. -№1. -С. 22-42.
8. Тарарухина О.В., Гуриева С.Д. Развитие методологии изучения межличностных отношений в социальной психологии // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова*. -2016. -№1. -С. 101-107.
9. Armstrong M. *A Handbook of Human Resource Management Practice*. - London, Kogan Page, 2006. – 189 p.
10. Ashforth B., Saks A. Organizational Socialization: Making Sense of the Past and Present as a Prologue for the Future // *Journal of Vocational Behavior*. - 1997. -Vol. 51. - Pp. 234-279.
11. Bauer T. Onboarding New Employees: Maximizing Success. - SHRM Foundation, 2010. - URL: <http://www.shrm.org/about/foundation/products/Documents/Onboarding%20EPG-%20FINAL.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Clarke M. Understanding and Managing Employability in Changing Career Contexts // *Journal of European Industrial Training*. - 2008. - Vol. 32. - Pp. 258-284.
13. Cullen L., Christopher T. Career Progression of Female Accountants in the State Public Sector // *Australian Accounting Review*. - 2012. - Vol. 22. - Pp. 68-85.
14. Field R., Coetzer A. The Effects of Organizational Socialization on Individual and Organizational Outcomes: A Review of the Literature and Directions for Future Research // *Labour, Employment and Work in New Zealand. Proceedings of 2008 Labour, Employment and Work Conference in New Zealand*. - 2008. - Pp. 524-533. URL: <https://ojs.victoria.ac.nz/LEW/article/view/1673> (дата обращения: 01.04.2021).
15. Igbaria M., Kassicieh S.K., Silver M. Career Orientations and Career Success among Research, and Development and Engineering Professionals // *Journal of Engineering and Technology Management*. - 1999. - Vol. 16. - Pp. 29-54.
16. Gubler M., Biemann T., Tschopp, C., Grote, G. How Career Anchors Differentiate Managerial Career Trajectories: A Sequence Analysis Perspective // *Journal of Career Development*. - 2015. - Vol. 42. - Pp. 412-430.
17. Kammeyer-Mueller J., Wanberg C., Rubenstein A., Song Z. Support, Undermining, and Newcomer Socialization: Fitting during the First 90 Days // *Academy of Management Journal*. - 2013. - Vol. 56. - Pp. 1104-1124.
18. Oosthuizen R.M., Coetzee M., Mntonintshi F. Investigating the Relationship between Employees' Career Anchors and Their Psychosocial Employability Attributes in a Financial Company: Original Research // *SA Journal of Human Resource Management*. - 2014. - Vol. 12. - Pp. 1-10.
19. Schein E.H. Career Anchors Revisited: Implications for Career Development in the 21st Century // *The Academy of Management Executive*. - 1996. - Vol. 10. - Pp. 80-88.
20. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1974. - Vol 30. - Pp. 526-537.

© Таусенева Мария Сергеевна (tausenevams@gmail.com), Гуриева Светлана Дзахотовна (tausenevams@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕТВОРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

**PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL
PROVISIONS AS A TOOL
FOR IMPLEMENTING INNOVATIVE
EDUCATIONAL TECHNOLOGIES
OF PHYSICAL EDUCATION
IN THE EDUCATIONAL AND TRAINING
PROCESS IN DISTANCE LEARNING**

**O. Tsyganenko
O. Markova
T. Velichko
A. Smirnov**

Summary: The article is devoted to the analysis of the experience of implementing distance education in the educational process on the example of the Bauman Moscow State Technical University. The main aspects of the introduction of innovative educational technologies in various programs and areas of professional education training are considered. The research is conducted in the use of pedagogical and psychological innovative educational technologies of physical education of students in the framework of the distance learning and training process. At the same time, the emphasis is placed on the tasks of the teacher of physical culture in the implementation of the principles of inclusion of students in the system of distance education. Practical recommendations for the introduction of innovations in the distance learning process in physical culture have been developed. New approaches to the formation of a stable motivation of students to engage in physical culture and sports are analyzed.

Keywords: educational and training process, innovations, distance education, students, psychological and pedagogical support.

Основные принципы государственной политики в сфере образования, изложенные в новом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», закрепляют за обучающимися право свободы выбора получения образования согласно их склонностям и потребностям, исходя из индивидуальных и психофизиологических возможностей человека. В статье 13 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» сказано, что при реализации образовательных программ используются различные об-

Цыганенко Олеся Сергеевна
старший преподаватель, Московский Государственный
Технический Университет им. Н.Э. Баумана.
ustimenko-o@mail.ru

Маркова Ольга Александровна
старший преподаватель, Московский Государственный
Технический Университет им. Н.Э. Баумана
markovaoa75@mail.ru

Величко Татьяна Ивановна
К.б.н., доцент, Московский Государственный Технический
Университет им. Н.Э. Баумана
tivelichko@mail.ru

Смирнов Алексей Геннадьевич
Доцент, Московский Государственный Технический
Университет им. Н.Э. Баумана.
eismont2@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу опыта внедрения дистанционного образования в учебный процесс на примере МГТУ им. Н.Э. Баумана. Рассмотрены основные аспекты внедрения инновационных образовательных технологий в различные программы и направления подготовки профессионального образования. Проведено исследование в использовании педагогических и психологических инновационных образовательных технологий физического воспитания студентов в рамках дистанционного учебно-тренировочного процесса. Одновременно сделан акцент на задачах преподавателя физической культуры в реализации принципов включения студентов в систему дистанционного образования. Разработаны практические рекомендации по внедрению инноваций в дистанционный процесс обучения по физической культуре. Анализируются новые подходы к формированию устойчивой мотивации студентов к занятиям физической культурой и спортом.

Ключевые слова: учебно-тренировочный процесс, инновации, дистанционное образование, студенты, психолого-педагогическое сопровождение.

разовательные технологии, в том числе дистанционные образовательные технологии, электронное обучение. Тем самым закон разрешает использование и внедрение новых дистанционных образовательных технологий в различные программы и направления подготовки профессионального образования [5, гл.13].

В связи с этим, перед высшей школой поставлена задача создания необходимых условий получения качественного высшего образования, на основе специаль-

ных педагогических подходов, в том числе посредством организации дистанционного образования.

Дистанционное обучение является специфической формой получения образования, которая, как указывают в своей работе О.Б. Колесникова, Н.Н. Пьянзина и М.Г. Шнайдер, может наряду с другими формами результативно применяться в системе высшего образования. В образовательном процессе применяются как традиционные, так и инновационные средства обучения, в основе которых лежит применение компьютерной техники, телекоммуникаций и других современных информационных технологий [2, С. 24].

Для того, чтобы дистанционное обучение было эффективным, необходимо наличие сильной мотивации у обучающегося. Как справедливо отмечается в статье И.А. Кислухиной: «Поддерживать необходимый ритм занятий, сохранять работоспособность и воспринимать большое количество новой информации без внешнего контроля удаётся далеко не всем» [1, С. 7].

Вследствие этого, важнейшим положением дистанционного обучения в МГТУ им. Н.Э. Баумана является психолого-педагогическое сопровождение студентов. Цель работы преподавателя в вузе в целом, и преподавателя предмета «Физическая культура и спорт» в частности, в формате дистанционного образования заключается в психолого-педагогической и методологической помощи при реализации студентами своих способностей в учебно-образовательном и тренировочном процессе в бытовых условиях, при наличии методических рекомендаций, выработанных на основе результатов превентивных онлайн-соревнований с учетом психолого-педагогических особенностей обучающихся.

Задача преподавателя предмета физическая культура: создать условия для освоения студентами, принадлежащих к различным медицинским группам, необходимых умений и навыков в создаваемой физкультурно-образовательной среде вуза, обеспечивающих успешную адаптацию студентов к учебному дистанционному процессу.

Исходя из вышеизложенного, была сформулирована цель исследования: определение организационных основ преподавания предмета «Физическая культура и спорт» в дистанционном формате на основе инновационного подхода.

Перед началом исследования была выдвинута гипотеза, что внедрение инновационных технологий в учебно-тренировочный процесс в период дистанционного обучения нужно, поскольку будет способствовать повышению мотивации и приращению результатов по предмету «Физическая культура и спорт», и возможно при со-

блюдении определенных условий:

1. становление эффективно функционирующей мобильной системы в рамках дистанционного учебно-тренировочного процесса в формировании мотивации к достижению высоких спортивных результатов для студентов спортивных специальностей в условиях самоизоляции;
2. формирование здоровьесберегающей компетенции, мотивации на здоровый образ жизни в условиях карантинных мер для студентов, входящих в группы лечебно-оздоровительной физкультуры;
3. организация офлайн-соревнований с соблюдением всех предписанных санитарных норм до начала эксперимента и по его завершении;
4. проведения скрупулезного онлайн-исследования психолого-педагогического состояния обучающихся;
5. непрерывное методическое и психолого-педагогическое сопровождение студентов во время обучения в дистанционном формате.

Исследование явилось основой **для выявления психолого-педагогических особенностей студентов** первого - третьего курса МГТУ им. Н.Э. Баумана, которые являлись **объектами исследования**. **Предметом исследования** являлись: дистанционное обучение студентов в рамках программы по лечебно-оздоровительной физической культуре и дистанционный тренировочный процесс студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана, как составная часть студенческого спорта.

Для достижения цели исследования и проверки истинности гипотезы необходимо было решить следующие **задачи**:

1. организовать офлайн-соревнование с соблюдением всех предписанных санитарных норм для студентов спортивных специальностей до начала эксперимента и по его завершении;
2. организовать онлайн-тестирование физического состояния обучающихся в специальных медицинских группах;
3. проводить регулярное онлайн психолого-педагогическое тестирование всех обучающихся;
4. составить алгоритм действий преподавателя предмета «Физическая культура и спорт» для студентов, обучающихся в специальных медицинских группах;
5. составить алгоритм действий преподавателя предмета «Физическая культура и спорт» для студентов спортивных специализаций;
6. провести анализ результатов, полученных до начала и после завершения эксперимента;
7. выработать ряд практических рекомендаций по внедрению инноваций в дистанционный процесс обучения физической культуре.

Для определения физического состояния студентов спортивной специализации были проведены офлайн-соревнования, результаты обработаны и соотнесены с результатами, представленными в «Паспорте физической подготовленности студента», с целью формирования на основе последнего персональной оздоровительной или учебно-тренировочной программы.

Необходимо особо отметить, что «Паспорт физической подготовленности студента» – это оригинальный, формализованный документ, в котором представлена количественная оценка всех показателей до нозологического диагностического обследования (от греч. *diagnostikos* – способный распознавать и греч. *posos* – болезнь), основанного на сравнении с нормативами возрастной статистической модели, а также наглядно отражаются психофизические особенности отдельного студента и обозначаются целесообразные направления физического развития.

Во время исследования психофизиологических особенностей студентов, обучающихся как по спортивным специализациям, так и по линии лечебно-оздоровительной физической культуры, были использованы методы, перечисленные ниже.

Тесты-опросники, которые позволили получить информацию о свойствах темперамента и косвенно о свойствах нервной системы. Тесты составлены авторами статьи, и основаны на методике регулятивной (регулирующей) теории темперамента польского психолога Яна Стреляу, которая была разработана в 1974 на основе концепции Павлова о том, что темперамент играет важную роль в адаптации индивида к окружающей среде, а также на основе понятия оптимального уровня возбуждения, разработанного Д. Хеббом [6, С. 156-161]. Тест проводился онлайн, в начальный период исследования

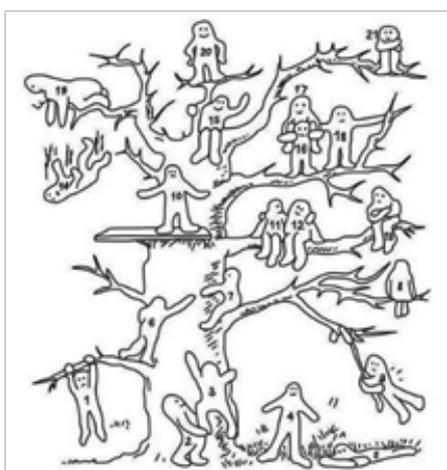


Рис. 1.

2. Проективные графические тесты «Дерево» и «Дерево с человечками», для анализа эмоционального состояния и получения отклика на какую-то конкретную ситуацию, и выявление психологических особенностей обучающихся и их психического самочувствие. Тест проводился онлайн, два раза в месяц. Примеры указанных тестов, впервые представленные швейцарским консультантом Э. Жюккерт, и известным британским психологом Пипом Уилсоном, соответственно приводятся ниже, на рисунках 1 и 2.

Наблюдение – схема наблюдения в период дистанционного обучения по холистической методологии интегрального исследования индивидуальности профессора В.С. Мерлина [3].

Для психической регуляции студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), при инклюзивном образовании применялись дыхательные практики. Основываясь на данных ученых – нейробиологов, в частности, американцев Льюиса Кохана, Дэвида Поппеля и практике японца Ниши Кацудзо, в комплекс дыхательных упражнений было включено упражнение с голосовыми эффектами [4, С.20-23].

При проведении исследований соблюдались следующие условия:

1. исследования проводились в первой половине дня в домашних условиях, которые являлись **базой исследования**;
2. инструкцию по выполнению задания давал один человек, в данном случае авторы статьи;
3. для формирования положительной установки обучающихся им предварительно подробно разъяснялся смысл и значение исследований.

Данное исследование **актуально** в настоящее время в связи с дистанционной работой многих учреждений системы высшего образования.

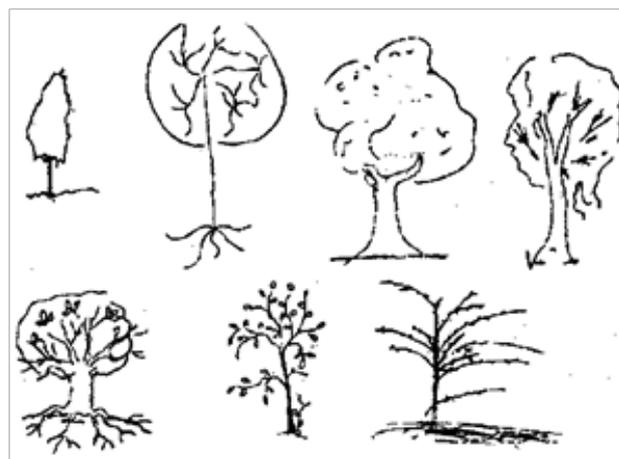


Рис. 2.

Поскольку образовательный процесс является передачей информации от преподавателя к студенту, являющемуся потребителем данной информации, следовательно, на технологическом уровне образования решаются различные целевые задачи, к которым относятся: набор методов и средств образовательной деятельности, адекватно соответствующих в данном случае содержанию, целям и задачам учебно-тренировочного процесса в вузе.

Инновационные образовательные технологии, как показывает практика — это особые технологии, реализации которых в образовательном процессе необходимо обучаться и которые нужно непрерывно совершенствовать.

Следует отметить, что инновационные технологии обучения, которые активно применяются в учебном процессе в МГТУ им. Н.Э. Баумана, как для обучающихся спортивных специализаций, так и для студентов с ограниченными возможностями здоровья, рассматриваются как инструмент, с помощью которого новая образовательная парадигма может и должна быть претворена в повседневный учебно-тренировочный процесс, как при очной, так и при дистанционной форме обучения.

Сущность такого обучения состоит в ориентации учебного процесса, как на потенциальные возможности студентов, так и на процессы их реализации. Преподавание предмета «Физическая культура и спорт» в современных условиях предполагает развитие механизмов инновационной деятельности, творческие поиски

способов решения важных проблем, превращение физической активности в норму и форму существования обучающихся.

В учебно-тренировочном процессе в МГТУ им. Н.Э. Баумана и ранее активно применялись различные образовательные ресурсы: создание презентаций с комплексами упражнений, ведение электронных дневников самоконтроля, переход на дистанционное обучение в период карантинных мер в связи с пандемией сделал этот процесс актуальнее.

В ходе исследования изучены данные участия студентов в онлайн-соревнованиях по общей физической подготовке, а также проведен сравнительный анализ итоговых протоколов. Исходные показатели наглядно демонстрируют отрицательную динамику среднего результата в контрольных испытаниях, однако организаторами соревнований отмечено, что значительно возросло количество участников, что частично подтверждает истинность гипотезы, выдвинутой в начале исследования. Внедрение инноваций в учебно-тренировочный процесс способствует формированию устойчивой мотивации студентов к занятиям физической культурой и спортом. Сравнительные результаты представлены ниже, в таблицах 1 и 2.

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что в процессе дистанционного обучения, обучающиеся приучаются к самостоятельности и дисциплине. К примеру, студенты по личной инициативе помимо заданного присылали преподавателю видео с выполняемой ими утренней гимнастикой.

Таблица 1.

Оценка тестов для мужчин, до дистанционной работы (ДР) и во время ДР

Контрольное испытание/место	Пресс 60сек (раз)		Отжимание (раз)		Присед за 60сек (раз)	
	до ДР	ДР	до ДР	ДР	до ДР	ДР
5	56	54	44	40	70	63
4	55	53	35	35	68	61
3	52	52	33	30	64	60
2	46	45	30	21	60	58
1	45	44	20	15	59	56

Таблица 2.

Оценка тестов для женщин, до дистанционной работы (ДР) и во время ДР

Контрольное испытание/место	Пресс 60сек (раз)		Отжимание (раз)		Присед за 60сек (раз)	
	до ДР	ДР	до ДР	ДР	до ДР	ДР
5	55	53	18	10	60	46
4	53	43	15	8	57	43
3	50	42	7	6	56	42
2	49	37	6	5	49	41
1	43	36	5	5	38	40

Во время дистанционной работы у студентов возросло стремление к качественному выполнению задания. Зная, что в онлайн формате норматив на результат приниматься не будет, студенты стали соревноваться в правильности выполнения упражнений, что в свою очередь, стало основой для успешных результатов в дальнейшем. Студенты из специальных медицинских групп творчески отнеслись к возможности замены спортивного инвентаря предметами из обычного домашнего обихода.

Несколько неожиданным для авторов стал тот факт, что обучающиеся из специальных медицинских групп, которые заметно робели и стеснялись на занятия в спортивном зале, раскрепощались в условиях самоизоляции, без психологических неудобств и комплексов, выполняя задания на видеокамеру, демонстрируя стремление к повышению физических нагрузок.

Увеличение количественно теоретического материала, не только не уменьшил, но даже повысил интерес обучающихся к здоровому образу жизни и самостоятельным занятиям предмету. Во время дистанционного формата обучения возросло количество времени на индивидуальную работу с каждым студентом, что было отмечено восьмьюдесятью семи процентами обучающихся.

Тестирования, проводимые во время исследования, подтвердили правильность гипотезы, выдвинутой в начале исследования и подтвердили повышение мотивации на здоровый образ жизни в условиях карантинных мер для студентов, входящих в специальные медицинские группы.

Авторами статьи были составлены «Алгоритм действий преподавателя предмета «Физическая культура и спорт» для студентов, обучающихся в специальных медицинских группах» и «Алгоритм действий преподавателя предмета «Физическая культура и спорт» для студентов, обучающихся по спортивным специализациям».

«Алгоритм действий преподавателя основ физического воспитания при реализации дистанционного обучения студентов специальных медицинских групп» состоит в следующем:

- ознакомиться в медицинском центре МГТУ им. Н.Э. Баумана с диагнозом и степенью тяжести заболевания обучающихся в специальных медицинских группах;
- скрупулезно изучить показания и противопоказания двигательной активности при указанном заболевании;
- провести онлайн тестирование физического и психологического состояния обучающихся;

- составить и обосновать эффективность комплексов физических упражнений;
- запланировать воздействия комплексов физических упражнений;
- порекомендовать подручные средства для выполнения определенных физических упражнений;
- отслеживать ограничение нагрузки с учетом принципов сбалансированности и дозированной физической активности;
- определять объем индивидуальных заданий на дистанционном занятии по физической культуре;
- проводить онлайн консультативную работу с обучающимися и с семьями студентов, если таковые имеются;
- контролировать соблюдения принципов здоровьесбережения при дистанционном обучении.

«Алгоритм действий преподавателя основ физического воспитания при реализации дистанционного обучения студентов спортивных специализаций» заключается в следующем:

- организовать и провести онлайн-соревнования с соблюдением всех предписанных санитарных норм до начала эксперимента и по его завершении;
- провести онлайн тестирование физического и психологического состояния обучающихся;
- обработать полученные результаты и сравнить с результатами, представленными в «Паспорте физической подготовленности студента»;
- сформировать на основе «Паспорте физической подготовленности студента» персональные учебно-тренировочные планы;
- запланировать воздействия комплексов физических упражнений;
- определять объем индивидуальных заданий на дистанционном занятии;
- контролировать выполнение комплекса упражнений для поддержания спортивной формы при дистанционном обучении.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное представляется возможным сделать следующий вывод: исследование, проведенное на базе кафедры «Физическая культура и спорт» МГТУ им. Н.Э. Баумана, доказало, что претворение педагогических и психологических инновационных образовательных технологий физического воспитания студентов в формате дистанционного обучения не заменяет полностью очного обучения, но делает возможным и достаточным становление эффективно функционирующей мобильной системы в рамках дистанционного учебно-тренировочного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислухина, И.А. Использование дистанционных образовательных технологий в системе высшего образования: проблемы и перспективы / И.А. Кислухина // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 9 (103). – С. 7–26.
2. Колесникова, О.Б. Использование дистанционных технологий по дисциплине «Физическая культура и спорт» у студентов вуза / О.Б. Колесникова, Н.Н. Пьянзина, М.Г. Шнайдер // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2019. – №10. – С. 23–30.
3. Мерлин, В.С. // Психология индивидуальности. – М. –Воронеж. – 1996.
4. Ниши, К. Дыхательные практики // Санкт-Петербург: Вектор. – 2010. –157с.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ. М.: Проспект – 2013. –160 с.
6. Стреляя, Я. Роль темперамента в психическом развитии. Монография / М: Прогресс. –1982. –231с.

© Цыганенко Олеся Сергеевна (ustimenko-o@mail.ru), Маркова Ольга Александровна (markovaoa75@mail.ru),
Величко Татьяна Ивановна (tivelichko@mail.ru), Смирнов Алексей Геннадьевич (eismont2@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «ПОСТОЯННЫХ» И «ВРЕМЕННЫХ» МИГРАНТОВ¹

Чернов Александр Юрьевич

Д.псих.н., доцент, с.н.с., Волгоградский государственный университет; профессор, РАНХГИС (Волгоградский филиал)
achernov1@yandex.ru

FEATURES OF THE PERSONAL IDENTITY OF "PERMANENT" AND "TEMPORARY" MIGRANTS

A. Chernov

Summary: Personal identity of migrants is one of the factors of their successful adaptation to new cultural and social conditions for them. An important characteristic of the personal identity of migrants is the level of coherence of value and semantic components, as well as self-relation. The study recorded a higher level of consistency of personal identity of the «permanent» migrants, which indicates its distinctness to the time factor in a new environment for migrants. The content of personal identity is interconnected with psychological phenomena, revealing the features of the experiences of migrants of intrapersonal conflict. This relationship is different in different ways in the groups of "temporary" and "permanent" migrants. An important trend can be considered that in permanent migrants with the accumulation of interaction experience with a new social medium for them, the increase in the coherence of personal identity is associated with a more apparent manifestation of sociocentric orientation, as a method of resolving the intrapersonal conflict.

Keywords: temporary migration, constant migration, personal identity, coherence of personal identity, intrapersonal conflict.

Аннотация: Личностная идентичность мигрантов является одним из факторов их успешной адаптации к новым для них культурным и социальным условиям. Важной характеристикой личностной идентичности мигрантов выступает уровень согласованности ценностных и смысловых компонентов, самоотношения. В исследовании зафиксирован более высокий уровень согласованности личностной идентичности у «постоянных» мигрантов, что свидетельствует о ее опосредованности фактором времени, проведенным в новой для мигрантов среде. Содержание личностной идентичности взаимосвязано с психологическими феноменами, раскрывающими особенности переживания мигрантами внутриличностного конфликта. Эта взаимосвязь по-разному проявляется в группах «временных» и «постоянных» мигрантов. Важной тенденцией можно считать то, что у постоянных мигрантов с накоплением опыта взаимодействия с новой для них социальной средой рост согласованности личностной идентичности сопряжен с более очевидным проявлением социоцентрической ориентации, как способа разрешения внутриличностного конфликта.

Ключевые слова: временная миграция, постоянная миграция, личностная идентичность, согласованность личностной идентичности, внутриличностный конфликт.

Введение: теоретическое обоснование исследования

Дисциплинарные и тематические аспекты изучения миграции и мигрантов весьма разнообразны. Предметом исследования выступают культурные, политические, экономические, демографические и иные факторы, воздействие которых на миграционные процессы анализируется с разных методологических позиций и с привлечением специфических эмпирических данных.

Отмечается, что психологическая адаптация опосредована этнической идентичностью, то есть восприятием, пониманием и оценением индивидом своей принадлежности к этнической общности [8;9]. При этом этническая идентичность, как переживание отношения человека и его этнической среды, не может быть изоли-

рована от личностной идентичности, которая трактуется как отношение человека к самому себе, формирующегося в ходе социального взаимодействия, становясь, таким образом, компонентом самосознания [10]. Личностная идентичность конструируется в формальных проявлениях психолого-феноменологического комплекса, составляющими которого являются общение, опыт и роли, порождающие идентичность, а также речь, через которую идентичность выражается [14; 22].

Личностная идентичность связана с множеством взаимодействий и отношений человека. Таким образом, личностная идентичность мигрантов есть продукт интерпретации ими ситуаций, с которыми они сталкиваются и поведения «действующих лиц», с которыми вступают во взаимодействие [21]. С. Бонева и И. Фризе указывают на наличие «иммиграционного синдрома» как одного из факторов, определяющих миграционное поведение. В

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации Волгоградской области (грант № 19-413-340015 p_a)

частности, опираясь на результаты собственных исследований, авторы показывают, что его содержание включает специфическое сочетание мотивации достижений и мотивации аффилиации [16]. Ряд авторов указывают на значимость таких процессов, как «самосбывающиеся пророчества», «стигматизация», «угроза сложившимся стереотипам» [20].

Личностная идентичность не изолирована от личности в целом. Она взаимосвязана с конструктами, характеризующими индивидуальные особенности субъекта, которые, в свою очередь являются индикаторами его психологической адаптированности и переживания психологического благополучия. Один из таких индикаторов – внутриличностный конфликт, актуализирующий противоречия различных психических образований, затрагивающий, в том числе, сферу персональной идентичности. Как отмечает Е.Б. Фанталова, состояние внутреннего конфликта — это, прежде всего, состояние «разрыва» в системе «сознание-бытие», а именно разрыва между потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности [2; 6; 8; 11].

Таким образом, можно говорить, что применительно к мигрантам, взаимосвязь их личностной идентичности с проявлениями внутриличностного конфликта представляет актуальную научную проблему, без решения которой важные аспекты их адаптации остаются без ответа. В связи с этим выявление особенностей такой взаимосвязи составляет предмет нашего исследования. В качестве основной гипотезы выдвигается предположение о ее дискретном характере, являющимся следствием различий опыта, полученного мигрантами во время проживания в новой для них культурной среде.

Метод

Подходы к изучению личностной идентичности (психоаналитический, когнитивный, субъектно-деятельностный и др.) учитывают ее разные стороны и поэтому предполагают использование специфических средств диагностики ее видов, форм, содержания. Общим принципом является опора на системную организацию параметров личностной идентичности. Этот принцип реализуется в психосемантической направленности диагностики личностной идентичности. Один из вариантов реализации этого принципа представлен В.Б. Никишовой и Е.А. Петраш в разработанной ими методике исследования личностной идентичности. В качестве критерия оценки личностной идентичности авторами предложен показатель согласованности/рассогласованности ее структурной организации в психосемантическом выражении [5]. Каждая из степеней согласованности (высокая, средняя, низкая, очень низкая) имеет собственное содержательное наполнение с точки зрения социально-

психологической адаптации, самоотношения, ценностных ориентаций, самостоятельности.

Отдельную проблему представляет диагностика внутриличностного конфликта. Здесь тоже обнаруживается несколько подходов. Например, Н.А. Падымов и Э.Э. Сульчинская предлагают использовать комплекс методик, исследующих терминальные ценности, мотиваторы психологической активности, ценностные ориентации личности с тем, чтобы выявить содержание внутриличностного конфликта [6]. Похожий подход реализован О.О. Шемякиной, которая называет устойчивые факторы внутриличностного конфликта: «самостоятельность», «эмоциональная устойчивость», «самооценка актуальной жизнедеятельности», «психическая напряженность», «тенденций поведения» [13].

Более специфичной является методика «Диагностика внутреннего конфликта» Е.Б. Фанталовой, включающая инструменты для измерения доминирующих ценностей и конфликтов личности и способов их эмоциональной переработки [12]. В этом же ряду целесообразно упомянуть «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А.И. Шипилова. С ее помощью определяются наиболее конфликтные компоненты структуры внутреннего мира личности: мотивационный компонент, компонент долженствования, компонент самооценки [1]. Для целей нашего исследования наиболее приемлемой показательной является тест внутриличностных конфликтов Лаутербаха, выявляющий степень осознания респондентом психологических механизмов своих внутренних проблем и степени выраженности внутриличностного конфликта [3; 4].

Таким образом, исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе осуществлена операционализация переменных и выбор релевантных целей исследования диагностических методик. Второй этап заключался в сборе эмпирических данных и их статистического анализа. Выборку респондентов составили мигранты из стран Средней Азии, Казахстана и Азербайджана, проживающих в регионе Нижнего Поволжья (Волгоградская и Астраханская области). В соответствии с гипотезой исследования, респонденты были разбиты на две группы. Первую составили мигранты, прибывшие в регион для периодических сезонных работ на срок менее полугода («временная миграция»), вторую – люди, проживающие в регионе на постоянной основе не менее 3 лет («постоянная миграция»). Всего в исследовании приняли участие 160 респондентов (78 человека, представляющих группу постоянных мигрантов и 82 человек из группы временных мигрантов). Все респонденты владели русским языком в достаточной для заполнения бланковых методик степени. Третий этап исследования состоял в интерпретации и обобщении полученных эмпирических результатов.

Результаты исследования

В Таблице 1 приведены результаты использования методики В.Б. Никишовой и А.Е. Петраш Е.А. исследования личностной идентичности.

Результаты описательной статистики свидетельствуют о статистически значимых различиях показателей личностной идентичности у групп временных и постоянных мигрантов. Наиболее отчетливо различия видны в соотношении количества респондентов с «высокими» (13% и 22%) и «низкими» (28% и 15%), и «очень низкими» (12% и 9%) оценками. В группе временных мигрантов количество респондентов с «низкими» и «очень низкими» оценками приблизительно в три раза превышает количество респондентов с «высокими» оценками. Содержательно, это может быть описано как тенденция к рассогласованности личностной идентичности в этой группе респондентов, которая в качестве последствий проявляется в низком уровне социально-психологической адаптации, неустойчивости самоотношения и системы ценностных ориентаций, среднем или низком уровне рефлексивности и самостоятельности. В группе постоянных мигрантов количество респондентов с «высокими» и «низкими», и «очень низкими» показателями согласованности идентичности примерно одинаково, однако с учетом относительно большого количества средних оценок можно говорить о тенденции к согласованности личностной идентичности. У постоянных мигрантов в целом более высокий уровень социально-пси-

хологической адаптации, позитивное самоотношение, устойчивая система ценностных ориентаций.

Интерпретация полученных результатов связана с учетом факторов, которые оказывают влияние на адаптацию мигрантов. Среди них называются экономические и культурные факторы, а также фактор этнической идентичности, проявляющийся в приверженности своей этнической группе, оценке того, насколько принадлежность к ней благоприятна для человека. Вместе с тем этническая идентичность пластична, может изменяться, сообразно обстоятельствам. При взаимодействии и иной социальной и культурной средой как этническая, так и личностная идентичность опосредована восприятием человеком своих возможностей в ней, переоценкой ценностных и поведенческих стереотипов, процессами целеполагания. Это опосредование требует накопления опыта взаимодействия с новой средой, и, следовательно, проявления действия фактора времени. Чем меньше времени человек проводит в новой для него культурной среде, тем прочнее остается этническая идентичность, компенсирующая личностную идентичность, которая тогда характеризуется признаками «рассогласования». И наоборот, личностная идентичность становится более «согласованной», когда с течением времени для человека причин, по которым ему целесообразно идентифицировать себя с этнической группой становится меньше, особенно если это касается членства в группе «меньшинства».

Таблица 1.

Результаты описательной статистики, полученные при использовании методики исследования личностной идентичности

Тип миграции	N	Средние значения	Стандартное отклонение	Согласованность личностной идентичности (накопленный процент)			
				Высокая	Средняя	Низкая	Очень низкая
Временная миграция	82	27,5	10,24	13%	47%	28%	12%
Постоянная миграция	78	32,8	7,94	22%	54%	15%	9%
Всего	160	39,9	9,09				

Примечание*. Проверка на нормальность распределения (тест Колмогорова-Смирнова) $p > 0,05$

Примечание** t-критерий Стьюдента $p < 0,05$

Таблица 2.

Взаимосвязь согласованности личностной идентичности и параметров внутриличностного конфликта и постоянных и временных мигрантов

Внутриличностный конфликт	Временные			Постоянные		
	Согласованность личностной идентичности					
	В	С	Н	В	С	Н
Стремление к независимости/желание получить помощь	0,413**			-0,505**	0,311*	0,261*
Стремление к достижению успеха/страх неудачи		-0,269		-0,415**		0,301*
Собственные поступки/выполнение социальных норм				-0,377*		
Достижения/отсутствие настойчивости			0,303*			0,412*
Норма\проявление агрессии	-0,459**					0,293

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,005$

Вместе с тем, наряду с общей тенденцией необходимо остановиться на некоторых специфических для разных групп респондентов взаимосвязях между показателями личностной идентичности и теоретически связанными с ней конструктами «внутриличностный конфликт» «типичные эмоциональные состояния». Таблица 2 содержит результаты корреляционного анализа, показывающего значимые взаимосвязи «высокой», «средней» и «низкой» согласованности личностной идентичности с параметрами внутреннего конфликта, измеренными посредством методики В. Лаутербаха.

Во-первых, следует отметить общие для обеих групп взаимосвязи личностной идентичности и параметров внутриличностного конфликта. Значимые корреляции между этими переменными выявлены в отношении таких параметров внутриличностного конфликта как «стремление к независимости/желание получить помощь», «стремление к достижению успеха\страх неудачи», «собственные поступки/нормы», «достижения/отсутствие настойчивости», «норма\проявление агрессии». Обобщая, можно сказать, что для «постоянных» и «временных» мигрантов характерны все виды внутриличностных конфликтов: мотивационные, поведенческие, аффективные. Вместе с тем, очевидна и специфика проявления взаимосвязи согласованности личностной идентичности с различными параметрами внутриличностного конфликта в разных группах респондентов. Во-первых, различия касаются людей, характеризующихся высокой согласованностью личностной идентичности. У «постоянных» мигрантов с высокой согласованностью личностной идентичности наблюдается «желание получить помощь» ($r = -0,505^{**}$), «страх неудачи» ($r = -0,414^{**}$), «ориентация на выполнение социальных норм» ($r = -0,337^*$). У «временных» мигрантов с высокой согласованностью личностной идентичности можно предполагать выраженность «стремления к независимости» ($r = 0,413^{**}$) и «проявление агрессии» ($r = -0,459^{**}$). Можно заключить, что высокий уровень согласованности личностной идентичности у «временных» и «постоянных» мигрантов имеет различные качественные характеристики: в первом случае в большей степени выражены эгоцентрические, а во втором – социоцентрические тенденции.

Далее, обращает на себя внимание факт отрицательной направленности взаимосвязи параметров внутриличностного конфликта у людей с высокой и низкой согласованностью личностной идентичности в группе «постоянных» мигрантов. Высокая согласованность связана с «желанием получить помощь» ($r = -0,505^{**}$) и «страхом неудачи» ($r = -0,415$), а низкая согласованность – со стремлением к независимости ($r = 0,261^*$), «стремлением к достижению» ($r = 0,301^*$), так же как у «временных» мигрантов с высокой согласованностью. «Похожесть» содержания внутриличностного конфликта у временных и постоянных мигрантов с высокой и низкой со-

гласованность личностной идентичности объясняется, на наш взгляд, особенностями мотивации на разных этапах вхождения в новую социальную среду. На ранних этапах согласованность личностной идентичности подвергается риску, что влечет преобладание эгоцентрической ориентации. Со временем, у «постоянных» мигрантов личностная идентичность стабилизируется, и на первый план выходят социоцентрические мотивы. У «временных» мигрантов в силу ограниченности времени пребывания, такой переход не осуществляется. То есть в стабилизации личностной идентичности и связанными с ней качественными характеристиками внутриличностного конфликта вновь заметную роль играет временной фактор.

Заключение

Интерпретация полученных взаимосвязей личностной идентичности, проявления внутриличностного конфликта в разных группах мигрантов позволяет соотнести их с результатами, полученными в ряде теоретических и эмпирических исследований миграции. [15; 18; 19].

Во-первых, современные теории миграции рассматривают этническую и личностную идентичность как взаимодополняющие феномены. Они представляют собой концептуальное пространство, необходимое для достижения более глубокого понимания психологии мигрантов и анализа различий между психологическими и иными ее измерениями. Вместе с тем, личностная и этническая идентичности не тождественны. С функциональной точки зрения, личностная идентичность обеспечивает психологический процесс индивидуации, ее вектор направлен в сторону постепенного преодоления границ этнической идентичности, что само по себе является одним из условий адаптации к изменившимся для мигрантов культурным и социальным стандартам. В связи с этим, например, С. Дайаль применительно к мигрантам использует термин «двойное сознание» для обозначения их чувствительности к разным возможностям выбора адаптационных практик определяя его как «чувство постоянного взгляда на себя глазами других, дестабилизации пограничных зон культур, как разломы субъекта, которые сопротивляются ложным утешительным идентификациям и его воплощениям» [17].

«Изобретение» новой личностной идентичности неминуемо порождает процессы согласования и несогласования ее компонентов. Это, в свою очередь, обуславливает появление вариантов переживания внутриличностных конфликтов и возникновение типичных эмоциональных состояний, а также специфических для разных групп мигрантов взаимосвязей между ними и степенью согласованности или несогласованности личностной идентичности. Специфика взаимосвязи по-

зволяет учитывать фактор времени, которое мигранты провели в новой для них культурной и социальной среде. Он выступает как объяснительный принцип различий выявленных взаимосвязей в группах «постоянных» и «временных» мигрантов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Важной характеристикой личностной идентичности мигрантов является степень ее согласованности как показатель успешности адаптации к новым для них культурным и социальным условиям. Содержательное наполнение личностной идентичности мигран-

тов характеризуется уровнем согласованности ее психологических и социально-психологических составляющих и изменяется с течением времени, проведенного в новой для них среде.

2. Динамика стабилизации личностной идентичности осуществляется в направлении от преобладания эгоцентрических мотивов к преобладанию социоцентрических мотивов.
3. Высокий уровень согласованности личностной идентичности мигрантов предопределяет специфику переживания внутриличностного конфликта и способствует возникновению благоприятных типичных эмоциональных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. - СПб.: Питер, 2015. – С. 504-509.
2. Гуров А.В. Внутриличностный конфликт и сопровождающие его психические состояния // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». - 2017. - Выпуск 2. - С. 56-61.
3. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. - М., 2004 г. – 553 с.
4. Куликов Л.В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. – СПб.: СПГУ, 2003. - 228 с.
5. Никишова В.Б., Петраш Е.А. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. - 2014. - № 13 (184). - Выпуск 22. - С. 354-361.
6. Подымов Н.А., Сульчинская Э.Э. Проблема диагностики внутриличностных конфликтов в ценностно-мотивационной сфере // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2018. -Т. 4. - №3. С. 71-79.
7. Прохоров А.О., Валиуллина М.Е., Габдреева Г.Ш., Гарифуллина М.М., Менделевич В.Д. Психология состояний: учеб. пособие / под ред. А.О. Прохорова. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. 624 с.
8. Репринцев А.В., Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества как проблема современной психологии и социальной педагогики // Научные ведомости. – Серия Гуманитарные науки. – 2017. - № 7(256) - Выпуск 33. – С. 142-149.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004 – С. 127.
10. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. – 2008- № 6- С. 95
11. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. - Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001 - 128с.
12. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология. – 2013. - №1. – С. 5-23.
13. Шемякина О.О. Исследование внутриличностных конфликтов юношеского этапа развития // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru / ISSN: 2074-5885 / E-mail: psyedu@mgppu.ru 2012, №2.
14. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
15. Arango, J. Explaining migration: A critical view // International Social Science Journal. – 2000. - № 52(165)- pp. 283–296.
16. Boneva B.S., Frieze I.H. Toward a Concept of a Migrant Personality // Journal of Social Issues. 2001. - Vol. 57. - № 3. - pp. 477–491
17. Dayal S. Diaspora and Double Consciousness // The Journal of the Midwest Modern Language Association. 1996. - Vol. 29. - №1 (Spring).- pp. 46-62.
18. de Haas, H. The internal dynamics of migration processes: A theoretical inquiry // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. - № 36(10) – pp. 1587–1617.
19. de Haas, H. Migration and development: A theoretical perspective // International Migration Review. – 2010. - № 44(1). – pp. 227–264.
20. Madon M. Guyll S, Scherr K. The Potential Roles of Self-Fulfilling Prophecies, Stigma Consciousness, and Stereotype Threat in Linking Latino/a Ethnicity and Educational Outcomes // Journal of Social Issues. 2001. - Vol. 57. № 3. - pp. 477–491.
21. Prilleltensky I. Migrant Well-Being is a Multilevel, Dynamic, Value Dependent Phenomenon // Community Psychol. – 2008. - № 42. – pp. 359–364.
22. Stets J.E., Michael M.H 2004. Verification across multiple identities: The role of status // Social Psychology Quarterly. – 2004. - № 67. – pp. 155–171.

© Чернов Александр Юрьевич (achernov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВЛЕЧЕНИЯ К НАРКОТИКУ И КРИТИКА К БОЛЕЗНИ У ПАЦИЕНТОВ С ПОЛИНАРКОМАНИЯМИ

Шаар Маалоули Мария

Аспирант, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
mashashaarmaalouli@yandex.ru

PATHOPSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF DRUG ATTRACTION AND CRITICISM TO DISEASE IN PATIENTS WITH POLYNARCOMMANIA

M. Chaar

Summary: The article presents the results of a study of differences in awareness of the disease, as well as personality traits and emotional state in patients with varying degrees of severity of drug cravings. It has been established that the severity of affective and behavioral symptoms can lead awareness of patients in the disease. The study shows that with an average level of craving for drugs, patients have a formed awareness of their own state. This group of patients was characterized by a high level of self-control and anxiety, in comparison with the groups of patients with low and high levels of drug cravings. While, with a complete reduction of symptoms associated with low drug cravings, there is a decrease in criticism of their condition, which leads to the risk of relapse. Patients with a high level of craving for drugs have pronounced affective disorders, as well as sleep disturbances, as well as the readiness of patients for therapy, but the awareness of their illness is formal.

Keywords: addiction, addictive behavior, awareness of illness, anxiety.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования различий в критике к болезни, а также особенности личности и эмоционального состояния у пациентов с различной степенью тяжести влечения к наркотику. Установлено, что тяжесть аффективных и поведенческих симптомов может обуславливать критику пациентов в болезни. В работе показано, что при среднем уровне влечения к наркотику у пациентов наблюдается сформированная критика к собственному состоянию. Данная группа пациентов характеризовалась высоким уровнем самоконтроля и тревожности, в сравнении с группами пациентов с низким и высоким уровнем влечения к наркотику. В то время как, при полной редукции симптомов, связанных с влечением к наркотику, наблюдается снижение критики к своему состоянию, что обуславливает риск рецидива. У пациентов с высоким уровнем влечения к наркотику наблюдаются выраженные аффективные нарушения, а также нарушения сна, а также готовность пациентов к терапии, однако осознание своей болезни носит формальный характер.

Ключевые слова: степень влечения к наркотику, зависимое поведение, наркомания, критика к болезни.

Актуальность

Наличие зависимости вызывает нарушения в различных сферах жизнедеятельности индивида. Так, в качестве биологических последствий употребления психоактивных веществ, выступает рост уровня смертности в результате их употребления, коморбидность, не только с соматическими, но и психическими заболеваниями и как следствие инвалидизацией. В результате употребления ПАВ могут наблюдаться личностные и эмоциональные изменения. Воздействие оказывается и на уровень социализации индивида и проявляются высокой криминогенностью, социальной дезадаптацией и деструкцией семейных отношений. Более того, изменения затрагивают духовные аспекты личности, что проявляется в искажении морально-нравственных ценностей и потере смысла жизни [4].

Патологическое влечение к психоактивным веществам является центральным нарушением любого наркологического заболевания, это стержневой признак всех заболеваний зависимости, оно в значитель-

ной степени определяет клинику и динамику заболевания. При рассмотрении феноменологии синдрома патологического влечения к наркотику многие исследователи имплицитно опираются на биологический подход, где центральным звеном являются нейрофизиологические механизмы, тормозящие иные побуждения пациентов с наркоманией. Подобный подход подразумевает единообразие симптомов и их прямую зависимость от длительности ремиссии. В то же самое время наблюдения за динамикой ремиссии показывают, что личностные и когнитивные особенности оценки собственного состояния оказывают значимое влияние на характер патологического влечения. Показано, что патологическое влечение в значительной степени влияет на длительность и качество ремиссий при заболеваниях зависимости. Эффективность реабилитационных мероприятий не превышает 15% годовых ремиссий, что может быть связано с недостаточной разработанностью и научной обоснованностью проблемы изучения особенностей личности больных, а также оценкой тяжести влечения к наркотическим веществам [5].

Целью настоящего исследования являлось изучение патопсихологических и личностных особенностей пациентов с полинаркоманией с единообразной длительностью ремиссии в зависимости от тяжести влечения к наркотику.

Материалы и методы исследования

В исследовании принимали участие пациенты с полинаркоманией в возрасте 21- 47 лет. Общая выборка составила 33 человека, из них 23 мужчины и 10 женщин. Исследование проводилось с 18.02.2019 по 07.03.2020 года на базе Городской наркологической больницы, Межрегиональной благотворительной общественной организации «Благодать», и Городской психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова в г. Санкт Петербург.

Для оценки патологического влечения и его основных патопсихологических симптомов, использовалась клиническая шкала оценка патологического влечения к наркотику Винниковой М.А [2,3].

На основе суммарных оценок по данной шкале группа испытуемых была разделена на три группы: группа с низким уровнем влечением к наркотику (M=6, SD=1.73) и составила 12 человек, группа со средним уровнем влечения к наркотику (M=13, SD=1.64) и составила 11 человек, группа с высоким уровнем влечения к наркотику (M=21, SD=1.35) и составила 10 человек. Разделение на подгруппы осуществлялось с помощью метода k-средних. Все группы пациентов характеризовались примерно равным распределением по полу, а также длительности

ремиссии (см.Таблица 1).

Таблица 1.

Социально-демографические данные пациентов, страдающих наркотической зависимостью.

Уровень влечения наркотику	Возраст	Соотношение по полу	Длительность ремиссии (в днях)
Низкий (n=12)	M=34,5, SD=4	M=11, Ж=1	M=36, SD=8
Средний (n=11)	M=35,5, SD=3,5	M=11, Ж=0	M=32, SD=6
Высокий (n=10)	M=36, SD=4	M=9, Ж=1	M=30, SD=9

Оценка личностных особенностей пациентов каждой из групп осуществлялась с помощью 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттела (форма С). Для оценки различий между тремя группами использовался непараметрический критерий Краскела-Уоллиса. Для представления значений центральных тенденций по шкале патологического влечения к наркотику М.А. Винниковой использовались значения моды (Mo). В качестве описательных статистик данных 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттела использовались значения медианы (Me).

Результаты и их обсуждение

В ходе проведенного исследования удалось выявить статистически значимые различия между групп пациентов с различной тяжестью зависимости. Группа пациентов с низким влечением к наркотику характеризуются

Таблица 2.

Результаты сравнения патопсихологической структуры влечения к наркотику у пациентов с различной тяжестью абстинентного синдрома (по данным клинической шкалы оценки патологического влечения к наркотику Винниковой М.А)

	Группа 1 (низкий уровень)		Группа 2 (средний уровень)		Группа 3 (высокий уровень)		Результаты теста Краскела-Уоллиса
	Mo	%	Mo	%	Mo	%	
Мысли о наркотике	0	83	2	91	2	90	$\chi^2 = 25.85, p=0.047^*$
Сниженное настроение	1	83	2	91	3	90	$\chi^2 = 26.30, p=0.039^*$
Тревога	0	83	2	91	1	80	$\chi^2 = 25.96, p=0.049^*$
Дисфория	0	83	1	82	2	80	$\chi^2 = 25.78, p=0.045^*$
Эмоциональная лабильность	0	92	2	91	2	90	$\chi^2 = 19.86, p=0.056$
Нарушения сна	0	83	0	91	2	90	$\chi^2 = 27.01, p=0.039^*$
Поведенческие/ психопатоподобные расстройства	0	92	0	82	2	80	$\chi^2 = 26.74, p=0.048^*$
Сновидения на наркотическую тематику	0	92	2	91	3	90	$\chi^2 = 26.25, p=0.038^*$
Установка на лечение	1	92	1	91	2	90	$\chi^2 = 18.96, p=0.061$
Критика к болезни	2	92	1	91	2	90	$\chi^2 = 19.36, p=0.057$
Общий уровень влечения к наркотику	6		13		21		$\chi^2 = 26.78, p=0.042^*$

Примечание: Mo – мода, % - процент наблюдений со значением моды, * - значимые различия

аффективными нарушениями в виде снижения настроения ($M_o=1$, $p=0.039$), вялости и апатии. Присутствует положительная установка на лечение ($M_o=1$, $p=0.051$) и частичная критика к собственному состоянию ($M_o=2$, $p=0.053$).

Группа со средним уровнем влечения к наркотику характеризуется аффективными нарушениями в виде снижения настроения ($M_o=2$, $p=0.047$), дисфорией ($M_o=2$, $p=0.045$) и тревогой ($M_o=2$, $p=0.045$), а также навязчивыми сновидениями, связанными с употреблением наркотика ($M_o=1$, $p=0.038$) и периодическими навязчивыми мыслями о наркотике в течение дня ($M_o=2$, $p=0.047$). У пациентов со средней степенью влечения к наркотику присутствует критика к своему состоянию ($M_o=1$, $p=0.053$), а также положительная установка на лечение ($M_o=1$, $p=0.051$).

Группа с высоким уровнем влечения к наркотику характеризуется навязчивыми мыслями о наркотике ($M_o=3$, $p=0.047$), которые слабо поддаются волевому контролю, а также регулярными сновидениями, связанными с наркотиком ($M_o=3$, $p=0.038$). Наблюдается обширный спектр эмоциональных и поведенческих нарушений, агрессивность ($M_o=2$, $p=0.048$), дисфория ($M_o=2$, $p=0.045$). Установка на лечение формальная ($M_o=2$, $p=0.051$), критика к болезни частичная ($M_o=2$, $p=0.051$).

Исследование личностных особенностей пациентов с различной силой влечения к наркотику показало, что группа с низким уровнем влечения к наркотику характеризуется общительностью, низкой эмоциональной стабильностью, экспрессивностью (см. Таблица 3). Данной группе также свойственна беззаботность и самонадеянность, экстраверсия и готовность идти на социальный контакт.

Группа пациентов со средним уровнем влечения к наркотику характеризуется замкнутостью, высоким уровнем тревожности, мнительности и чувством вины. Пациенты данной группы характеризуются более высоким уровнем самоконтроля в сравнении с другими двумя группами, а также сдержанностью в выражении эмоций, а также развитым самоконтролем. Группа пациентов с высоким уровнем влечения к наркотику характеризуется замкнутостью, эмоциональной неустойчивостью, низким самоконтролем. Данной группе пациентов свойственна готовность идти на неоправданный риск.

Полученные результаты, позволяют предположить, что тяжесть абстиненции и сила влечения к наркотику значимо связаны с патопсихологической структурой влечения к наркотику, а также личностными особенностями пациентов, страдающих наркотической зависимостью. Было установлено, что у пациентов со средним уровнем

Таблица 3.

Описательные статистики и уровень значимости различий между тремя группами с различным уровнем тяжести влечения к наркотику

Наименование шкалы	Группа 1	Группа 2	Группа 3	χ^2 , p
	Me	Me	Me	
замкнутость/общительность	6.2	5.2	3.3	21.85, 0.054*
развитое/ограниченное мышление	3.2	4.3	3.2	10.27, 0.156
Независимость/податливость	6.3	3.1	4.2	22.86, 0.032*
эмоциональная стабильность/неустойчивость	3,5	5	3	23.67, 0.034*
сдержанность/				
экспрессивность	6	3	4	18.23, 0.75
низкая/высокая нормотивность	3	5	2	21.45, 0.042*
робость/смелость	7	4	7	23.34, 0.051*
практицизм/чувствительность	4	5	3	14.34, 0.186
практичность/мечтательность	5	4	3	14.38, 0.236
прямолинейность/ дипломатичность	4	4	3	12.56, 0.285
спокойствие/тревожность	3	8	3	27.56, 0.023*
Радикализм/консерватизм	4	3	5	17.48, 0.067
конформизм/нонконформизм	3	5	3	26.68, 0.041*
самоконтроль/недостаток самоконтроля	3	6	2	24.54, 0.041*
низкая тревожность/высокая тревожность	3.5	8.4	4.6	25.56, 0.044*
интроверсия/экстраверсия	7.6	4.5	3.5	25.87, 0.042*
чувствительность/уравновешенность	5.2	4.7	3.2	14.34, 0.117

Примечание: Me-медианные значения, SD – стандартное отклонение, * - значимые различия

нем влечения к наркотическим веществам наблюдается сохранная критика к своей болезни и положительная установка на лечение. При этом отмечается сохранность симптомов, связанных с влечением к наркотику, такими как сновидениями связанные с употреблением наркотика, а также периодическими навязчивыми о наркотике в течение дня. Так же отмечается высокий уровень самоконтроля, тревожности и мнительности, диагностированный как при помощи клинической шкалы М.А. Винниковой, так и при помощи многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла. Именно данные особенности личности и клинической картины могут лежать в основе критического отношения к болезни в данной группе пациентов. Так в качестве предиктора формирования осознания болезни может выступать личностная и ситуативная тревога, которая может стимулировать рефлексию пациентов в направлении анализа собственного состояния и возможных последствий наркозависимости. Полученные результаты также согласуются с данными, полученными Поляк О.Б., в работе которой отмечается, что осознание болезни у пациентов с опиодной зависимость связано с интернальным локусом контроля, самоконтролем и высоким уровнем тревожности [6,7].

Представляет интерес тот факт, формальное отношение к болезни наблюдается как в группе пациентов с низким уровнем влечения к наркотику, так и у пациентов с высоким уровнем. Данный факт может быть обусловлен тем, что редукции симптоматики может провоцировать у пациентов убеждение в ремиссии собственного состояния, при этом низкий уровень самоконтроля и эмоциональной стабильности может быть рассмотрен

как предиктор возможных рецидивов. Современные исследования также показывают, что для наркозависимых с формальным отношением к болезни и анозогнозией характеризуются психологическими защитами по типу регрессии и отсутствием чувства вины в связи с употреблением наркотических веществ в прошлом [1, 7].

В группе пациентов с выраженным влечением к наркотику наблюдается готовность к лечению, что может быть обусловлено соматическими проявления абстинентного синдрома. При этом критика к собственному состоянию носит формальный характер. Наблюдаются выраженные нарушения аффективной сферы, такие как эмоциональная нестабильность, агрессивность.

Выводы

Таким образом, степень тяжести влечения к наркотику, а также патопсихологическая структура картины влечения к наркотику в значительной мере обуславливает критику пациента к болезни, а также готовность пациента к терапии. В нарушениях эмоциональной сферы у пациентов со средней степенью влечения к наркотику наблюдается сниженное настроение и высокий уровень тревоги, в то время как в группе с высоким уровнем влечения к наркотику в клинической картине эмоциональных нарушений преобладает дисфория и агрессия. Можно высказать предположение, что именно высокий уровень тревоги может обуславливать высокую критику к своему состоянию.

Конфликт интересов отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехин, А.Н. Отношение к болезни у лиц с алкогольной зависимостью на разных этапах заболевания / А.Н. Алехин, А.В. Яровинская // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2011. - № 1 (71). - С. 7-13.
2. Винникова М.А. Ремиссии при героиновой наркомании (клиника, этапы течения, профилактика рецидивов): дис. д-ра мед. наук. – М., 2004. – 243 с.
3. Ненастьева А.Ю. Психометрические шкалы, используемые в клинической наркологии. // Наркология. Национальное руководство / под ред. Н.Н. Иванца, И.П. Анохиной, М.А. Винниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. – С. 905–921
4. Пятницкая И.Н. Общая и частная наркология: руководство для врачей / И.Н. Пятницкая. — М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2008. — 640 с.
5. Кулаков С.А. Комплексная медицинская (психотерапевтическая) модель реабилитации пациентов с химическими и нехимическими формами аддикций, расстройствами личности, а также членов их семей / С.А. Кулаков, Ж.В. Береза, Е.К. Корчагина // Психическое здоровье. - 2014. - №1. - С.16-22.
6. Поляк О. Б. Механизмы психологической защиты наркозависимых и их взаимосвязь с особенностями личности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-psihologicheskoy-zaschity-narkozavisimyh-i-ih-vzaimosvyaz-s-osobennostyami-lichnosti> (дата обращения: 13.12.2020).
7. Поляк О.Б. Личностные особенности наркозависимых с различным отношением к болезни // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-narkozavisimyh-s-razlichnym-otnosheniem-k-bolezni> (дата обращения: 13.12.2020).

© Шаар Маалоули Мария (mashashaarmaalouli@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ «ТИК-ТОК» - НОВЫЙ ДИСКУРС МЕДИАЛОГИИ

THE PHILOSOPHY OF TIK-TOK AS A NEW DISCOURSE OF MEDIALOGY

D. Bozhedarov
K. Kalikanova

Summary: The formation of the network telecommunications space is happening rapidly. For this process, geographical and temporal indicators do not play any role. And, what is most important for assessing the functioning of network communication – its «activists» practically do not experience any institutional restrictions. Accordingly, the idea of social, ethical and aesthetic norms is formed under the pressure of the mechanisms of formation of the image of the personality of the network actor.

One of the most striking manifestations of the network media communication space is Tik Tok. This application combines the functionality of Instagram and Snapchat, which are popular all over the world. The main task and opportunity in this social network is to create videos. Basically, videos are clips, sketches, or reactions to trends. It is also possible to conduct live broadcasts. Tik Tok first appeared in China in 2016.

Keywords: media communication, media space, network communication, trend, clip, sketch.

Божедаров Дмитрий Александрович

*К.филол.н., доцент, Национальный Исследовательский
Мордовский университет им. Н.П. Огарева
db13@rambler.ru*

Каликанова Ксения Игоревна

*Национальный Исследовательский Мордовский
университет им. Н.П. Огарева
kalkanova_k@mail.ru*

Аннотация: Формирование сетевого медиакоммуникационного пространства происходит стремительно. Для данного процесса, не играют никакой роли географические и временные показатели. И, что самое важное для оценки функционирования сетевой коммуникации – ее «активисты» практически не испытывают на себе институциональных ограничений. Соответственно представление о социальных, этических и эстетических нормах формируется под давлением механизмов становления образа личности сетевого актора.

Одним из ярких проявлений сетевого медиакоммуникационного пространства является «Тик ток». Это приложение, по функционалу совмещающее в себе популярные во всем мире Instagram и Snapchat. Основной задачей и возможностью в этой социальной сети является – создание видеороликов. В основном ролики представляют собой клипы, скетчи или реакции на тренды. Так же есть возможность вести прямые эфиры. Впервые «Тик ток» появился в Китае в 2016-ом году.

Цель исследования.

- определить место явлению «Тик ток» в сетевой медиакоммуникации;
- определить предпосылки появления площадки «Тик ток» в современной цифровой медиакоммуникационной системе;
- определить основной мотивационный аспект функционирования и развития медиасетевого движения «Тик ток»;
- определить типологические особенности данного явления медиакоммуникационной цифровой системы;

Ключевые слова: медиакоммуникация, медиапространство, сетевая коммуникация, тренд, клип, скетч.

Введение

Уже в 2018-ом аудитория сервиса составила более 800 млн человек в месяц. Большой охват за столь короткий срок объясняется в том числе тем, что в 2018 году «Тик ток» поглотил музыкальный сервис Musically, добавив таким образом 100 млн человек. Несмотря на весь успех, изначально была теория о том, что новая платформа, наоборот, отпугнет пользователей Musically, но аудитория «Тик ток» только продолжила расти. В этом же году «Тик ток» обошел по загрузкам Instagram. Также можно выделить еще несколько особенных причин, позволяющих «Тик току» быстро заполнить популярность:

- феномен клипового мышления;
- рост популярности видеоконтента;
- короткие, развлекательные и занимательные

ролики, которые завоевывают интерес молодых пользователей;

- отсутствие значения социального статуса и материального достатка;
- присутствие значения творческих способностей «добывания» лайков и просмотров.

Важность причин в функциональных основах подчеркивает в своих учениях Рене Декарт, утверждая, что «Причина никогда не может быть меньше, чем действие, а должна содержать в себе больше или столько же реальности, сколько и действие» [1, с.204].

Интересен тот факт, что результаты нашего исследования показывают, что не сам контент, а онтологические условия Тик тока, его диалектика и эволюция строятся согласно Закону пятиактной драмы, который уходит своими корнями в эпоху Аристотеля [2, с.19].

Актуальность

Выражается, прежде всего, в том, что, не требуя практически никаких титанических усилий от акторов, площадка открывает перед ними безграничные возможности публичной самопрезентации, с учетом прочной фиксации в цифровом медиакоммуникационном пространстве. Подобная коммуникативная свобода требует от актора особого уровня социальной ответственности, а от исследователей сетевого медиапространства – глубокого изучения с целью определения возможностей управления данным коммуникативным потоком во избежание антисоциальных последствий. Тем более, что грань между виртуальной реальностью и реальным миром в условиях «Тик тока» весьма тонка и ее стирание может привести к непрогнозируемым последствиям. Специфика современной виртуальности не случайно привлекает большое число различных исследователей (И.М. Дзялошинский, Е.И. Ярославцева, Н.Б. Маньковская и др.) Системным выводом является то, что воплощение специфики виртуальности становится интерактивностью. Она позволяет различные творческие проявления. Созревшие в сознании акторов, воплотить в реальных воздействиях, которые переводят аудиторию из пассивного статуса в статус сотворца [3, с.311].

Площадка «Тик ток» позволяет подросткам достичь финансового успеха сравнимого с активностью предпринимателей высокого уровня, поскольку формируя контент, «тик токеры» являются объектом интереса для рекламодателя. В зависимости от количества подписчиков возрастает и экономическая обоснованность рекламного участия на фиксированных в медиапространстве, страницах. Исследуя онтологию медиакоммуникационного пространства, его цифровую зону, авторы данного исследования приходят к выводу о том, что, последнее, являясь *субстанцией, построенной на совокупности необходимых условий для осуществления коммуникативных функций*, является практически безбарьерной средой для деятельности акторов «Тик тока». Одной из отличительных признаков данной безбарьерной среды является отсутствие институциональных ограничений в деятельности. Конечно, отдельные попытки ограничений все же имеют место, но системного подхода к решению данной проблемы пока еще в правовом поле нашего государства не существует.

Таким образом, цели, поставленные перед данным исследованием, могут быть достигнуты посредством решения следующих задач:

- определить уровень возможности установления популярности в «Тик ток»;
- выявить основные причины возникновения взаимного интереса в отношениях с рекламодателем;
- определить некоторые маркетинговые алгоритмы развития «Тик ток» в цифровом медиакоммуникационном пространстве;

— определить ресурсные возможности «Тик ток» продвижения продукции и услуг.

Научная новизна

Заключается в том, что авторы исследования впервые осуществляют попытку теоретического осмысления такого события в сетевом медиакоммуникационном пространстве, как «Тик ток». Авторы впервые определяют системные и структурные особенности «Тик тока», как коммуникационного явления. Авторы так же систематизируют некоторые функциональные возможности явления «Тик ток». Осуществляют попытку прогнозировать предпосылки и вектральность дальнейшего развития платформы «Тик ток».

Методы и методология исследования

В связи с тем, что в настоящее время практически отсутствует база теоретических обобщений накопленного знания в области «Тик ток» – коммуникации, авторы исследования используют методы общенаучного подхода к анализу процессов, применяется метод экстраполяции, сопоставления и сравнительного анализа. Особенно эффективным в данном случае явился метод системного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение

Основой «Тик ток» является лента приложения с «Рекомендациями». В ней показываются основные тренды, самые популярные видео, актуальная музыка и так далее. Одной из самых важных особенностей этой социальной сети является то, что данная платформа сама занимается продвижением в рекомендациях молодых и перспективных контентмейкеров. Таким образом, например, человек с миллионами подписчиков и огромными охватами и пользователь, который только попал в «Тик ток» имеют одинаковые шансы на то, чтобы стать популярными и появиться на глазах миллионной аудитории. Все зависит от качества контента и отклика пользователей (лайки, комментарии, просмотры, число поделившихся и т.д.)

Благодаря «Тик ток» любой бренд или же рекламное лицо может контактировать с огромной «живой» аудиторией. Неудивительно, что крупные бренды уже почувствовали перспективы. На «Тик ток» ведут каналы такие «монстры бизнеса», как «Сбербанк», «Nike», «Apple Music», «Билайн» и другие.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют нам выделить 3 главных причины рекламироваться и продвигать себя либо же собственный продукт на платформе «Тик ток»:

Большой потенциал. Пока рекламы в этой социальной сети не так много, и она грамотно представлена так,

чтобы не мозолить глаза зрителям и потребителям контента, то можно запросто привлечь внимание к своему бизнесу. И, наверное, самое важное – сейчас «Тик ток» разрабатывает функционал для онлайн-покупок, что позволяет его еще больше рассматривать как действительно успешную рекламную площадку.

Но любому, кто решит воспользоваться данным приложением для продвижения и продаж, стоит обратить внимание на возрастную категорию, заинтересованную в вашем так называемом «продукте», потому как половина аудитории здесь младше 20 лет. Если вы продвигаете потребительские кредиты или страхование жизни, то платформа вам не подойдет, но вот для FMCG сектора, брендов одежды, рэп-исполнителей - это буквально золотое дно.

Алгоритмы в «Тик ток» по своей работе очень похожи на алгоритмы Instagram, но все же со временем аудитория заметила, что они продуманы намного лучше. Если пользователь интересуется исключительно историей и танцами, то, скорее всего, его рекомендации будут заполнены познавательными фактами и хореографией.

В «Тик ток» отлично продумана система реакции на контент, создаваемый авторами роликов. Такая система вовсе не новая, она применялась уже и раньше на других похожих платформах. Суть, естественно, в лайках, комментариях и в некоторой степени репостах. Таким образом, раньше в том числе и отметка «мне нравится» не обещала выдачи в последующей как раз такого контента, которые вправду интересен и необходим. В «ТикТок» же с поддержкой лайков и репостов круг предпочтений крепко конкретизируется. Особенно интересно то, что данная платформа не просто засчитывает просмотр, а фиксирует время, затраченное на этот ролик. Так получается, что чтобы аккаунт становился популярным, и охваты росли, видео должны просматриваться пользователями до конца.

«Тик ток» предоставляет пользователям несколько вариантов продвижения. Так что каждый сможет найти наиболее подходящий вариант для себя.

Первый вариант – Hashtag Challenge. Одно из главных направлений для «Тик ток» — это проведение челленджей. Механизм таких флэшмобов работает довольно просто. Пользователь выбирает определенную песню, ставит определённые хэштеги, записывает видео и эти простейшие действия позволяют человеку набрать тысячи, а то и миллионы лайков. Бренды используют такой метод, чтобы повысить свою узнаваемость, узнаваемость продукта или популяризировать его среди аудитории.

Вирусный флэшмоб получил огромный отклик и

успех. За полгода общие просмотры подобных видео на платформе приложения превысили 23 миллиарда. Даже с учетом огромного населения Индии это по 20 просмотров на человека. Второй вариант – Torview. Самый простой и наименее энергозатратный метод из всех возможных. При открытии мобильной версии приложения пользователь может видеть статичный баннер, видео или гиф, на весь экран своего телефона. Такая реклама создается и размещается легко, компания просто должна купить место и разработать привлекательную, обращающую на себя внимание картинку. Но есть весомый отталкивающий минус - средний показатель перехода на сторонние сайты, рекламируемые в этом формате размещения — всего 15%.

Третий способ — это продвижение с помощью музыкальных треков. Данный способ подходит для молодых исполнителей, которые хотят побыстрее стать популярными и успешными. Механизм этой схемы работает очень просто. Продюсеры заключают договор с кем-то из успешных контентмейкеров, а они в свою очередь снимают видео или ряд роликов под определенную композицию, тем самым и призывая свою аудиторию снимать похожие видео. Также этим способом зачастую пользуются и популярные группы для рекламирования своего нового сингла или альбома. К примеру, известная по всему миру музыкальная группа LittleBig занималась продвижением своей песни для Евровидения 2020. Таким образом, популярность группы возросла не только внутри русскоговорящей аудитории, но и среди иностранцев, что оказало им огромную поддержку на музыкальном конкурсе.

Четвертый метод – In-feed Native Video. Это формат представляет собой 15-ти секундное видео, которое появляется у пользователя в ленте подписок или в рекомендациях. На данный момент, к сожалению, именно этот способ рекламы пока что доступен не для всех желающих. Все заявки для рекламы рассматриваются вручную разработчиками площадки в течение нескольких дней.

Пятый способ включает в себя нативные размещения у блоггеров. Интеграция — это один из самых известных и используемых способов размещения своей рекламы. Конечно, нужно обратить внимание не на количество подписчиков, и не на количество лайков, а на просмотры и живую аудиторию, то есть - комментарии. Алгоритмы данного приложения работают так, что, если когда-то пользователь хотя бы единожды поставил лайк кому-то из ленты, то новые видео этого создателя контента будут также попадать в ленту рекомендаций человека, совершившие выше прописанные действия.

Так можно сделать вывод, что брендам абсолютно любого уровня и с варьирующейся направленностью

можно хотя бы попробовать и испытать на себе раскрутку на платформе «Тик ток». Если вы и ваш бренд хотите получить признание у аудитории, то стоит отложить приоритет продаж на второй план и сделать упор на привлечение и дальнейшее развлечение подписчиков. Простой юмор, песни, танцы, конкурсы и челленджи — это то, что является готовой основой для успешного продвижения.

Развлечение ассоциируется, прежде всего, с игровой деятельностью. По мнению авторов исследования этим и объясняется принадлежность «Тик тока» подростковой среде. Именно эта возрастная категория акторов самая восприимчивая к чужим культурам, которые легко пробуются в игровой деятельности. И вместе с тем некоторые исследователи полагают, что «такая открытость и чувствительность к новизне не всегда имеет позитивное значение, особенно когда речь идет об отрицании культурных архетипов собственного этноса и замещении их чужими. Эти явления зримо обнаруживаются в развитии игровой культуры современной молодежи» [4, с.55]. Ана-

лизируя онтологию и диалектику «Тик тока» в контексте сетевого медиакоммуникативного пространства можно утверждать о наличии реверсности в характере данного медийного явления. Так, проявляя активность, акторы (а нами уже установлено, что в основном это подростки когнитивная категория с повышенной перцептивной активностью), пытаются таким образом познавать окружающий их реальный и виртуальный миры. Коммуникацию в качестве инструмента миропонимания представляет в своих исследованиях Е.И. Ярославцева. Она утверждает, что в философскую методологию вполне может преобразиться синергетика, как феномен постнеклассической науки и на этой основе человек способен выстраивать познание окружающего мира [5, с. 8]. Справедливости ради стоит отметить. Что данное проявление коммуникативной активности с целью обследования и адаптации окружающей среды к различным медиапроявлениям наблюдаются практически на всей территории сетевого медиакоммуникативного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фишер К. История новой философии: Рене Декарт: Пер с нем. / К. Фишер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 492. [4] с. — (Philosophy).
2. Дмитриев Л.А. Законы драматургии. Теория и метод творчества. / Л.А. Дмитриев. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — 124с.
3. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. — СПб Алетейя, 2000. (серия «Gallicinium»). — 347 с.
4. Репринцева Е.А. Современная игровая культура молодежи как феномен теории и практики воспитания: проблемы и тенденции развития//Фундаментальные проблемы культурологии: В 4т. Том III: Культурная динамика / отв. Ред. Д.Л. Спивак. — СПб. : Алетейя, 2008. — 518 с.
5. Ярославцева Е.И. Человек в современной сетевой парадигме: монография / Е.И. Ярославцева. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. — 352 с.

© Божедаров Дмитрий Александрович (db13@rambler.ru), Каликанова Ксения Игоревна (kalikanova_k@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДИГМА СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ (А. ШОПЕНГАУЭР, Л. ФЕЙЕРБАХ, К. МАРКС)

Извекова Татьяна Федоровна

*к. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский университет»*

*Минздрава России
izvekova01@gmail.com*

**THE PARADIGM OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN FAITH AND KNOWLEDGE
IN THE GERMAN PHILOSOPHICAL
TRADITION (A. SCHOPENHAUER,
L. FEUERBACH, K. MARX)**

T. Izvekova

Summary: The main research tasks solved in this work are the following: a) historical and philosophical analysis of the origin and development of the main philosophical and scientific ideas from Schopenhauer to Marx about the problem of the relationship between faith and knowledge, the role and significance of these spiritual principles in the life of man and humanity; b) the search for a single fundamental basis for the implementation of such a theoretical and methodological classification of most of these ideas, which will reveal the basic spectrum of the main cognitive traditions (paradigms) in solving this problem.

Keywords: religion, philosophical anthropology, worldly and transcendental principles, materialism, bourgeoisie, social revolution.

Аннотация: Главными исследовательскими задачами, решаемыми в данной работе являются следующие: а) историко-философский анализ зарождения и развития основных философских и научных представлений - от Шопенгауэра до Маркса - о проблеме соотношения веры и знания, роли и значимости этих духовных начал в жизни человека и человечества; б) поиск единого фундаментального основания для осуществления такой теоретико-методологической классификации большинства этих представлений, которая позволит выявить базовый спектр основных познавательных традиций (парадигм) в решении этой проблемы.

Ключевые слова: религия, философская антропология, мирское и трансцендентальное начала, материализм, буржуазия, социальная революция.

Воззрения немецкого философа А. Шопенгауэра, касающиеся проблемы соотношения веры и знания, неразрывно связаны с положениями его философской системы, пронизанной, как известно, началами волюнтаризма, пессимизма и иррационализма. Опираясь на учение Канта, в своем основном труде «Мир как воля и представление» [4] Шопенгауэр строит свою авторскую концепцию мира, доказывая, что окружающий людей мир является не только итогом их собственных представлений, не только зависит от познавательных способностей самих субъектов, но вообще есть не что иное, как целостный итог активности мировой воли. Если у Гегеля в его философской системе центральное место занимает Абсолютная Идея, то у Шопенгауэра — темная Воля.

По Шопенгауэру, мир, состоящий из различных взаимодействующих тел, находящихся в непрерывном потоке различного рода движений, есть единство волевых актов субъектов и действий их тел: всякое действие тел есть объективированный акт воли, в силу чего все тела - это всего лишь та или иная объективированная воля, причем воля в мире является инвариантом внутренней сущности не только органической природы (животных и людей), но и явлений неорганической природы - фи-

зических, химических, геологических и др. процессов. В качестве ярких примеров воли в неорганической природе философ приводит силу всемирного тяготения, открытую И. Ньютоном, и силу магнитного взаимодействия; все эти силы, по Шопенгауэру, различны в своих проявлениях, но имеют одну и ту же внутреннюю сущность - ею как раз и является феномен воли. Философ утверждает, что воля как «вещь в себе» совершенно независима от своих форм проявления, ничем не обусловлена и не ограничена, не имеет каких-либо оснований или причин. В этих своих свойствах воля принципиально отличается от материи, которая всецело подчинена причинности и взаимосвязи всего со всем. Согласно представлениям Шопенгауэра, главное предназначение воли в мире - осуществление полного господства над материей, для чего волевое начало готово тысячами ожидать необходимых условий и обстоятельств для полного овладения тем или иным материальным феноменом. Мировая воля представлена в форме множества отдельных волей, находящихся в непрерывной борьбе друг с другом; на низшей ступени развития (в природе) воля проявляет себя в форме слепого влечения, как некий темный и глухой порыв. Однако на более высоких ступенях своего развития, особенно на уровне человека, воля предстает уже как вполне осознанная идея ин-

дива, который имеет и определенные мотивы для ее воплощения в реальность. Поскольку волевому началу присуще свойство его безосновности, оно находит свое основное проявление в явлении определенной свободы человеческой воли; свобода, в свою очередь, сразу предстает и в своем противоположном качестве – как господствующая в мире необходимость, поскольку борьба отдельных воль – это столкновение не только разных целей действий, их мотивов, но и различных материальных объектов, вовлеченных в эти действия; следовательно, свобода переходит в необходимость, являясь фактически выражением обязательной подчиненности причинности, господствующей в материальном мире. В силу того, что воля обладает еще и свойством бессознательности, она совершенно равнодушна ко всем своим формам проявлений в мире, например, к живым существам, в том числе к людям; именно из этого положения его философии вырастает особый, трагический по своей сути феномен глубокого пессимизма всей его философии – ведь, по утверждению Шопенгауэра, люди как наиболее совершенные воплощения мировой воли брошены ею на произвол случайно складывающихся обстоятельств и факторов, тотально вовлечены в абсолютно безнадежную и смертельную борьбу за существование со всем ему противостоящим миром. Жизнь человека есть непрерывная война со смертью в разных ее вариантах и обликах и фактически жизненный процесс есть процесс непрерывного умирания; с одной стороны, человек – самое совершенное творение мировой воли, а с другой – самое нуждающееся, самое страдающее существо в мире, вынужденное постоянно сражаться с одними страданиями и лишениями для того, чтобы сразу же после этого оказаться в ловушке других, еще более чудовищных своей трагичностью факторов и обстоятельств. Над любым человеком всегда полностью господствует только одна сила - необходимость в постоянной заботе о своем существовании, для чего человек вынужден постоянно вести свою настоящую войну против себе подобных, включая даже убийства – ведь мир устроен так, что один человек утверждает свое присутствие в мире, не гнушаясь физического отрицания права на жизнь другого человека. Злоба, эгоизм, несправедливость, жестокость, ненависть, страх – неизбежные плоды войны всех против всех, тысячелетия длящейся в этом мире. Шопенгауэр не видит никакого особого прогресса в развитии человеческого общества, считая, что о нем можно вести речь, главным образом, не от начал материальных благ, получаемых от науки и техники, а от все более возрастающих начал моральности любого прогресса, которых, к сожалению, как раз и нет вовсе.

Самое печальное, по Шопенгауэру, и то обстоятельство, что человеческий разум, на который было столько надежд и упований, не способен привести мир в более лучшее состояние; в этом отношении теория познания Шопенгауэра также пессимистична, как и вся его фило-

софия – ведь по его убеждению истинная сущность мировых вещей и процессов принципиально иррациональна по своему характеру и поэтому разум в их познании мало что может; подлинное постижение мировых законов и принципов доступно только иррациональной философской интуиции - запредельной познавательной воле. Более того, Шопенгауэр считает, что познание лишь увеличивает наши страдания бытия, поскольку то, что мы пытаемся считать истиной, в конечном своем развитии оказывается не более, чем обманом и иллюзией.

Вера у Шопенгауэра – тоже иррациональна, причем еще более, чем разум (знание). Самой лучшей из всех религий Шопенгауэр считает буддизм – религию без Бога, причем с принципиально пессимистическим направлением: буддизм смотрит на мирское существование человека как на зло, нацелен на отрицание такого мира. Также пессимистичны учения Шопенгауэра о человеке, свободе человеческой воли, добре и зле, счастье и смысле человеческой жизни, которая философу представляется сплошным адом; однако изменить такое положение дел в мире принципиально невозможно, поскольку, по Шопенгауэру, свобода воли людей опутана их же собственными нуждами и потребностями [5]. По своему содержанию мировая воля есть зло, поскольку она стремится к подчинению всего, что препятствует ее господству. В силу этого закон мотивации активности людей действует с такой же необходимостью и жесткостью, как и закон физической причинности. Шопенгауэр убежден, что человеку только кажется, что он поступает согласно импульсам собственной воли - на самом же деле любой человек движим и управляем мировой волей - единственным для всех подлинно-значимым и господствующим фактором. В таком мире людям не остается никакого иного выбора в построении своей короткой как миг жизни, кроме того, чтобы прожить ее без особых бед, которые совершенно неизбежны, самому держать в узде свои собственные страсти и всегда самостоятельно ставить предел своим желаниям.

Таким образом, из анализа основных положений философии Шопенгауэра можно сделать вполне определенные выводы относительно его концепции решения проблемы соотношения веры и знания. Самый главный вывод состоит в том, что эти два начала в его философии не носят весомого и определяющего характера, находятся фактически на периферии его философских исканий. Вся суть философии Шопенгауэра сосредоточена в одном-единственном начале – в мировой воле, по отношению к которому и разум (знание), и вера людей – начала достаточно второстепенные, к тому же обладающие принципиально иррациональной своей сущностью, в силу чего абсолютно непостижимы с помощью веры и разума (знания). Такое концептуальное решение одной из главных мировых проблем – взаимосвязи веры и знания, в котором эти два начала вытесняются из категории

главных и существенных для философских систем более важным третьим началом – предложено Шопенгауэром впервые.

Иначе говоря, именно Шопенгауэр – тот первый философ в мировой философии, который усомнился в первостепенной значимости проблемы соотношения веры и знания, в силу чего отказался строить свою философскую систему в опоре на то или иное ее решение.

Взгляды Л. Фейербаха [6] на проблему соотношения веры и знания тоже важны для данного исследования; это и неудивительно, поскольку его философия напрямую затрагивает этот фундаментальный вопрос, причем достаточно неожиданным образом, о чем следует здесь особо подчеркнуть – это обстоятельство важно и для понимания самой сущности творчества и жизни Фейербаха [1]. Известно, что одна из ранних его работ – «Мысли о смерти и бессмертии», написанная им анонимно еще как студентом, отрицала личное бессмертие человека и его загробную жизнь. В начале своего творчества Фейербах был увлечен философией Гегеля, но в течении нескольких лет его теоретические воззрения радикально изменились настолько, что он стал жестко критиковать основные положения гегелевской философии, в первую очередь за их идеализм. Фейербах решительно выступает против Гегеля в вопросе о тождестве бытия и мышления, утверждая, что Гегель спекулятивно строит свою философскую систему изначально от абстрактного (идеального) бытия, совершенно ничего не сказав в своих теоретических построениях о бытии реальном (материальном) – ему в философии Гегеля места вообще не нашлось. Да и принцип единства бытия и мышления будет иметь смысл лишь тогда, когда субъектом этого единства является человек – таково основное положение философии Фейербаха. Только тогда этот принцип может быть применен, но тогда получается, что вопрос об отношении мышления к бытию есть на самом деле вопрос о человеке: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию ... в универсальную науку» [6]. Не согласен Фейербах с Гегелем и в вопросе о главном предмете философии: по Фейербаху, высший и единственный предмет философии – только человек, а вовсе не Абсолютный дух, как у Гегеля. Отсюда жесткая критика религии [7], которая становится главным сюжетом всего философского творчества Фейербаха. По его взглядам, религия – социокультурный феномен исключительно от самого человека, его собственная духовная сущность, обособленная от человека в качестве отдельного самостоятельного существа – Абсолютного духа, или Бога. На самом деле Бог – это сам человек, а религия по своему содержанию является фактически антропологией: она – о глубинах человеческой психики, о преодолении конечности собственной жизни, о ничтож-

ном и бессильном положении человека в этом мире. Все эти человеческие, чисто психические, начала, и есть сущность веры – духовного феномена существования и развития человека.

Согласно воззрениям Фейербаха, человеку следует преодолеть противопоставление мирского и трансцендентного начал своей жизни и решительно заняться созданием «царства Божьего» на земле: по Фейербаху, нужны люди не верующие, а думающие, не бесконечные спекуляции о потустороннем мире, о котором человек ничего не может знать, а научные знания о реальном мире; не молящиеся, а работающие; не стремящиеся в небеса, а изучающие мир посюсторонний, не христиане (он их называет «полуживотными и полуангелами»), а подлинные люди во всем своем реальном обличье.

Анализируя решение проблемы соотношения веры и знания в контексте основных теоретических воззрений К. Маркса [3], следует сразу отметить, что он ее решает не только как философ, но еще как экономист и как социолог. Такой принципиально-многоплановый дискурс Маркса в решении исследуемых им вопросов не мог не привести его к целому ряду принципиально новых аспектов ее решения; покажем это в краткой форме анализа его самых фундаментальных положений. Центральная направленность всего творчества Маркса хорошо известна и стала уже подлинной классикой в постижении сути его учения [1] – это возможности и способы совершенствования человечеством самого себя путем активного создания нового социального строя – более справедливого, свободного, неантагонистического, бесклассового, общества, в котором публичная власть теряет свой политический характер, а централизованное управление средствами производства перейдет к ассоциации индивидов. Такое общество будет построено на основе централизованного управления средствами производства, а частная собственность, капитал, наемный труд будут раз и навсегда упразднены. В основе такого рода теоретических построений Маркса о сущности общества и законах его развития лежит его основная идея [1] – с помощью философских, социологических, экономических, политических, других научных знаний (опираясь, например, на достижения естественных наук – физики, химии, биологии, геологии и т.д.) добиться построения целостной и системной теории общества и тем самым открыть его принципиально-объективные (как в естествознании) законы и принципы развития.

С точки зрения Маркса, такую объективную сторону всех общественных процессов и явлений позволяет вскрыть научное исследование, прежде всего, экономических структур общества, в которых решающим феноменом, по Марксу, выступают антагонистические противоречия между предпринимателями и рабочими, которые мыслитель вообще считал самым главным

фактором социальных изменений. Опираясь на эти объективные, по Марксу, научные знания об обществе, можно целенаправленно и активно осуществлять строительство нового социального строя, в том числе путем осуществления пролетарской революции – впервые в мировой истории революции большинства (пролетариата) против меньшинства (буржуазии). Маркс убежден, что победа пролетариата над буржуазией – неизбежна, является объективным законом развития любого человеческого общества, в силу которого на место старого буржуазного социального строя с его классами и классовой борьбой придет ассоциация свободных индивидов, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». В этом контексте общественная теория Маркса постепенно начинает выполнять функцию религии как некое учение, базирующееся на твердой вере в то, что новый общественный строй («рай на земле») может быть построен с помощью определенных социальных изменений, в том за счет принципиально-насильственных действий одной части общества по отношению к другой (пролетарская революция). Как самый настоящий атрибут новой религии выглядит в учении Маркса и пролетарский мессианизм – полный аналог мессианизма христианского; отсюда вполне логичен вывод о том, что не менее значимым началом, кроме научного знания для Маркса, как видно из вышесказанного, выступает и начала особой веры – веры в объективность экономических аспектов развития общества, веры в обязательное наличие для общества таких же независимых от воли человека законов социального развития, как и законы естествознания для природы, веры в непреложность победы нового соци-

ального строя над старым, веры в историческую миссию пролетариата и др. Эта вера в одних случаях подкрепляется наличием определенных научных знаний, но целый ряд положений теории Маркса об общественном развитии – это все же только «чистые» феномены веры (выше мы некоторые из них обозначили).

Итак, проблема соотношения веры и знания Марксом трактуется как их безусловное единство, причем ведущую роль в нем играет именно научное знание, поскольку вера как самостоятельное начало в явной форме в воззрениях Маркса фактически не присутствует, все положения его учения строятся исключительно из научного знания. Хотя веру, связанную с религией, Маркс, как известно, отвергает, но парадокс состоит в том, что само его учение фактически превращается в новую религию, в которой главные положения становятся самыми настоящими догматами – непреложными истинами по типу известного выражения В.И. Ленина из его статьи «Три источника и три составных части марксизма» [2]: «Учение Маркса – всесильно, потому что оно верно».

В данной статье рассмотрены варианты решения проблемы соотношения веры и знания в философских построениях трех мыслителей – Шопенгауэра, Фейербаха и Маркса; анализ их воззрений показал, что хотя и по-разному, но в их теоретических построениях исследуемая проблема присутствует даже тогда, когда в явном виде ее нет (речь идет о взглядах Шопенгауэра, в которых вера и знание не носят весомого и определяющего характера, поскольку суть его философии сосредоточена в одном-единственном начале – в мировой воле).

ЛИТЕРАТУРА

1. История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
2. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма// Ленин В.И. ППС, 5 изд. Т.23.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление// А. Шопенгауэр. Собр. Соч. в пяти томах. Том первый. Перевод Ю.И. Айхенвальда под редакцией Ю.Н. Попова. Примечания А.Л. Чанышева. М.: «Московский клуб», 1992.
5. Шопенгауэр А. Сборник произведений / Пер. с нем.; Вступ. ст. и прим. И.С. Нарского; Худ. обл. М. В. Драко. - Мн.: 000 «Попурри», 1999.
6. Фейербах Л. Основные положения философии будущего// Фейербах Л. Избранные философские произведения в двух томах. Т. 1. М., 1955.
7. Фейербах Л. Сущность христианства//Л. Фейербах Избранные философские произведения в двух томах. Т.2., М., 1955.

© Извекова Татьяна Федоровна (izvekova01@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Климинская Светлана Леонидовна

к.филол.н., доцент, МГИМО МИД РФ

kvi62@inbox.ru

ANTHROPOLOGICAL FEATURES OF THE DISCOURSE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

S. Kliminskaya

Summary: The article is devoted to the analysis of the concept of sustainable development and its anthropological characteristics. The author analyzes the changes in social life caused by various factors that can be leveled with the implementation of the sustainable development strategy. The article emphasizes the relevance of the anthropocentric approach in creating a new type of society based on the humanities. The formation of a new knowledge-based system of the concept of sustainable development, occurs during communication activities between representatives of the new society.

Keywords: anthropology, sustainable development, knowledge-based society, knowledge system, concept.

Аннотация: Статья посвящена анализу концепции устойчивого развития и ее антропологических характеристик. Автор анализирует изменения в жизни общества, вызванные различными факторами, негативное воздействие которых может быть минимизировано посредством реализации стратегии устойчивого развития. В статье подчеркивается актуальность антропоцентрического подхода при создании общества нового типа, основой которого является гуманитарное знание. Формирование новой системы знаний концепции устойчивого развития происходит при развёртывании дискурса устойчивого развития.

Ключевые слова: антропология, устойчивое развитие, общество знаний, система знаний, концепт.

Введение

Концепция устойчивого развития является результатом эволюционного развития учения В.И. Вернадского о биосфере, подчеркивающей взаимосвязь природы и человека [1]. Теория ученого о рациональном использовании природных ресурсов и ответственность человека, как разумного элемента биосферы, за сохранение планеты подразумевает формирование ноосферного мировоззрения. Новая система взглядов предполагает развитие потенциала человека, который эффективно использует имеющиеся природные ресурсы и достижения научно-технического прогресса для создания более совершенного гражданского общества.

Подобный подход требует формирования долгосрочной социально-экономической стратегии, направленной на достижение поставленных перед обществом целей, которые были сформулированы и зафиксированы в положениях Конференции ООН 1992 г. [19], таких как: определение дела сохранения окружающей среды и мира на планете приоритетной социально-этической задачей для каждого члена общества, организации и учреждения; оптимизация рационального использования имеющихся ресурсов; формирование плодотворного международного взаимодействия для достижения поставленных целей; регулирование демографической ситуации и планирование градостроительной деятельности; развитие науки и образования, а также контроль

за распространением информации и знаний для всестороннего развития человека и др. Данная декларация охватывает все сферы общественной жизни и направлена на устранение негативных последствий стремительного развития человечества.

Таким образом концепция устойчивого развития стала цивилизационной моделью, основу которой составляет баланс между удовлетворением социально-экономических потребностей общества и сохранением окружающей среды. Однако преобразования во всех сферах общественной жизни, а также критические экономические и социальные противоречия 20 века привели к цивилизационному кризису [2], что выразилось в нехватке территорий и природных ресурсов и борьбе за них на макро- и микроуровнях.

Антропологические характеристики концепции устойчивого развития

Глобализационные изменения, а также развитие технологий и изменения в интеллектуальной сфере [11, 12] свидетельствуют о становлении в настоящее время информационно-экологического общества, способного использовать экономические, социальные и политические рычаги, а также интеллектуальные и технологические достижения для развития самого человека и разумного использования природных ресурсов для сохранения условий, пригодных для дальнейшего существования бу-

душих поколений. Кроме того, интеграционные процессы вызвали изменения антропологического характера, которые можно классифицировать следующим образом [4, 5, 7, 13, 15, 16, 17, 20]:

- **политические** – явления, вызванные демократическими преобразованиями и представляющие собой ценность в современном обществе (широта взглядов, политические свободы и др.)
- **социальные** – духовные и этические принципы, направленные формирование общественного сознания, при этом (статус человека в обществе; активность жизненной позиции; участие в общественной жизни, возможность действовать в соответствии с личными интересами, принимать решения, опираясь на личный опыт и др.),
- **экономические** – статус человека как элемента экономических взаимоотношений (характер производства; характер потребления; создание хозяйственной этики; отношение к труду; отношение к собственности и др.)
- **когнитивные** – трансформации, описывающие изменения в действительности и способы их отражения в сознании человека (информационное равенство; манипуляция сознанием; глобализация сознания и др.)
- **гуманитарные** – как часть социального процесса, гуманитарные явления обеспечивают человеческие свободы одновременно ограничивая их при необходимости во избежание процессов самоуничтожения общества (запрет на деструктивное проявление человеческой сущности, распространение гуманитарного знания, стабилизация численности населения, справедливый доступ и распределение ресурсов, мобилизация творческих сил и идеалов в целях сохранения мира и глобального партнерства и др.).

Изменение антропологических характеристик свидетельствует о применении антропоцентрического подхода к формированию современного общества, что зафиксировано в концепции устойчивого развития и предполагает применение гуманитарных критериев к оценке деятельности человека и распространение гуманитарного знания для урегулирования насущных проблем [6].

Гуманитарное знание как основа концепции УР

Гуманитарное знание, составляет основу общества, общественного и межличностного диалогов, а также межгосударственного взаимодействия, так как представляет собой особую ценность и передается от поколения к поколению. Значимость гуманитарного знания заключается в том, что развивает в человеке объективность и формирует его мировоззрение, поскольку связано с природой, гуманизмом, развитием личности. Гуманитарное знание опирается на культурное наследие

народа (мифы, религиозные святыни, литературные произведения и т.п), что дает возможность представителю общества постигать действительность путем декодирования семиотических знаков, транслируемых в национальном культурном наследии [10].

Гуманитарное познание направлено на приведение в соответствие действительности и сознания индивида [18]. Однако современное общество является сложным многополярным феноменом, поэтому гуманитарное познание не ограничивается знаниями о человеке, культуре и истории, оно интегрирует разнообразный научный и практический опыт, образуя ценностно-мировоззренческую систему. Сегодня научному и практическому познанию свойственна междисциплинарность, что особенно актуально для концепции устойчивого развития.

Гуманитарное познание имеет рефлексивный характер, т.е. рождается при переосмыслении информации, полученной из различных источников, в том числе в процессе общения при артикуляции персонального видения проблемы, ценностей и приоритетов [14]. Дискуссия по проблемам устойчивого развития предполагает столкновение позиций и обмен мнениями и знаниями по актуальным общественным вопросам. При этом происходит фокусирование коммуникации на отдельном аспекте/предмете обсуждения, т.е. на первое место выходит интерпретация интересубъективных смыслов, представляющих интерес для коммуникантов, в результате чего генерируется новое знание, которое впоследствии инкорпорируется в систему знаний и в современное мировоззрение.

В рамках концепции устойчивого развития в фокус внимания попадают вопросы экологического, экономического, социального и технологического характера. Перечисленные сферы деятельности являются жизненно важными для современного общества и образуют систему отраслевых знаний, необходимых для реализации стратегии УР. Отраслевые знания представляют собой совокупность научных фактов, накопленного и нового профессионального опыта, экспертных оценок, циркулирующих в отраслевом дискурсе [8]. С развитием технологий и усилением влияния СМИ на общественную жизнь, общественный диалог по проблемам УР осуществляется в различных формах (научное обсуждение, общественные дискуссии, выступления специалистов в СМИ, размещение информации в интернет-пространстве и т.п), при этом наблюдается пересечение и взаимодействие отраслевых дискурсов.

Система знаний концепции устойчивого развития является упорядоченным абстрактным представлением реальности. Система характеризуется открытостью и аутопознностью [21], т.е. она способна принимать новые знания и самостоятельно производить их путем ре-

пликации своих элементов, образующиеся в процессе коммуникации по данным вопросам. Система знаний концепции устойчивого развития опирается на знания из таких научных областей, как экономика, экология, социология, технологии, политика, которые представляют собой совокупности институциональных системно организованных понятий, необходимых для принятия решений по обсуждаемым проблемам.

Элементы данных институциональных знаний представлены концептами, содержательной стороной которых является фундаментальное знание. В речи концепты реализуются семантическими единицами, принадлежащими институциональным семантическим полям, которые образуют пропозициональную основу концепции устойчивого развития.

В силу того, что в настоящее время мы наблюдаем формирование общества знаний (knowledge based society) [3], в котором ценится умение анализировать, формировать и обмениваться информацией, генерировать новые знания в дискуссионном процессе, реализуя собственный познавательный потенциал, становится естественным для современного человека. В этих условиях индивид удовлетворяет потребность в получении информации, как человек нового типа – Homo Informaticus [5], а также реализовывать коммуникативные и социальные функции, принимая участие в решении социально важных проблем.

Развитие технологий и их широкое внедрение в жизнь общества облегчают поиск информации и организацию общественного взаимодействия между представителями различных общественных организаций, членов научных сообществ и других лиц, вне зависимости от культурной принадлежности, уровня и специфики образования, что обуславливает развертывание полилогической дискуссии и формирование дискурса устойчивого развития. На фоне конвергенции институциональных субдискурсов [9] происходит контактирование знаниевых структур в ходе когнитивно-коммуникативного взаимодействия, результатом которого является формирование нового знания в форме гибридных концептов устойчивого развития. Примером гибридных концептов могут служить такие понятия, как *green marketing*, *green consumerism*, *carbon tax*, *eco-labelling*, *sustainable investment* как результат взаимодействия экономической и экологической систем знания; *slow city*, *slow food*, *green agenda*, *green transport*, *sustainable Christmas tree* (наложение социаль-

ного и экологического субдискурсов) и др.

Данные концепты представляют собой семантико-когнитивные бленды, ценность которых заключается в новизне и актуальности представляемых ими понятий, необходимых для решения поставленных задач в рамках концепции устойчивого развития. Данное свойство делает новое знание общественно значимым, что ведет к его инкорпорированию в общественную систему ценностей и закреплению соответствующего гибридного концепта в языковой системе.

Система знаний устойчивого развития является открытой, ее наполнение происходит при возникновении изменений в общественной жизни, с появлением новых вызовов и угроз. Образующиеся концепты могут мигрировать из одной структуры знаний в другую, отражая трансформации в жизни общества, что в свою очередь отражается на антропологических характеристиках общества, таких как политические, социальные, экономические, когнитивные и гуманитарные. Таким образом, наблюдается взаимосвязь между когнитивно-коммуникативной деятельностью человека, гуманитарным знанием, как основой современного общества, и его антропологическими параметрами.

Заключение

Преобразования общественной жизни, вызванные бурным экономическим развитием, политическими кризисами, развитием науки и техники, подтвердили актуальность идей В.И. Вернадского о создании общества нового типа, где будет соблюдаться баланс между потребностями общества и сохранением планеты для будущих поколений. Концепция устойчивого развития, разработанная с учетом социальных потребностей и угроз, стала мировоззрением и стратегией развития для человечества. Реализация данной стратегии вызвала изменение антропологических характеристик и выявило актуальность антропологического подхода при создании общества нового типа. Основу нового общественного порядка составляет гуманитарное знание, которое включает опыт предыдущих поколений и новое знание, формирующееся при развертывании дискурса устойчивого развития в форме гибридных концептов и направленное на реализацию концепции устойчивого развития. Система знаний концепции устойчивого развития является открытой эутопэтической системой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. О науке: в 2 т. Дубна: «Феникс», 1997. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Т.1. Научная мысль как планетное явление. С. 303-538.

2. Гнатюк В.С. Устойчивое развитие социума в ситуации постсовременности // Вестник ВолГУ. Сер.: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 7-12. С.69-76.
3. Иноземцев В.А., Иноземцева Ю.В. Проблема информационных ресурсов в условиях формирования ноосферной экологической цивилизации устойчивого типа // Известия МГТУ. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-informatsionnyh-resursov-v-usloviyah-formirovaniya-noosfernoy-ekologicheskoy-tsivilizatsii-ustoychivogo-tipa> (Дата обращения: 20.02.2021).
4. Коваженков М.А. Управленческая социализация как специфическая антропологическая характеристика // Известия ВолГТУ. 2008. №5. С.7-9.
5. Колин К.К. Человек в информационном обществе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. №2. С.22-31.
6. Корниенко В.И. Гуманитарный прогресс человеческого общества // Вестник ЧелГУ. 2007. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnyy-progress-chelovecheskogo-obschestva> (Дата обращения: 15.01.2021).
7. Корякин В.В., Орлов В.В. Труд, стоимость, собственность в современном обществе (философский анализ) // Вестник ВятГУ. 2010. №4. С.46-54.
8. Куликова О.В. Типы знаний и их взаимодействие в экономическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 25 (685). С. 34-40.
9. Куликова О.В., Климинская С.Л. Концептуальное взаимодействие в динамике дискурса устойчивого развития (на материале английского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2018. №3. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/--gn18-03/4394-a> (Дата обращения: 20.01.2021).
10. Малинкин А.Н. Гуманитарное знание в борьбе эпистемологических парадигм (к истории вопроса) // Гуманитарное знание и вызовы времени. СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 112-114.
11. Мамедов Н.М. Исторический процесс и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-protsess-i-kontseptsiya-ustoychivogo-razvitiya> (Дата обращения: 15.01.2021).
12. Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 199-214.
13. Нагаева С.К. Человек в структуре гражданского общества 1политико-антропологический подход) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2011. №13 (108). С.170-175.
14. Пахонина Е.В. Специфика гуманитарного типа научного познания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-gumanitarnogo-tipa-nauchnogo-razvitiya> (Дата обращения: 20.02.2020).
15. Прикладовский С.А. Детерминация свободы в условиях современной социальной реальности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2012. №143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-svobody-v-usloviyah-sovremennoy-sotsialnoy-realnosti> (дата обращения: 23.02.2021).
16. Уильямс Бернард От «Свободы вообще» к политической свободе // История философии. 2010. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-svobody-voobsche-k-politicheskoy-svobode>.
17. Храпов С.А. Антропологический фактор становления потребительской направленности общественного сознания современной России // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2009. №1. С.52-57.
18. Черникова И.В. Эволюционная эпистемология как когнитивная практика постнеклассической науки // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2008. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnaya-epistemologiya-kak-kognitivnaya-praktika-postneklassicheskoy-nauki> (Дата обращения: 20.02.2021).
19. Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I) URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (Дата обращения: 15.01.2021). [Dokument OON A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (accessed: 15.01.2021).]
20. Byron Good, Andrew McDowell Belief, Anthropology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition) 2015, Pages 493-497. - URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080970868120240>
21. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living. In: Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980, P. 63—134.

© Климинская Светлана Леонидовна (kvi62@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ АКСИОСФЕРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Кузьменкова Татьяна Леонидовна

К.ф.н., доцент, Российский университет транспорта

(г. Москва)

tatyana_smol@mail.ru

TRANSFORMATION OF STUDENTS' AXIOSPHERE IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION OF SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

T. Kuzmenkova

Summary: The article considers the students' value system at the present stage of development. The author notes that values are being transformed in the context of digitalization processes. Traditional and material values are replaced by modern and post-material values in the value consciousness. The data of the conducted sociological research shows that a new value model is being formed based on free access to information, individualization, self-actualization, career development. The author concludes that the main development trend is the synthesis of value innovations and value traditions.

Keywords: axiosphere, values, value consciousness, post-material values, digitalisation, digital values.

Аннотация: В статье рассматривается система ценностей студентов, существующая на современном этапе развития. Автор отмечает, что в условиях процессов цифровизации происходит трансформация ценностей. В ценностном сознании традиционные и материальные ценности вытесняются современными и постматериальными. Данные проведенного социологического исследования показывают, что формируется новая ценностная модель, в основе которой свободный доступ к информации, индивидуализация, самореализация, карьерный рост. Автор делает вывод, что основной тенденцией развития является синтез ценностных инноваций и ценностных традиций.

Ключевые слова: аксиосфера, ценности, ценностное сознание, постматериальные ценности, цифровизация, цифровые ценности.

В современных условиях новой технологической революции, перехода к цифровизации во всех сферах жизни общества, несомненно, ускоренной пандемией, проблема ценностей общества в целом и отдельных групп, в частности, является актуальной как никогда, так как происходит процесс их трансформации. Цифровизация, ставшая реальностью, пришла на смену периоду компьютеризации и информатизации.

Появление категории «цифровизация» относится к 1995 году и трактуется как преобразование информации в цифровую форму, которая приводит к оптимизации издержек, новым перспективам и др. [7]. Но еще ранее, в 1960-70-ые годы, цифровизация начала рассматриваться как некий феномен социальной жизни [5, с. 165]. Цифровизация в образовании в первую очередь связана с переходом и утверждением системы дистанционного обучения, главными принципами которой являются: гуманизация, интерактивность, индивидуализация, идентификация личности, регламентность, открытость и адаптивность, самостоятельность и ответственность.

Процессы цифровизации в России необходимо рассматривать как переходный период. Такие периоды характеризуются пестротой и многообразием ценностей, временем, когда происходит их выбор, своеобразный эксперимент, в результате которого появляется и ут-

верждается новое. Идет переоценка старых ценностей, в процессе которой одни будут отвергнуты, другие видоизменены, третьи – полностью заимствованы. Все это сопровождается появлением новых ценностей, которые сейчас проходят стадию зарождения и становления. Ситуация с новыми ценностями характеризуется особой сложностью, так как они до конца еще не сложились и не стали общезначимыми. То есть можно говорить о некотором синтезе в аксиологической сфере при безусловном появлении нового.

В данной статье проанализирована и показана трансформация ценностей студентов, обусловленная процессами цифровизации общества. Ценности – это ядро структуры личности, они только определяют вектор ее развития и являются основой мировоззренческих установок, но и регулируют поведение. Аксиологическая компонента делает ее уникальной и неповторимой. Ценности необходимо рассматривать через призму деятельности человека. Они выступают многофакторным явлением, всегда детерминированы внутренними и внешними причинами, связаны с самой природой существования человека и общества.

Обращение философов к ценностной составляющей жизни человека, началось со времен античности. Но научный статус данная категория получила срав-

нительно недавно – в XIX веке. За все время ее изучения сложились разные трактовки. Ценность с позиции объективного существования и долженствования рассматривали Н. Гартман, Г. Риккерт, Н. Лосский, В. Тугаринов. Их объективность и абсолютность заключается в том, что они безразличны «к реальному бытию и небытию» [2, с. 207.]. В свою очередь, И. Кант, Ф. Ницше предлагали субъективную трактовку ценностей. Синтез объективных и субъективных характеристик мы находим у М. Шелера.

При рассмотрении ценностей можно выделить два аспекта: онтологический и гносеологический. Согласно онтологическому подходу ценность выступает составной частью бытия, существования человека, живущего в определенное время, на определенном этапе, в определенном обществе и диалектически с ним взаимосвязанного. Она предстает и раскрывается во всем своем многообразии и проявлениях.

Гносеологический подход позволяет определить и выявить, что и как отражается в сознании человека, с помощью каких познавательных средств идет процесс усвоения, утверждения и трансформации ценностей. В нашем случае освоение ценностей происходит в процессе учебной деятельности.

Также необходимо понимать, что система ценностей конкретного студента включает два уровня: социально-типический и индивидуально-личностный и существует как синтез объективного и субъективного. К первому относятся ценности, характерные и преобладающие в обществе, в социальных общностях и социальных группах. Второй уровень включает уникальные, возможно даже и единичные ценности, присущие человеку, независимо от принадлежности его к той или иной социальной группе.

Всесторонний анализ данных, полученных в ходе исследования ценностей студентов, проведенного в Российском университете транспорта, позволит выявить и определить процессы трансформации ценностного сознания и тенденции дальнейшего развития. Опираясь на различные классификации ценностей, будем разделять их на традиционные и современные, материальные и постматериальные.

Ключевыми ценностями информационного общества, с которым соотносятся процессы цифровизации, являются: знания и доступ к ним, идеи и информация, информационные ресурсы, человеческий и интеллектуальный капитал, персонализация и индивидуализация, социальная адаптивность (чем выше ее уровень, тем лучше), креативность и др.

О каком бы периоде в развитии общества не шла речь, ценностное сознание всегда соотносится с обще-

человеческими и традиционными. Именно они в первую очередь выступают объединяющим фактором для общества в целом, его общностей, социальных институтов и социальных групп, в частности. Исследование показывает, что такие ценности, как жизнь, здоровье, семья, дружба, любовь, общение, образование, труд, профессионализм, добро, истина и др. поддерживаются значительной частью респондентов. Их выбирают от 67 до 94%. Сравнение данных, полученных в 2020 г. с результатами аналогичного исследования, проводившегося в 2009 году, показывает, что снизились позиции у материальных ценностей, таких как доход (с 65 до 52%), материальное благополучие (с 63 до 55%), частная собственность (с 57 до 46 %).

На современном этапе изменяется содержание ценности знаний. В традиционном понимании на первом месте стоит приобретение умения получать знания. Но в современных условиях человек значительную часть времени проводит в виртуальной среде, поэтому стремится к овладению технологиями по переработке и анализу информации и использованию их, в том числе, для общения и определения своего типа поведения [1, с. 6]. Поэтому возрастает ценность владения знаниями и информацией (49%). Действительно, реальность цифрового общества состоит в том, что финансовая успешность и более высокий статус в обществе определяется доступом к знаниям и способностью их использовать.

Еще одна ценность – это равенство доступа и равенство возможностей [4, с. 22]. Дистанционное обучение в период самоизоляции, обусловленной пандемией, выявило и обозначило проблему отсутствия этого равенства. Решение данной задачи, направленной на обеспечение равных возможностей – широкое распространение цифровых технологий и гуманизация. И как следствие, потребность в обеспечении равных возможностей доступа к интернет-технологиям, высокоскоростному интернету, у студентов возросла, особенно тех, кто живет в средних и малых городах России, а также в сельской местности.

Для аксиосферы студентов характерно преобладание индивидуалистических ценностей: независимости, свободы, самоуважения, самодостижения успеха, постановка и достижение собственных целей, самореализация и самопрезентация. При этом последняя преобладает над самореализацией. Но рассматривать самореализацию и самопрезентацию как понятия тождественные нельзя. Именно самопрезентация развивает и проявляет собственную индивидуальность. И такие результаты не случайны, так как большинство участников исследования (63%) относятся к поколению Z (кто родился в 2000 году и позже). Представители этого поколения постоянно находятся «в сети» [3, с. 164]. Они имеют развитый навык «брать» информацию, нацелены на получение быстрого, подчас стремительного результата, уверены в собственной исключительности и не воспринимают критику.

Для современных студентов чрезвычайно важны ценности карьеры (73%) и имиджа (57%). Но в цифровой среде часто происходит подмена имиджа эпатажем. И такие процессы проявляются не на единичном уровне, а на общем.

В сложившихся условиях ценность мотивации (43%) возрастает в разы, так как именно она способствует самореализации. Поэтому важно при проведении онлайн занятий мотивировать студента на получение результата, в том числе в научно-исследовательской деятельности. Другая сторона учебного процесса в цифровой реальности – это значительная роль и правильная организация самостоятельной работы студентов. Результат может быть повышен с изменением места данной ценности в сознании студентов.

Как показывает действительность, онлайн жизнь, онлайн общение не решает бытовых и смысложизненных проблем личности. Бесспорно, оно облегчает коммуникацию, но обостряет проблему одиночества и заброшенности. Виртуальное общение способствует рождению вымышленных ситуаций и собеседников, в том числе созданию и своего, порой полностью не соответствующего действительности образа, что негативно отражается и на самосознании, и на самопознании. Опасность заключается в закреплении однобокости умения коммуницировать. Общение «без проблем» в социальных сетях часто не дополняется навыками реальной, то есть живой коммуникации и существует серьезное опасение утраты социальных навыков в офлайн среде. И поэтому цифровизация образования невозможна без развития «эмоционального интеллекта» [6], что и является тенденцией на современном этапе. Необходимо создать такие условия, в которых «цифровой» студент и «цифровой» преподаватель найдут друг друга. Но важно правильное понимание ситуации, в которой роль преподавателя изменилась, те-

перь он в первую очередь координатор действий студентов и всего учебного процесса. Помимо минусов, есть и плюсы: отсутствие границ для общения, в том числе пространственных. Территориальная удаленность не помеха для продолжения и получения образования.

Анализ ценностей студентов показывает, что идет активный процесс развития новых ценностей в аксиосфере. Если в 2000-ые годы при рассмотрении системы ценностей молодежи говорили о постепенном вытеснении коллективизма индивидуализмом, о переходе от важности и значимости общественных проблем к личным, о начале преобладания материальных ценностей над духовными, то сейчас это стало свершившимся фактом.

Трансформация ценностей в эпоху цифровизации происходит с нарушением причинности, то есть новые ценности, утверждаемые в сознании, не зависят от предыдущих. Молодежь, в частности студенчество, наиболее восприимчивая к переменам социальная общность, быстро на них откликается и реагирует. Ей имманентно присуще стремление к изменению ценностной системы. Именно у молодежи в первую очередь происходят процессы перехода ценностных инноваций в ценностные традиции.

Полученные в ходе исследования данные, позволяют определить дальнейшие перспективы в работе. Выявленные риски, сопровождающие становление новой ценностной системы и их анализ приведет к минимизации или полному устранению отрицательных последствий. Цифровизация способствует революции не только технологической, но и культурной. И важно сделать так, чтобы в современных реалиях человек, приобретая цифровые знания, умения и навыки, удовлетворял не только элементарные утилитарные потребности, но продолжал развиваться интеллектуально, духовно и нравственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в «Цифровую» экономику / Под общей ред. А.В. Кешелова. – М.: ВНИИ Геосистем. 2017. – 44 с.
2. Гартман Н. Этика. – М.: Владимир Даль, 2002. – 780 с.
3. Лоткин И.В., Слижевская А.Н. Поколение Z: психологические особенности и ценности (на примере Омского государственного университета путей сообщения (ОМГУПС)) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 4 (38). С. 163-167. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42899768_82358376.pdf (Последнее обращение 20.03.2021).
4. Тимофеев А.В. Трансформация системы ценностей в эпоху цифровизации // Научное мнение. 2019. № 9. С. 22-25.
5. Фомичёва Т.В. Влияние цифровой экономики Российской Федерации на социокультурные ценности россиян // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18 № 2. С. 164-171.
6. Шаяхметова В.Р. Ценностные ориентиры в условиях цифровизации образования: новая реальность/новая утопия // Вестник ПГГПУ. Серия № 3 Гуманитарные и общественные науки. 2019. Вып. 2. С. 23-27. URL: <http://vestnik3.pspu.ru/files/3-2019-2.pdf> (Последнее обращение 21.03.2021).
7. Negroponte N. Being Digital. N-Y.: Knopf, 1995. URL: <https://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf> (Последнее обращение 19.03.2021).

© Кузьменкова Татьяна Леонидовна (tatyana_smol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

VALUE-SENSE PHYLOSOPHY

**A. Kurbatov
L. Kurbatova**

Summary: It has been noted in «The Global Risks Report», published on January 19 2021 by the World Economic Forum, that the “current economic crisis is the deepest on record in the peacetime history”. The President of the RF V.V. Putin, while speaking at the forum, made the following point: “We have all reasons to believe that there are risks of further growth in controversies. And such trends can appear virtually in all spheres”. This finding has been confirmed by the research provided by UNO’s conference on Trade and Development. The point of view, expressed by the group of the Russian scientists in 2003, that “the likelihood of the mankind self-destruction is growing steadily”, has obtained the universal recognition, as well as the finding that “the mankind will only be able to survive if it manages to go through transformation”. Taking into consideration that the crisis is rendered in all the aspects – economical, political, social, technological... - more and more researchers note its gnosiological and ideological character. Growth in popularity of publications, dedicated to subject matter of “practical philosophy” is justified by the authors by inability of theoretical philosophy to provide the answers to the relevant requests of the man and the mankind. The article is dedicated to the basics of value-sense philosophy, which allows to eliminate the inconsistency between the theoretical and practical philosophy and grants the opportunity to come out of the global crisis, following the “positive, harmonious and creative path”, the importance of which was stated by the president of the RF, V.V. Putin in his speech at WEF - 2021 in Davos.

Keywords: value, sense, philosophy, freedom, responsibility, consciousness, maturity, creativity, science, ethics, intellect, individual, subject, management, harmony, economy, transformation, sustainability, development, civilization.

Курбатов Андрей Всеволодович

*К.т.н., директор, НОУ «Свято-Алексиевская гимназия «Ольсово», г. Москва
akurbatov55@mail.ru*

Курбатова Людмила Анатольевна

*К.п.н., Заслуженный учитель РФ, заместитель директора,
НОУ «Свято-Алексиевская гимназия «Ольсово», г. Москва
centrno@mail.ru*

Аннотация: В «Докладе о глобальных рисках», опубликованном 19 января 2021 года Всемирным экономическим форумом, отмечается, что «текущий экономический кризис является самым глубоким за всю историю мирного времени». Президент РФ В.В. Путин, выступивший на форуме, отметил: «Есть все основания полагать, что существуют риски дальнейшего нарастания противоречий. И такие тенденции могут проявляться практически во всех сферах». Данный вывод подтверждается исследованиями, представленными Конференцией ООН по торговле и развитию. Точка зрения, высказанная коллективом российских ученых в 2003 году о том, что «вероятность самоуничтожения человечества непрерывно возрастает», приобретает всеобщее признание, так же как и вывод о том, что «человечество сможет выжить, только если сумеет преобразоваться». Учитывая, что кризис проявляется во всех аспектах – экономическом, политическом, социальном, технологическом... - все большее количество исследователей отмечает его гносеологический и мировоззренческий характер. Рост популярности публикаций, посвященных тематике «практической философии», обосновывается их авторами как неспособность теоретической философии дать ответ на актуальные запросы человека и человечества. Статья посвящена основам ценностно-смысловой философии, позволяющей устранить несоответствие между теоретической и практической философией и обеспечить возможность выхода из глобального кризиса по «позитивной, гармоничной и созидательной траектории», о необходимости которой заявил президент РФ В.В. Путин в своем выступлении на ВЭФ – 2021 в Давосе.

Ключевые слова: ценность, смысл, философия, свобода, ответственность, осознанность, зрелость, творчество, наука, этика, интеллект, личность, субъект, управление, гармония, экономика, трансформация, устойчивость, развитие, цивилизация.

Конституция Российской Федерации впервые в истории государства Российского объявила, что высшей ценностью является «Человек, его права и свободы», а обязанность государства - «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» [1]. Инновационное определение приоритетов права в отношениях человека и государства предъявляет новые требования, как к философии человека, так и к философии права, тем более, что действующий основной закон запрещает государственную идеологию и цензуру, которые традиционно использовались для регулирования как государственно-общественных отношений, так и взаимодействия человека с обществом и государством. Устойчивый рост темпов изменения социально-экономических и правовых условий, характерный для фор-

мирования информационного общества, в ряде случаев может вызывать обострения противоречий между необходимостью инноваций и неготовностью к переосмыслению традиций. Инерция мышления, в свою очередь, может вызывать деструктивные тенденции в деятельности человека и общества, в том числе, криминального характера. В частности, появилось значительное количество публикаций, предупреждающих об опасности абсолютизации свободы [13, 19, 34, 40].

Учитывая, что «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», утвержденная Президентом РФ В.В. Путиным, предполагает дальнейшую интенсификацию темпов изменения как моделей общественно-государственных отношений,

так и моделей взаимодействия человека с обществом и государством. Представляется актуальным совершенствование основ философии свободы, позволяющей обеспечить рост духовного единства нации в условиях идеологического многообразия и технологического рывка, осуществляемого для достижения национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года [5]. Основы ценностно-смысловой философии были разработаны в период подготовки к деидеологизации государственно-общественных отношений, получившей распространение в процессе реформирования образования в соответствии с решениями Всесоюзного съезда работников народного образования 1988 года. «При разработке программ по общественным наукам следует акцентировать их гуманистический смысл. Надо поставить в центр их человека с его поисками и сомнениями. Ведь именно философия должна быть основанием для ценностного выбора, наукой о смысле жизни, а не только о законах природы общества и мышления», - именно так ставилась задача перед участниками Всесоюзного съезда председателем Государственного комитета СССР по народному образованию Г.А. Ягодиным [3]. Раздел доклада, в котором прозвучал призыв сделать философию наукой о смысле жизни и основанием для ценностного выбора, называется «Развитие личности - главная наша забота». Одновременно было сделано важное признание, позволяющее понять одну из причин столь пристального внимания к философии человека: «В течение долгих десятилетий наша воспитательная система настроена на отбор послушных посредственностей. Если творческое мышление не поощряется ни преподавателем, ни коллегами, ни обществом, способности одаренных личностей зачастую гаснут» [3].

Процесс ускорения производства новых знаний вызвал кризис не только марксистско-ленинской философии, считавшейся единственно верной в СССР, но и других ее направлений. Так как сущность глобального кризиса заключается в том, что человек и все человечество не в состоянии осмыслить все производимые знания в целом и, тем более, оценить все возможные последствия их применения, чтобы принять корректное решение о дальнейшем направлении развития человека, семьи, общества, государства и человечества. Заявление Римского клуба, сделанное 01.04.2020 г., свидетельствует об опасности отставания темпов развития философской мысли от требований жизни «Старый мир обречен! Новый мир неизбежен!» и о необходимости радикального изменения парадигмы развития современной цивилизации, переживающей системную катастрофу [55]. Примечательно, что эта системная катастрофа была предсказана, судя по опубликованным данным, 50 лет назад, а ее причины хорошо изучены. Более того, в СССР в 1986 году после провозглашения курса на построение нового общества и нового мира, основанного на «новом мышлении», была разработана новая цен-

ностно-смысловая парадигма развития цивилизации, основанная на ценностно-смысловой философии, системе ценностно-смыслового образования и ценностно-смысловой экономике. Экспериментальная модель устойчивого развития на основе ценностно-смысловой трансформации, обеспечивающей развитие творческих возможностей и гармонии субъектно-субъектных отношений, успешно действовала до 2010 года, пока курс государственной образовательной политики не претерпел радикальной смены от воспитания Человека-Творца к формированию «квалифицированного потребителя!» [33]. Позднее в 2015 году М. Ковальчук, выступая в Совете Федерации, заявил о неизбежности построения новой цивилизации, основанной на осуществлении фашистской мечты - создать принципиально новый подвид *Homosapiens* - служебного человека [10]. Таким образом, гуманизм как императив развития цивилизации встречает противодействие «новой формы фашизма», вызывающей серьезные опасения у авторитетных деятелей науки [42]. Необходимость построения информационного общества, которая провозглашена «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», в мировом сообществе была осознана в 60-х годах прошлого столетия, а исследования, посвященные объективным проблемам, возникающим в процессе его создания, публикуются с конца 60-х - начала 70-х [22, 36, 48].

В СССР проблематика построения информационного общества также интенсивно изучалась, и результаты этих исследований оказали значительное влияние на осознание необходимости реформ. В частности, на Съезде работников народного образования одно из объективных противоречий было выражено следующими словами: «В условиях научно-технической революции темпы обновления техники и технологии, средств и методов производства, управления экономики, самой среды обитания значительно превосходят темпы смены поколений. ... Посмотрите, как остро поставила вопрос о профессиональной некомпетентности многих специалистов наша перестройка! С другой стороны, время обнажило опасный для судьбы цивилизации разрыв между техническим могуществом человека и уровнем развития его социального сознания, его нравственности. Именно этот разрыв является одной из причин нависшей над миром ядерной угрозы, экологической, продовольственной и других глобальных проблем» [3]. Примечательно, что в 1979 был опубликован седьмой доклад Римскому клубу, в котором исследовался человеческий фактор глобальных проблем. В докладе делается вывод о наличии разрыва между способностью человека ориентироваться в современных условиях и возрастающей сложностью постиндустриального мира. Этот разрыв получил название - «человеческая лагуна» [29]. Решение проблемы авторы доклада тоже видят в создании новых технологий обучения, формирующей способность к предвидению и

активную жизненную позицию по отношению к построению личного счастья и конструированию благополучного будущего для всего человечества.

Таким образом, в 1988 году на фоне углубляющегося мирового экономического кризиса руководство Советского Союза, как следует из доклада Съезду, оказалось перед лицом воспитанных им «послушных посредственностей», ожидавших решений, дисциплинированное исполнение которых позволит им повысить уровень личного благосостояния и вывести экономику страны из застоя, вместо того, чтобы заниматься «конструированием личного и общего благополучного будущего». Сложность подготовки таких решений заведомо превышала возможности кадров, управлявших страной. Оставалось только одно – обратиться к творчеству народа, что собственно и было сделано, но оказалось, что «гасить» творческие возможности гораздо легче, чем развивать. Поэтому цитата из письма В.И. Ленина к Н.И. Бухарину, зачитанная на Съезде, оказалась пророческой: «Если вы будете гнать не особенно послушных, но умных людей, и оставите у себя лишь послушных дураков, то партию вы погубите наверняка» [3]. Впрочем, с точки зрения поэта Е. Евтушенко, изложенной в культовой поэме советских времен «Братская ГЭС», недостаток, отмеченный В.И. Лениным, достался Советскому Союзу в наследство от царской России: «На светильники и гасильники человечество разделено. И светильники не примиряются с темнотой в найтемные дни, а гасильники притворяются, что светильники это они» [17].

Советскому Союзу, как и Российской империи, времени на исправление ошибок не хватило, но основы «новой философии», «нового обучения», «нового мышления», «нового образования», «нового просвещения», «нового мировоззрения» и т.п., о необходимости перехода к которым почти полвека говорится на различных научных, экономических и политических форумах во всем мире, были разработаны и даже успешно апробированы в рамках экспериментального образца. Необходимо отметить, что постановка задачи научного исследования была сформулирована значительно раньше, чем состоялся Съезд работников образования. И даже раньше, чем на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1985 году была объявлена «установка на ускорение социально-экономического развития», которая имеет много общего с современной установкой на «технологический рывок», о необходимости которого заявляют президент РФ В.В. Путин, премьер-министр М.В. Мишустин и председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко [45, 39, 41]. В упрощенном виде она сводилась к разработке настолько практичной теории, которая могла бы служить надежным «руководством к успешной деятельности» в условиях «неопределенности», создаваемой темпами производства информации в период перехода к информационному обществу для субъекта любого уровня – человека, семьи, группы,

общества, государства, человечества. Поскольку самой главной угрозой был признан «разрыв между техническим могуществом и нравственностью» и одновременно выдвинуто требование «воспитания борцов за выживание человечества, сохранения планеты, которая стала нашим общим домом», то по существу требовалось формирование нового мировоззрения, основную идею которого можно кратко выразить как осознанное, ответственное творчество устойчивого мира [2]. Одна из многих причин неустойчивости была сформулирована следующим образом: «Никогда человек не взимал с природы столько дани и никогда не оказывался столь уязвимым перед мощью, которую сам же создал». Эта «мощь» формировалась как результат стремления к созданию «общества знаний», под девизом «знание - сила», в процессе конкурирования в интенсивности производства инноваций. Философский вопрос о гармоничном взаимодействии создаваемых знаний-сил упорно игнорировался конкурентами - участниками геоэкономического процесса, также как и призывы к реальному согласованию действий. Закономерный итог - мощь хаотически создаваемых знаний-сил угрожает разрушить современную цивилизацию или, как утверждается в одном из многочисленных научных трудов, посвященных данной проблематике: «Вероятность самоуничтожения человечества непрерывно возрастает» и «Человечество сможет выжить, только если сумеет преобразоваться» [31].

Следует отметить, что, наряду с термином «преобразование», в трудах, посвященных тематике устойчивого (антикризисного) развития, используется часто термин «трансформация». Анализ проблем, возникающих при многочисленных попытках организации преобразования, позволяет сделать вывод об отсутствии необходимого уровня упорядоченности действий, определяющего как результативность, так и эффективность процесса трансформации. Исследования, направленные на поиск антиэнтропийных мер, позволили установить возможность использования для этой цели ценностно-смыслового анализа и ценностно-смыслового синтеза, что послужило основанием для развития ценностно-смысловой философии, позволяющей устранить нарастающее противоречие между традиционным стремлением к достижению идеалов истины, добра и красоты и практикой, свидетельствующей о нарастании тенденций деградации человека и человечества [24]. В частности, в докладах Римского клуба прямо утверждается, что «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен!» и содержится призыв: «Не цепляйся за устаревшую философию!» [15, 55]. В предлагаемом Римским клубом анализе современного фундаментального философского кризиса отмечается, что основы религий и верований, так же как и экономическая система, происходят от прошлого «пустого мира» и не соответствуют требованиям современного «полного мира»! Не отрицая возможность радикального отказа от традиционных форм мировоззрения и пере-

хода к синтезу научного и ведического мировоззрения (наурулегии), необходимо отметить возможность интенсивного совершенствования любого мировоззрения и гармоничного синтеза любых традиционных форм с помощью ценностно-смысловой философии. При этом трансформация приобретает ценностно-смысловой характер, обеспечивающий гармоничность и необходимую для современного мира интенсивность и эффективность. Поскольку система ценностей и смыслов субъекта формируется под воздействием как внешних, так и внутренних факторов, вопрос о готовности субъекта к гармоничной реализации прав и свобод человека зависит от уровня знаний закономерностей, определяющих результат взаимодействия этих факторов, умениями использовать эти знания в практической деятельности и волей к повышению уровня знаний, совершенствованию умений и навыков их практического применения, определяющих его ценностно-смысловую компетентность. Значение философии для формирования мировоззрения человека и человечества не подвергается сомнению мировым научным сообществом. Достаточно упомянуть о том, что смысловое пространство слова «философия» включает такие формулировки, как «философия - это высший уровень и вид мировоззрения»; «философия - это системно-рациональное и теоретически оформленное мировоззрение», чтобы сделать вывод о необходимости разработки основ новой философии, формирующей новое мировоззрение как систему взглядов, убеждений, идеалов, принципов, определяющих отношение субъекта к миру, обществу, самому себе, и обеспечивающей успешность практической деятельности в период гиперразвития цивилизации, отличающийся ростом темпов изменения условий жизни. Однако поскольку далеко не все новое приводит к положительным результатам, то разработка основ новой философии требовала конкретизации новизны. На XXVII съезде КПСС в 1986 году упоминалось об ироническом отношении К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина к механическому заучиванию и повторению формул, способных в лучшем случае «лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического прогресса» [30]. Поэтому одно из требований было выражено следующей формулировкой: «Именно та конкретная экономическая и политическая обстановка, в которой мы находимся, именно та особая полоса исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир, требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений» [2]. Другими словами, от человека требуется самостоятельность мышления, самостоятельность в оценке адекватности сложившихся представлений, определения «отживших», отказа от них и творчества новых, необходимых для устойчивого гармоничного развития. Данное требование определяет необходи-

мость коренной перестройки сознания, так как традиция преподавания основ марксистско-ленинской философии в Советском Союзе основывалась на безусловном признании авторитетов основоположников марксизма – ленинизма и их последователей, внесших вклад в развитие государственной идеологии. Высказывание своей личной позиции по отношению к «отжившим», но официальным представлениям об истине, могло привести к настолько нежелательным последствиям, что принцип «инициатива наказуема» стал руководством к действию для значительного количества строителей коммунизма, а главное – для многих работников образования. Одним из таких «отживших» оказалось представление о воспитании как формировании мировоззрения, соответствующего государственной идеологии, что вызвало явление психологического шока у многих практиков. Основным вопросом совещаний на всех уровнях системы образования в период деидеологизации был один: «Кого же и как мы теперь будем воспитывать, православного христианина, преподавая Закон Божий как при царе – нельзя, коммуниста-атеиста, вовлеченного в организации, построенные на моральном кодексе строителя коммунизма и демократическом централизме – тоже нельзя, а что можно»? Традиций воспитания свободомыслия нет, а любой эксперимент – риск, который может обернуться «абсолютизацией свободы». Шоковое состояние при попытке найти ответы на данные вопросы естественно, так как объявление идеологического многообразия и запрет на государственную или обязательную для всех идеологию фактически требует от каждого осознания необходимости и готовности к творчеству своей личной идеологии и дальнейшему ее совершенствованию в течение всей жизни, а это значительно сложнее, чем строить карьеру, крича «Ура!» любой государственной. Не случайно аплодисментами было встречено на съезде заявление Ягодина о том, что он подписал «...уникальный приказ. В своей жизни никогда ничего подобного не подписывал. Я написал в приказе, что обязанностью экзаменационных комиссий по предмету истории является обеспечение свободы ученику выразить свою точку зрения по предмету, пусть даже отличающуюся от точки зрения учителя и учебника» [3]. К чему привел этот исторический в плане воспитания свободомыслия приказ, можно составить представление из просмотра фильма со знаковым названием «Авария - дочь мента», вышедшего в 1989 году, то есть на следующий год после подписания «уникального приказа». Учительница истории на вопрос «Нравится ли лично ей то, что сейчас происходит?» отвечает: «Нравится, не нравится, но это курс партии, а я не отделяю себя от партии!» Ученик уточняет: «Вы признаете, что не имеете собственного мнения на происходящие в стране события, то есть являетесь слепым проводником чужой воли? Вы ведь начали преподавать еще при Сталине, благополучно пережили правление Хрущева, Брежнева, вчера Вы говорили одно, завтра будете утверждать другое, почему сегодня мы должны Вам

верить?» [49]. Сцена заканчивается объявлением вотума недоверия учителю.

Экспериментальная площадка, на которой осуществлялась апробация курса ценностно-смысловой философии, основанной на практической проверке корректности собственных решений, открылась в 1990 году, то есть спустя год после демонстрации «Аварии» [23, 51]. Успех фильма во многом объясняется эффектом резонанса «вотума недоверия» с явлением аномии, которое со второй половины девятнадцатого века развивается во всем мире и во многом объясняется кризисом философии, провозглашающей идеал гармонии истины, добра и красоты, но не способной указать конкретный путь к его достижению. С момента первого употребления термина «аномия» Эмилем Дюркгеймом в 1893 году процессы, вызывающие возрастание степени сложности отношений между личностью и обществом, стремительно развивались, в то время как методы гармонизации этих отношений в лучшем случае медленно эволюционировали, а в худшем - разрабатывались в деструктивном направлении [16]. Руководитель аналитического центра КГБ В. Широнин в исследовании, посвященном методам работы ЦРУ в период перестройки, прослеживает преемственность между тактикой морального разложения противника, разработанной китайским философом Сунь-Цзы (544 – 496 г. до н.э.) и руководителя ЦРУ США 1953 по 1961 год - Аллена Даллеса [47]. Основной «прогресс» отмечается в масштабах (психологическая война становится тотальной), технических средствах (не применявшихся до нашей эры) и конкретизации атаки на ценности как фундамент любого мировоззрения – «...мы незаметно подменим их ценности на фальшивые...» [54].

Учитывая тенденции распространения практики использования научных знаний против человека и цели заказчиков деструктивных технологий - «...создание служебного человека...», о которых говорилось в выступлении М. Ковальчука в Совете Федерации РФ, при разработке новой философии была поставлена и решена задача исключения фактора внезапности «социокультурной агрессии», о которой упоминает секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев, и обеспечения формирования стойкого иммунитета к любым формам и методам «Культуринтервенции», «Войны смыслов», «Гибридных войн», концентрических войн, информационных войн и тому подобных технологий, иногда характеризующихся как когнитивные [12, 14, 19, 20, 32, 35, 44]. В целом перечисленные выше причины приводят к тому, что аномия достигает критических значений. Поэтому переход от стратегии «социального отбора наиболее послушных удобных управляемых людей к развитию творчества, инициативы, смелости мысли и поступков» потребовал принципиально нового подхода, обеспечивающего одновременное развитие инициативной активности, нравственности, развитой способности к на-

учному мышлению, обеспечивающей высокое качество принимаемых решений и, главное, навыков постоянной интенсивной продуктивной творческой деятельности. В целях одновременного удовлетворения этих требований была разработана ценностно-смысловая философия, которая позволяет решить данную проблему на основе использования метода последовательных приближений в системной организации процесса самопознания – самоактуализации – самореализации – самосовершенствования, обеспечивающего рост адекватности оценок влияния системы ценностей и смыслов на успешность деятельности любого субъекта. Если необходимость идеологии, как правило, не вызывает сомнений, а государственная (обязательная для всех) запрещена и в стране объявлено идеологическое многообразие, то жизнеспособность, уровень и качество жизни, а также устойчивость их развития зависят от готовности субъекта к корректному определению смысла его жизни. Однако общего (доступного для всех) метода, позволяющего последовательно, систематически продвигаться в постижении смысла собственной жизни и одновременно совершенствоваться в его реализации до появления ценностно-смысловой философии, не было. Поэтому степень готовности определялась удачным сочетанием социокультурных условий, в которых осуществлялось формирование мировоззрения субъекта, а также его индивидуальными особенностями. Ценностно-смысловая философия позволяет любому субъекту, в любых условиях повышать компетентность в корректном определении смысла своей жизни и его практической реализации. Возможность использования системы ценностей и смыслов как универсального детерминанта любой идеологии, личной или общественной, а также для организации процесса взаимодействия личности и группы, личности и общества или любых других субъектно-субъектных отношений, определила целесообразность применения ценностно-смысловой философии в условиях идеологического многообразия. Необходимо отметить, что в период строительства коммунизма в СССР сложилась культовая традиция идеологической борьбы, что в условиях идеологического многообразия и провозглашения принципа воспитания на традициях некоторыми субъектами воспринимается как повод для организации скрытой идеологической борьбы вплоть до самых опасных форм и методов. Представление о ключевой «традиционной» установке советской идеологической борьбы дает сцена из фильма «Тихий Дон», в которой революционер расстреливает георгиевского кавалера со словами: «Или они нас, или мы их – середики нет!» [50] Непримиримость к любым проявлениям идеологии, противоречащей научному коммунизму, основанному на марксистско-ленинской философии, культивировалась коммунистическим интернационалом на всей территории СССР [18]. В современном мире, как заявил заместитель председателя Совета безопасности РФ Д.А. Медведев «Исламское государство стало террористическим

интернационалом, который угрожает всему миру» [37]. Аналитики видят угрозу в том, что «Террористический интернационал уже реальность. Антитеррористический – увы, нет» [21]. Особую опасность, по мнению специалистов, представляют «идеологи» терроризма, которые по мнению доктора медицинских наук М.В. Виноградова «как правило обладают высоким интеллектом, высоким уровнем мышления, огромной силой воли, умением подчинять своей воле окружающих, большой общей энергетикой. И еще характеризуются полным отсутствием общечеловеческих морально-этических принципов» [8, 9]. Вполне естественно, что человек, не подготовленный к встрече с таким «идеологом» или его агентами, становится легкой добычей деструктивных организаций [53]. В.П. Журавель считает, что «XXI век требует создания эффективной и работающей системы просвещения граждан в части культурного и конфессионального многообразия, исторического единства жителей страны, истории религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом и терроризмом» [6, 7]. Последствия реализации «прав и свобод человека» при коммуникациях неподготовленных молодых людей с вербовщиками «террористического интернационала» или пропагандистами так называемых «универсальных ценностей» довольно часто становятся предметом разбирательства органов охраны правопорядка. Однако только усилиями правоохранительных структур обеспечить защиту от социокультурной агрессии не представляется возможным. Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г отметил: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведёт за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлечённых идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии» [4]. Ценностно-смысловая философия позволяет организовать совершенствование традиционных ценностей «снизу». Иммунитет, формируемый в процессе изучения теории и практики ценностно-смысловой философии, обеспечивает нейтрализацию негативных коммуникативных влияний при одновременной активизации конструктивного взаимодействия с любыми нравственными представителями многонационального поликультурного идеологического многообразия. Ценностно-смысловая философия основана на принципах комплементарности и сотрудничества в укреплении единства многонационального народа, что в условиях идеологического мно-

гообразия представляется особенно важным для профилактики сепаратизма и терроризма – самых главных угроз современности, по мнению президента РФ В.В. Путина [52]. Особенно важно, что именно ценностно-смысловая философия позволяет сформировать представление о надидеологическом патриотизме, в противовес отжившему идеологическому. Сегодня мы не вправе забывать уроки истории, свидетельствующей о том, что партия большевиков официально боролась за поражение России в Первой мировой войне. Крайне опасно, если такие традиции не будут подвергнуты переосмыслению в процессе формирования мировоззрения молодежи в период идеологического многообразия.

К сожалению, пока результаты общественного обсуждения в части критических замечаний, касающихся несовершенства ценностно-ориентированного подхода, на котором основаны Стратегия национальной безопасности РФ и Стратегия развития воспитания в РФ, не привели к практическим действиям. Ценностно-ориентированный подход, получивший достаточно широкое распространение в педагогике и психологии, безусловно, имеет преимущество перед идеологическим при использовании в качестве инструмента противодействия «незаметной подмене наших ценностей на фальшивые», но эффективность этого инструмента значительно ниже, чем у средств, которыми пользуются специалисты организации «социокультурной агрессии» и «террористического интернационала». Протоиерей Александр Ильяшенко справедливо заметил, что такие ценности как «служение Отечеству», упомянутое в Стратегии национальной безопасности, и «стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством», отмеченное в Стратегии развития воспитания, могут иметь бесчисленное множество смысловых интерпретаций. Причем большинство из них может очень не понравиться авторам текстов Стратегий, которые, очевидно, почему-то предполагали, что именно их индивидуальное представление об этих ценностях должны разделять все! В качестве примера, опровергающего подобные иллюзии (к сожалению, широко распространенные), можно привести книгу протоиерея Георгия Митрофанова «Трагедия России: «запретные» темы истории XX века», в которой деяниям генерала А.А. Власова, перешедшего на сторону фашистов во время Великой Отечественной войны дается положительная оценка [38]. Учитывая, что «вектор политики США и Великобритании в отношении России в начале 2021 года не претерпел изменений и направлен на создание контролируемых угроз по периметру границ РФ», данная особенность ценностно-ориентированного подхода к формированию мировоззрения может быть использована деструктивными силами для разжигания сепаратизма в молодежной среде [11]. Выступая на коллегии ФСБ, президент РФ В.В. Путин заявил: «Мы видим, что уровень глобальных вызовов – таких как терроризм,

трансграничная преступность, киберпреступность – не снижается. На столь сложном фоне мы сталкиваемся и с так называемой политикой сдерживания России. Собственно говоря, это уже давно и хорошо известно. Речь здесь идёт не о естественной для международных отношений конкуренции, а именно о последовательной и весьма агрессивной линии, направленной на то, чтобы сорвать наше развитие, затормозить его, создать проблемы по внешнему периметру и контуру, спровоцировать внутреннюю нестабильность, подорвать ценности, которые объединяют российское общество, в конечном итоге ослабить Россию и поставить её под внешний контроль» [12]. Подрыв ценностей, о котором упоминает глава государства, становится невозможным, если ценностно-смысловая философия используется как системообразующий фактор образования, в соответствии с задачей, поставленной на Всесоюзном Съезде работников образования 1988 года.

Актуальность ценностно-смысловой философии непрерывно возрастает в связи с увеличением масштабов «Войны смыслов» [46]. Публикации об этом инструменте деструктивного воздействия на ценностно-смысловую основу мировоззрения субъектов экономических и политических процессов получили широкое распространение с 2009 года. В связи с тем, что «Россия предлагает возведение национального суверенитета, в том числе культурного и духовно-нравственного, в статус величайшей ценности и основы последующего строительства человеческой цивилизации», представляется целесообразным более широкое распространение ценностно-смысловой философии, как универсальной защиты от социокультурной агрессии [43, 44]. Мотивация овладения основами ценностно-смысловой философии обусловлена, как правило, осознанием необходимости защиты от деструктивных воздействий, направленных на «подрыв ценностей», для того чтобы поставить субъекта «под внешний контроль». Основным ресурсом противостояния негативным влияниям агрессивной информационной среды на систему ценностей и смыслов субъекта является возможность самостоятельного определения и совершенствования собственной системы ценностей и смыслов. Именно инициативная систематическая организованная деятельность по

творческому совершенствованию ценностно-смысловой основы собственного мировоззрения в целях увеличения эффективности реализации потенциальных возможностей субъекта в решении актуальных проблем современного мира обеспечивает возможность преодоления «разрыва», «лакуны», «шока будущего» и обеспечивает его гармоничную трансформацию, адекватную вызовам современности. Качество ценностно-смысловой трансформации находится в прямой зависимости от методик ценностно-смыслового самоопределения, ценностно-смыслового самоуправления и самосовершенствования [24]. Технологический пакет, гарантирующий гармоничное устойчивое развитие возможностей субъекта до уровня, обеспечивающего его успешную социализацию и самореализацию, был создан и апробирован в процессе двадцатилетнего государственного эксперимента, проведенного на базе ГОУ Центра образования № 1804 «Кожухово» с 1990 по 2010 год. Система ценностно-смыслового образования интеллектуальной экономики устойчивого мира продемонстрировала возможность планового управления, в том числе, самоуправления духовно-нравственным, интеллектуальным, физическим и творческим развитием при любом исходном уровне развития субъекта и вопреки деструктивным воздействиям агрессивной информационной среды [26]. При этом система ценностно-смыслового образования разрабатывалась как фундамент новой ценностно-смысловой экономики, основанной на новом ценностно-смысловом мышлении [25]. Результаты эксперимента доказали, что ценностно-смысловая философия обеспечивает гармоничное сотрудничество представителей любых идеологий, конфессий, культур и мировоззрений, способствуя их взаимному обогащению на основе системно-синергетического синтеза реальности [28]. Зависимость эффективности применения ценностно-смысловой философии от уровня знаний закономерностей, обеспечивающих гармонию ценностно-смысловых отношений, потребовала разработки основ новой профессии – ценностно-смыслового менеджмента [27]. Таким образом, в настоящее время созданы все условия, необходимые для развития антикризисной ценностно-смысловой экономики, способной обеспечить устойчивое гармоничное развитие новой ценностно-смысловой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета - Федеральный выпуск № 144 (8198).
2. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. - 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. [В 3 т.]. Т. 1. - М.: Политиздат, 1986. - 654 с.
3. Всесоюзный съезд работников народного образования / Стенографический отчет. – 20-22 декабря 1988 г. – М.: Высшая школа. - 1990 г. – 414 с.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 07.04.2021).
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г.

- № 203. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 07.04.2021).
6. Баранов, В. П. 2017 год. Противодействие терроризму в России, странах Европы и других государствах мира / В.П. Баранов, В.П. Журавель // Статьи и информационные материалы (в 2-х кн.). кн. 1. – М.: Росгвардия; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; ред. журнала «На боевом посту», 2020. – 296 с.
 7. Баранов, В.П. 2017 год. Противодействие терроризму в России, странах Европы и других государствах мира / В.П. Баранов, В.П. Журавель // Статьи и информационные материалы (в 2-х кн.). кн. 2. – М.: Росгвардия; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; ред. журнала «На боевом посту», 2020. – 336 с.
 8. Белашева, И.В. Психология терроризма: учебное пособие / И.В. Белашева, Д.А. Ершова, М.Л. Есяян. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 120 с.
 9. Виноградов, М.В. Терроризм: психологический портрет / М.В. Виноградов, отв. ред. И.Л. Трунов // Терроризм. Правовые аспекты борьбы: Нормативные и международные правовые акты с комментариями. – М., Эксмо, 2005. – 239 с.
 10. Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года. [Электронный ресурс]. - URL: <https://trv-science.ru/2015/10/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 07.04.2021).
 11. Гагарин, Е. НАТО наступает / Газета Завтра. 16.03.2021. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.scoopnest.com/ru/user/ZavtraRu/1371933006588485635-2021> (дата обращения: 07.04.2021).
 12. Гибридная волна: Путин обозначил главные угрозы для России / Известия. - 2021. - 24 февраля [Электронный ресурс]. - URL: <https://iz.ru/1129047/dmitrii-laru/gibridnaia-volna-putin-oboznachil-glavnye-ugrozy-dlia-rossii> (дата обращения: 07.04.2021).
 13. Гобозов, И.А. Свобода: иллюзии и действительность // Философия и общество. - 2014. - Выпуск №3 (75) [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/249051/> (дата обращения: 07.04.2021).
 14. Громыко, Ю.В. Консциентальное оружие и консциентальные войны [Электронный ресурс]. - URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/782> (дата обращения: 07.04.2021).
 15. Доклад Римского клуба - 2018 [Электронный ресурс]. - URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
 16. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. - М., 1996 [Электронный ресурс]. - URL: <https://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-o-razdelenii-obschestvennogo-truda> (дата обращения: 08.04.2021).
 17. Евтушенко, Е.А. Братская ГЭС (поэма) /Е. А. Евтушенко // Стихотворения и поэмы. - М.: Молодая гвардия, 1990. [Электронный ресурс]. - URL: <http://orepextnn.ru/old/man/index.html?id=4914> (дата обращения: 08.04.2021).
 18. Касьяненко, В.И. Построение социализма в СССР и идеологическая борьба двух миров / В.И. Касьяненко // Астана: Цифровая библиотека Казахстана (BIBLIO.KZ). Дата обновления: 31.10.2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/> (дата обращения: 07.04.2021).
 19. Ковальчук М. Колонизация заменилась технологическим порабощением [Электронный ресурс]. - URL: https://aif.ru/society/opinion/mihail_kovalchuk_kolonizaciya_zamenilas_tehnologicheskim_poraboshcheniem (дата обращения: 08.04.2021).
 20. Комлева, Н.А. Гибридная война: сущность и специфика // TEMPUS ET MEMORIA. - Т. 12 № 3/167. - 2017. [Электронный ресурс]. - URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/izvestia3/article/view/2679> (дата обращения: 08.04.2021).
 21. Крылов, А. Террористический интернационал уже реальность. Антитеррористический - увы нет / А. Крылов // М., 2015 [Электронный ресурс]. - URL: <https://moi-goda.ru/nasha-pochta-nashi-spori/terroristicheskiy-internatsional-realnost-antiterroristicheskiy-net> (дата обращения: 08.04.2021).
 22. Кумбс, Ф.Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ / Ф.Г. Кумбс. – М., 1970.
 23. Курбатов, А.В. Становление ценностно-смысловой системы образования / А.В. Курбатов [и др.]. - М.: Перо, 2019 г. - 357 с. ISBN 978-5-00150-680-5
 24. Курбатов, А.В. Ценностно-смысловое самоуправление - средство гармонизации процесса трансформации идейных взглядов / А.В. Курбатов, В.А. Курбатов // «Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике»: электронный сборник научных статей по материалам XXIX Международной научно-практической конференции. – М.: НИЦ МИСИ. – 2020. - С. 33-53. [Электронный ресурс]. – URL: <http://conference-nicmisi.ru/innovatsionnye-issledovaniya-kak-lokomotiv-razvitiya-sovremennoj-nauki-ot-teoreticheskikh-paradigm-k-praktike.html> (дата обращения: 08.04.2021).
 25. Курбатов, А.В. Ценностно-смысловая экономика / А.В. Курбатов, Л.А. Курбатова // American Scientific Journal № (40) / 2020. Vol.1. - С. 53-57. [Электронный ресурс]. - URL: https://american-issue.info/wp-content/uploads/2020/09/asj_40_1_august_2020.pdf DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.40 (дата обращения: 04.04.2021).
 26. Курбатов, А.В. Система ценностно-смыслового образования интеллектуальной экономики устойчивого мира / А.В. Курбатов, Л.А. Курбатова // Евразийский союз ученых (ЕСУ) №3 (72), 2020, ч 4. - С. 17-32. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.72.643
 27. Курбатов, А.В. Ценностно-смысловой менеджмент А.В. Курбатов, Л.А. Курбатова // Евразийский союз ученых (ЕСУ) № 1(82)/2021. - Том 6. Серия: «Экономические науки». - С. 38-43. [Электронный ресурс]. - URL: <https://archive.euroasia-science.ru/index.php/Euroasia/issue/view/36/51> (дата обращения: 08.04.2021).
 28. Курбатова, Л.А. Системно-синергетический синтез реальности / Л.А. Курбатова // На пороге XXI века. - Т. I. - М., 1998. - С. 417. [System-synergetic synthesis of reality // On the threshold of the XXI century - Т. I. - М., 1998. - P. 417. (In Russ).]
 29. Лейбин, В.М. Римский клуб: хроника докладов / В.М. Лейбин // Философия и общество. Выпуск № 6, 1997. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/1501909/> (дата обращения: 08.04.2021).
 30. Ленин, В.И. ПСС / В.И. Ленин. - Т. 31. - С. 132.
 31. Лужков Ю.М. Возрождение истории. Человечество в XXI веке и будущее России / Ю.М. Лужков. – М.: МГУ, 2002. - 198 с.
 32. Макаренко, С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века / С.И. Макаренко. - СПб.,

- 2017 [Электронный ресурс]. - URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/265/makarenko-si-informaczionnoe-protivoborstvo-i-radioelektronnaya-borba-v-seteczricheskikh-vojnah-nachala-xxi-veka-7976> (дата обращения: 08.04.2021).
33. Малинина, В. Задача - вырастить квалифицированного потребителя / В. Малинина // Арсеньевские вести № 13 (1463), 2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.arsvest.ru/rubr/3/47554> (дата обращения: 09.04.2021).
 34. Малиновский, О.Н., К проблеме абсолютизации прав человека и их ограничений в контексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и российского законодательства / О.Н. Малиновский, В.С. Кубрак. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-absolyutizatsii-prav-cheloveka-i-ih-ogranicheniy-v-kontekste-konventsii-o-zaschite-prav-cheloveka-i-osnovnyh-svobod-1950-g-i> (дата обращения: 09.04.2021).
 35. Маркова, Н.Е. Культуринтервенция / Н.Е. Маркова // Монография. Интернет-издание Веб-центра «Омега». - М., 2002. - 90 с.
 36. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. - М.: Прогресс, 1966. - 464 с.
 37. Медведев призвал запад создать широкую антитеррористическую коалицию / Вести. - 2015. - 19 ноября. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.vesti.ru/article/1726906> (дата обращения: 09.04.2021).
 38. Митрофанов Г. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века / Г. Митрофанов. - СПб., 2009 [Электронный ресурс]. - URL: <http://ricolor.org/history/rsv/mitrofanov/> (дата обращения: 09.04.2021).
 39. Мишустин заявил о необходимости технологического рывка / 22.07.2020 г. [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20200722/1574699774.html> (дата обращения: 09.04.2021).
 40. От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). Ред. Федорова М.М., Хевеши М.А. - М.: ИФРАН, 1994.
 41. От Евклида к Лобачевскому: в Совфеде объяснили прорывную стратегию России / 08.02.2021 [Электронный ресурс]. - URL: https://tsargrad.tv/news/ot-evklida-k-lobachevskomu-v-sovfede-objasnili-proryvnuju-strategiju-rossii_321417 (дата обращения: 09.04.2021).
 42. «От предательства до фашизма»: академики, педагоги и родители за возрождение образования» [Электронный ресурс]. - URL: <http://sposok.ru/news/for-students/akademiki-pedagogi-i-roditeli-za-vozhrozhdenie-obrazovaniia/> (дата обращения: 09.04.2021).
 43. Патрушев: отношения РФ и США находятся на самом низком уровне с окончания холодной войны / 08.02.2021. [Электронный ресурс]. - URL: <http://tass.ru/politika/11091123> (дата обращения: 09.04.2021).
 44. Патрушев Н.П. Нужны ли России «универсальные» ценности? / Н.П. Патрушев. [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата обращения: 09.04.2021).
 45. Путин заявил, что России нужен технологический прорыв / 26.04.2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20180426/1519483193.html> (дата обращения: 10.04.2021).
 46. Стариков Н. Скрытое оружие: Война смыслов / Н. Стариков. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.russiapost.ru/archives/72988> (дата обращения: 10.04.2021).
 47. Сунь-Цзы Искусство войны. - М.: Эксмо, 2020. - 160 с.
 48. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 557, [3] с. - (Philosophy). ISBN 5-17-01070
 49. Фильм «Авария - дочь мента» / М., 1989. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cinema.mosfilm.ru/films/35267/> (дата обращения: 10.04.2021).
 50. Фильм «Тихий Дон» / СССР, 1957 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.culture.ru/movies/706/tikhii-don> (дата обращения: 10.04.2021).
 51. Фильм «Курбатовы. Школа на заказ» / Культура - М., 2014. [Электронный ресурс]. - URL: <https://yandex.ru/video/preview/?text=культура.%20школа%20на%20заказ%20Курбатовы&path> (дата обращения: 10.04.2021).
 52. ФСБ назвала сепаратизм главной угрозой безопасности России / М., 2018 [Электронный ресурс]. - URL: <https://news.sputnik.ru/politika/f52459c8254e5f7dd4651ac779a837b7107efac1> (дата обращения: 11.04.2021).
 53. Хромов, В.Д. Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму / В.Д. Хромов. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-protivodei-stviya-ekstremizmu-i-terrorizmu> (дата обращения: 11.04.2021).
 54. Широинин, В.С. КГБ - ЦРУ. Секретные пружины перестройки / В.С. Широинин. - М.: Ягуар, 1997. - 288 с. [Электронный ресурс]. - URL: <https://lib-king.ru/139395-kgb-cru-sekretnye-pruzhiny-perestroyki.html> (дата обращения: 12.04.2021).
 55. Экстренное заявление Римского клуба [Электронный ресурс]. - URL: <https://midgard-edem.org/?p=9147> (дата обращения: 12.04.2021).

© Курбатов Андрей Всеволодович (akurbatov55@mail.ru), Курбатова Людмила Анатольевна (centrno@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА И ПОИСКА КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТ – ТЕЛО

PHILOSOPHICAL AND NATURAL SCIENCE ASPECTS IN THE CONTEXT OF ANALYSIS AND SEARCH FOR CRITERIA FOR DETERMINING THE OBJECT – BODY CATEGORY

**D. Rychansky
I. Berezkina**

Summary: The article is devoted to the development of the philosophical category of the object-the body. The author formulates the criteria by which it is possible to define an object as a «body». It also provides a brief analysis of current philosophical studies of the phenomenon of the body, as a result of which the author comes to the conclusion that the phenomenon of the body in modern philosophical discourse is considered in the context of various aspects. In this analysis, the author uses the most relevant works of modern philosophers and scientists. However, in this article, the body is considered primarily as a physical object belonging to the empirical world, and therefore the issues related to the possibility of a reliable definition of the body as a physical object are updated. The author supports his conclusions about the possibility of defining clear criteria for determining the object «body» with arguments and concrete examples. This article may have theoretical and practical significance for specialists both in the field of natural science and for scientific research in the context of the problems inherent in humanitarian research. This article may also be useful for a wide range of readers interested in scientific problems in the study of the body as a physical object.

Keywords: matter, existence, man, object, single, single object, object – many, body, object – body.

Рычанский Дмитрий Анатольевич

старший бухгалтер, ООО «Проектно-строительная
компания», г. Белгород
dimarichy@yandex.ru

Берёзкина Илеанора Владимировна

учитель физики и информатики, МБОУ СОШ №36,
г. Белгород

Аннотация: Статья посвящена разработке философской категории объекта – тело. Автор формулирует критерии, благодаря которым возможно определить тот или иной объект как «тело». А также дается краткий анализ актуальных философских исследований феномена тела, в результате которого автор приходит к выводу о том, что феномен тела в современном философском дискурсе рассматривается в контексте различных аспектов. В данном анализе автором используются наиболее актуальные труды современных философов и ученых. Однако в данной статье тело рассматривается, прежде всего, как физический объект, принадлежащий к эмпирическому миру, а потому актуализируются вопросы, связанные с возможностью достоверного определения тела как физического объекта. Свои выводы касательно возможности определения четких критериев при определении объекта «тело» автор подкрепляет аргументами и конкретными примерами. Данная статья может иметь теоретическую и практическую значимость для специалистов как в естественнонаучной сфере, так и для научных поисков в контексте проблематики, присущей гуманитарным исследованиям. Также данная статья может оказаться полезной для широкого круга читателей, интересующихся научной проблематикой в исследовании тела как физического объекта.

Ключевые слова: материя, бытие, человек, объект, единичное, единичный объект, объект множество, тело, объект - тело.

Проблема телесности в истории философии является одним из мотивов, определяющих сам стиль философского мышления. Теоретическая эволюция западной метафизики неотделимы от апелляции к телесности. Следовательно, в связи с этим понятием, в отношении него, находит отражение сама суть того или иного философского направления. Разделение понятий «тело» и «телесность», особенно в социальной философии, является чрезвычайно сложной проблемой. Это связано, во-первых, с «естественной очевидностью» тела, на которое, сознательно или нет, возлагается большинство исследователей, пытаясь анализировать этот феномен, а во-вторых - с традиционной оппозицией естественных и гуманитарных наук в стратегиях исследования природы человека и такого объекта как тело.

В повседневной речи понятие «тело» и «телесность» употребляются, как правило, синонимично. Философия имеет среди наук исключительное право «особого» использования языка и традиционно достаточно свободно пользуется большим количеством «обычных» аналогий. Это связано с тем, что именно в философском дискурсе происходит формирование понятий и создание адекватной основы понимания явлений и терминологического аппарата их исследования, изучаются критерии и пределы применения понятий в широком контексте. Сегодня философская проблема телесности, как неотъемлемого атрибута природы человека, достигла такого уровня развития и разнообразия толкований, что требует глубокой разработки и концептуализации.

Среди исторических этапов в формировании современного отношения к категориям «тело» и «телесность» важны во-первых, исследования Декарта [7] и проблематика «психофизического дуализма», а, во-вторых, отношение к телу в философии жизни Ницше [11], в-третьих, рождение и развитие философского понятия «телесности» в феноменологии Гуссерля [8], Сартра [15], Мерло-Понти [10], Шюца [17], и, наконец - взгляд современной социальной топологии Фуко [16], Делеза [6], Бурдьё [4] о роли тела человека в социальном пространстве.

Понятие «тело» – средоточие указанной проблематики – имеет огромное количество экспликаций во всех сферах человеческой жизни: от повседневности - к религиозным практикам, от медицины - к искусству, от личных отношений – к социальным ролям.

В широком смысле «тело» - это материальная вещь (объект эмпирического мира - физическое тело), предмет. «Тело, погружаемое в жидкость, выталкивает объем жидкости равный своему...». Это первое, что приходит в голову, когда речь заходит о научном понимании тела. Великий мыслитель древности Аристотель оставил нам богатое наследие в математике, геометрии, физике в отношении такого предмета как тело. Он научил нас, что именно нам делать с телом, как его помещать в жидкость, сколько при этом газа оно выталкивает и что нам делать, что бы оно ни утонуло.

Что же мы имеем в философии на этот счет?

Тело – понятие философского дискурса, характеризующее

1. физически ограниченную часть вещественной материи, устойчивый комплекс качеств, сил и энергий,
2. живой организм в его соотносительности или сопряженности с душой. Уже в античной философии проведено различие между $\sigma\alpha\rho\zeta$ и $\sigma\omega\mu\alpha$, между физическим телом и одушевленным телом.

В физике, как естественной науке, тело воспринимается как конкретный объект. Отсюда и приходит к нам наделение этого термина массой характеристик и параметров:

- механическими
- динамическими
- энергетическими
- в античном атомизме составные характеристики:
- состав
- элементы
- части.

Все это обусловлено тем, что в физике тело является участником процессов, следовательно, решая задачи физики, все вышеперечисленные характеристики становятся необходимыми. Тела обладают формой, состоят из

субстанции, наделены жизнью или нет. Обладают протяженностью во все стороны и делимы во всех измерениях. В развитии термин «тело» следовал за развитием естественных наук.

Целью данной работы является разработка философского термина «тело», изначально определяя его как материальный объект.

Первое на что обратим свое внимание – это то, что термин тело используется и как часть любой вещественной материи – камень, мяч, топор, молекула воды и прочее, так и как живой организм человек, паук, лягушка. Причем дерево уже спорный объект, с одной стороны оно растет, питается, плодоносит, с другой стороны оно всех больше интересует как строительный материал, то есть когда уже погибло – ни растет, ни питается, ни плодоносит, но еще существует. Эта разница очевидна, когда мы произносим этот термин просто как слово, но есть ли в ней смысл с точки зрения философии?

Если мы предметно рассматриваем неживые предметы, мы обычно говорим об их размерах, массе, плотности, если же мы говорим о человеке, то эти категории тоже приемлемы, но при этом мы понимаем насколько скудно, они характеризуют его. Организм - объект намного сложнее. Но судить о нем как о теле все равно можно. Следовательно, нам необходимо оставить только те характеристики тела, которые подходят в обоих случаях.

По нашей ранее принятой методике введем понятия объект и граница. Простое восприятие тела происходит визуально. Что мы видим, разглядывая любой предмет? Обычно мы видим его границы, можем определить его размеры, выделить у предмета некоторые детали. Такими характеристиками обладают все воспринимаемые на глаз объекты. Но если они у всех предметов одинаковые, то почему мы знаем, что они (предметы) разные? Как мы их узнаем? Как мы узнаем, что это именно они? Потому, что они разные по форме, по размеру – они имеют пространственные границы. А что есть эти самые пространственные границы? Ответив на этот вопрос, мы поймем и сам феномен пространство.

В предыдущих наших работах, мы определились материальным объектом считать часть материи, имеющей внешние границы. Допустим, что внешние границы объекта и есть пространственные границы объекта. Но что именно мы воспринимаем, когда видим их? А видим мы в них то, что они не совпадают между собой! Именно поэтому мы их и видим. По тому, как эти границы не совпадают мы и определяем объект, как его форму, так и его размеры.

Объект «тело» – это объект, внешние границы кото-

рого не совпадают между собой. Степень «не совпадения» границ порождает феномен протяженности. Вот и ускользающий феномен «пространство» обретает свои законные границы. Пространство – это место в материи, которое занимает тело.

Но почему это настолько не очевидно, пространство есть суть граница тела? На наш взгляд, потому что, когда мы говорим о теле предмета, мы имеем ввиду конкретный объект, который зачастую нас интересует: колбаса, сыр, автомобиль, одежда, дом. А когда в том месте материи, куда мы обращаем наше внимание, нет интересующих нас объектов, мы подразумеваем пространство: безвоздушное пространство, пространственная речь, пустое ведро – что в нем? пространство (в нем конечно есть воздух, но для того чтобы утолить жажду нам нужна вода). То есть, говоря о теле, мы подразумеваем наличие предмета, если речь о пространстве мы подразумеваем пустоту – отсутствие интересующего нас объекта.

Попробуем привести обратный пример. Допустим, мы направляемся из точки «А» в точку «Б». Точка «Б» место материи, которое нас интересует. Границы точки совпадают между собой, она не имеет протяженности. Следовательно, точка «Б» есть объект единичный, и не является объектом тела. Дорога из точки «А» в точку «Б» проходит вдоль прямой, образуя отрезок «АБ», добавив объект множество, определим его протяженность в пять километров. Отрезок «АБ» не совпадает между своими пространственными границами вдоль прямой на которой он находится, на пять километров, но рассматривая его перпендикулярно, параллельно земле его границы совпадают, то есть протяженности не имеют. Следовательно, отрезок имея пространственные границы телом еще не стал. Уста-

новим, что точки «А» и «Б» соединяет дорога, имеющая ширину полотна три метра. Таким образом, получается, что дорога не совпадает в своих границах на пять километров в длину и три метра в ширину, образуя вытянутый прямоугольник на плоскости. Стала ли дорога телом? Нет. Так как, взглянув на нее перпендикулярно, по высоте она совпадает в границах с плоскостью образованного ранее прямоугольника. Но если мы представим, что наша дорога уложена тротуарной плиткой высотой шесть сантиметров, то мы получим участок дорожного полотна длиной пять километров, шириной три метра и высотой шесть сантиметров. Теперь наш объект имеет границы, не совпадающие во всех направлениях, и он превратился в объект тело. Выполнив необходимый расчет $5000 \times 3 \times 0,06$ установим, что для покрытия пешеходной дорожки на этом участке нам потребуется 900 кубических метров тротуарной плитки, а это уже термин характеризующий объем тела. Если из этого объема извлечь всю плитку, то получится пространство между точками «А» и «Б» общим объемом 900 метров кубических.

Заключение

Таким образом, в историко-философском дискурсе феномен тела рассматривается в контексте его различных аспектов. То есть данный объект исследования изучается не только как физический объект, но и как объект социальный. Однако для нашего исследования ключевым является естественнонаучный аспект данного вопроса, то есть тело мы анализировали исключительно как объект эмпирического мира, а потому уточним сформулированное выше определение: объект тело – это объект, внешние границы которого не совпадают между собой во всех направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 550.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000. -351 с.
3. Бердяев Н. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники). – М.: Путь. –Май 1933.
4. Бурдые П. Физическое и социальное пространства / П.Бурдые «Социология социального пространства», СПб.: Алетейя, 2007. - 288 с.
5. Быховская, И.М. Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infosport.ru/press/fkvot/1996N2/p19-27.htm>.
6. Декарт, Рене. Из переписки 1663-1649 гг. // Сочинения: В 2 т - М.: Мысль, 1989,- Т. 2 - С. 490.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург; М., 2010
8. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 464 с.
9. Кантор Г. Труды по теории множеств. – Москва, 1985. с. 431.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента; Наука, 1999. – 608 с.
11. Ницше. Так говорил Заратустра / перевод Д. Борзаковского, под ред. Арс. Введенского и Васильева. — М.: Издание М. В. Ключкина, 1900. — Т. I.
12. Рычанский Д.А. Единое и многое // Интернаука, 2018, №3(7). С. 68.
13. Рычанский Д.А., Берёзкина И.В. Единичный объект при анализе материи. Интернаука: научный журнал. № 4(86). Часть 2. – М., 2019. с. 64.
14. Рычанский Д.А., Берёзкина И.В. Множество как объект // Интернаука: научный журнал. № 3(132). Часть 1. – М., 2020. с. 92.
15. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.

16. Фуко М. Рождение биополитики / ФукоМ. -СПб.: Наука, 2010. –448с.

17. Шюц А. Размышления о проблеме релевантности, Глава 7: Биографическая ситуация / Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом / Пер. С нем. и англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.- 1056 с.

© Рычанский Дмитрий Анатольевич (dimarichy@yandex.ru), Берёзкина Илеанора Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



г. Белгород

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ И РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ: ОЦЕНКА СЦЕНАРИЕВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Смирнов Сергей Владимирович

*К.ф.н., доцент, Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
sunstability@yandex.ru*

GLOBAL WARMING AND RESOURCE DEFICIT: ASSESSMENT OF ENVIRONMENTAL DISASTER SCENARIOS

S. Smirnov

Summary: The aim of the presented research is to comprehend and assess the most common scenarios of an ecological disaster. The article examines the essential aspects and consequences of global climate change and depletion of mineral resources. Arguments are presented that cast doubt on the role of humans in the process of global warming, and the role of natural factors in the formation of the Earth's climate is emphasized. The idea of insufficiently effective human use of the developed mineral deposits is substantiated, the task is to study the laws of natural reproduction of some of them. As a result of the study, the possibility of implementing negative environmental trends associated with the consequences of changes in global temperature has been substantiated, and, at the same time, the inconsistency of forecasts of the onset of resource hunger has been shown.

Keywords: man, ecological disaster, ecological allarmism, climate, global warming, minerals, mineral raw materials.

Аннотация: Целью представленного исследования является осмысление и оценка наиболее распространенных сценариев экологической катастрофы. В статье рассматриваются сущностные аспекты и последствия глобального изменения климата и исчерпания запасов минерального сырья. Приводятся аргументы, ставящие под сомнение роль человека в процессе глобального потепления, подчеркивается роль естественных факторов в формировании климата Земли. Обосновывается мысль о недостаточно эффективном использовании человеком разрабатываемых месторождений полезных ископаемых, ставится задача изучения закономерностей естественного воспроизводства некоторых из них. В результате исследования обоснована возможность реализации негативных экологических трендов связанных с последствиями изменения глобальной температуры, и, одновременно, показана несостоятельность прогнозов наступления ресурсного голода.

Ключевые слова: человек, экологическая катастрофа, экологический аллармизм, климат, глобальное потепление, полезные ископаемые, минеральное сырье.

Проблемы экологии сегодня являются предметом осмысления самой широкой общественности: философов и ученых, политиков и бизнесменов, международных неправительственных и межправительственных организаций, представителей средств массовой информации и обывательской среды. Ситуации экологического неблагополучия вызывают широкий общественный резонанс, способствуя развитию природоохранного движения, ужесточению экологического законодательства, разработке международных соглашений направленных на защиту окружающей среды.

Несмотря на активную рефлексию экологических проблем и реализацию предметных природоохранных инициатив, качество естественной среды продолжает ухудшаться. Это ухудшение стало причиной формирования экологического аллармизма – идеологии, основанной на неизбежности гибели человечества от последствий инициированных им негативных природных изменений: потепления климата, разрушения озонового слоя, загрязнения окружающей среды, сокращения доступных запасов полезных ископаемых и т.д. [1].

Охарактеризуем и постараемся оценить в соответствии с целью представленного исследования, наиболее

обсуждаемые сценарии экологической катастрофы.

Обратимся к проблеме глобального потепления.

Под глобальным потеплением понимают процесс долгосрочного повышения средней температуры приземного слоя атмосферы Земли, имеющий место, начиная, со второй половины XIX века.

Среди многочисленных экологических угроз являющихся следствием глобального потепления наиболее актуальной считается угроза таяния полярных ледниковых покровов результатом, которого станет повышение уровня Мирового океана [2, с. 69]. Следствием данного процесса станет затопление огромных массивов суши – городов, промышленных центров, сельскохозяйственных угодий, что неизбежно приведет к обострению мировой эпидемиологической ситуации и дефициту продовольствия. За этими событиями последует новое великое переселение народов и экологические войны.

Проблему глобального потепления традиционно связывают с ростом концентрации в атмосфере углекислого газа – соединения, обладающего парниковыми свойствами (т.е. способностью свободно пропускать солнечную

радиацию, одновременно, задерживая излучение поверхности Земли) основным источником, которого, является производственная деятельность человека.

Данная точка зрения считается «классической» и разделяется большинством исследователей занимающихся проблемой глобального потепления.

Между тем, ряд фактов позволяет утверждать, что строгой зависимости между содержанием углекислого газа в атмосфере и температурой ее приземных слоев не существует. Так, анализ состава гренландского и антарктического льдов, образцы которых были получены в результате бурения сверхглубоких скважин, показали, что в разные геологические эпохи соотношение между объемом углекислого газа и температурой воздуха было различным. К примеру, «в Гренландии, (название которой означает «Зеленая страна»), тысячу лет назад царило тепло, тогда, как содержание углекислого газа в воздухе было гораздо ниже современного. ...И рост содержания CO₂ в атмосферном воздухе начался раньше, чем произошел скачок в развитии индустрии, с которым связывают глобальное потепление» [3, С.184-185].

Ряд ученых в настоящее время склоняются к мнению, что рост содержания в воздухе углекислого газа является не причиной, а следствием потепления климата! Основанием для подобного утверждения является то, «что 90% углекислого газа растворено в Мировом океане и процесс изъятия углекислого газа из воды бесконечен. Если вы нагреете океан хоть на полградуса, то он сразу выбрасывает массу углекислого газа в воздух.... Наоборот, в случае похолодания океаны с легкостью поглощают углекислый газ» [4, с. 106].

Более того, существует мнение о том, что глобальное потепление не что иное, как миф, созданный отдельными деятелями, компаниями и организациями, так или иначе заинтересованных в получении колоссальных средств. Эти средства выделяются международным сообществом на борьбу с выбросом в атмосферу парниковых газов [3, С.185].

Интересным в данном контексте является доклад, подготовленный еще в 2012 году Метеорологическим центром Великобритании. В данном докладе была опубликована информация о том, что глобальное потепление на самом деле является фикцией, а его так называемым «результатом», является прекращение в последние 10-15 лет роста среднегодовой глобальной температуры [5, с. 91].

С представленным докладом согласуются наблюдения отечественных ученых В.М. Котлякова, А.Ф. Глазовского и М.Ю. Москалевского согласно которым в течение последний пятидесяти лет наблюдается устойчивое уве-

личение толщины ледниковых покровов Антарктиды, что явно противоречит теории глобального потепления [6].

Если говорить о мере ответственности человека за данный процесс, то так называемый «антропогенный фактор» являющийся причиной глобального потепления, несостоятелен [7]. Ведущая роль в формировании климата принадлежит факторам космическим и геологическим: интенсивности солнечного излучения, расстоянию от Земли до Солнца, углу наклона оси вращения Земли к плоскости ее орбиты, массе и плотности Земли, величине силы тяжести и т.д. Как отмечает в одном из своих интервью академик А.П. Капица, «парниковый эффект – совершенно неправильная и ненаучная теория. Человеческая деятельность практически не влияет на климат... Потепление связано с колебаниями оси вращения Земли, с координатами изменения эклиптики Земли, изменением солнечной активности и рядом природных изменений, которые вызывают резкие колебания климата Земли. Человеческое влияние ничтожно мало по сравнению с теми процессами, которые происходят в природе» [8].

Проблема глобального потепления, таким образом, не является достаточно изученной для того, чтобы уверенно рассуждать об обозримой вероятности наступления связанных с ней негативных экологических изменений. С другой стороны, процесс изменения глобальной температуры в основном обусловлен естественными факторами, влиять на которые, а тем более изменять, человек не в состоянии, а это значит, что если процесс глобального потепления все же запущен, в обозримом будущем он может привести к неисчислимым экологическим бедствиям.

Обратимся к проблеме исчерпания полезных ископаемых.

Полезные ископаемые – это минеральные и органические образования земной коры, используемые человеком в своей хозяйственной деятельности.

Современные темпы и объемы потребления полезных ископаемых дают основания для составления пессимистических прогнозов относительно временных перспектив их использования. Так отмечается, что в настоящее время «ежегодно из недр Земли извлекается более 100 млрд т различного минерального сырья и топлива. Это руды черных и цветных металлов, уголь, нефть, газ, строительные материалы, горнохимическое сырье... Интенсивная разработка месторождений железной руды привела к истощению многих залежей не только Старого, но и Нового Света. Оскудели запасы этой руды на Урале, в Лотарингии (Франция), у Великих американских озер. Заметно обеднели ресурсы медных руд в Замбии и Заире. А тихоокеанское государство

Науру, некогда славившееся колоссальными запасами фосфоритов, уже практически лишилось их» [9]. В ближайшие десятилетия, согласно прогнозам, нас ожидает исчерпание доступных запасов цинка, олова, свинца. Затем – алюминия, кобальта и никеля. К середине XXI века закончатся горючие полезные ископаемые [10].

Наибольшую обеспокоенность у человечества вызывает перспектива исчерпания запасов нефти и газа.

Нефть – один из ценнейших ресурсов который дала человеку природа. Топливо, созданное на основе нефти, обеспечивает транспортировку жизненно необходимых грузов. Нефть является сырьём для производства пластмасс, каучука, резины, химических и лекарственных препаратов. Из нефти делают растворители, удобрения, подгузники, ткани, искусственный мех, косметику и даже жевательную резинку...

Исчерпание запасов нефти приведет к резкому повышению ее стоимости и увеличению потребления природного газа. Когда закончится газ, начнутся перебои с электричеством. Будет парализован транспорт. Придет в упадок экономика. Замрут торговля, промышленность и сельское хозяйство. Все это приведет к резкому сокращению численности людей. Цивилизация окажется отброшенной на столетия назад – в эпоху господства мелкого товарного обмена и натурального хозяйства.

Насколько оправданы подобные пессимистические прогнозы?

Действительно, разрабатываемые сегодня месторождения полезных ископаемых постепенно истощаются. Но дело в том, что большинство разрабатываемых месторождений относятся к категории легкодоступных, рентабельных. Для того чтобы оценить общий объем месторождения, требуются капиталовложения на геологоразведку. Но, поскольку эти вложения не приносят одномоментной прибыли, добывающие компании снимают лишь «сливки», ограничиваясь разработками месторождения, на период не более 20–40 лет. Разведочные работы и добыча осуществляются до глубин не более 300 м, хотя технологии позволяют производить добычу до глубин в 2-3 км [10]!

При оценке доступных запасов полезных ископаемых также привлекается статистика, касающаяся их объема лишь в разрабатываемых месторождениях. Работа по выявлению новых месторождений идет достаточно медленно, что не в последнюю очередь обусловлено высокой стоимостью геологоразведочных работ. Так, отмечают в этой связи В.Л. Лось, В.А. Нарсеев, В.И. Старостин, если «в 1965 г. средняя по миру стоимость открытия одного месторождения цветных металлов (в сопоставимых ценах) была 13-14 млн долларов, а в настоящее время –

40-50 млн долларов (по некоторым данным даже существенно больше)» [11, с. 75].

Упускается из виду также то обстоятельство, что ряд полезных ископаемых могут иметь возобновляемый характер.

Таким возобновляемым природным ресурсом, по мнению В.Н. Ларина, автора теории гидридной Земли, может являться нефть, непрерывно образующаяся в недрах Земли в результате дегазации водорода поступающего из ее глубинных слоев и его взаимодействия с углеродом (в виде растительных остатков или осадочных пород). Автор опровергает мысль о том, что существующие в природе запасы нефти (согласно устоявшейся точке зрения) сформировались сотни миллионов лет назад. По его мнению, за этот период времени нефть должна быть «съедена» бактериями, либо под действием тяжести вышележащих пород Земли превратиться в битум или асфальт.

В пользу своей теории ученый приводит доводы о внезапном возобновлении нефти в уже выработанных месторождениях в Татарстане, Чечне, Техасе, Оклахоме [12, с. 218-220]. Так, согласно первоначальным подсчетам, «запасы нефти, открытой в Татарстане, оценивались в 709 млн. тонн. Сегодня этой нефти в Республике добыто в 4 раза больше предсказанного количества – около 2,7 млрд. тонн. И нефть здесь пока не заканчивается. Природа пополнила свои кладовые при нашей жизни» [10].

Проблема исчерпания полезных ископаемых, таким образом, является достаточно преувеличенной. Актуальность угрозы наступления ресурсного «голода» обусловлена лишь перспективой выработки используемых в настоящее время легкодоступных месторождений, отсутствием статистики по неразведанным запасам полезных ископаемых, недостатком наших знаний о вероятности естественного воспроизводства некоторых из них.

Оценка вероятных сценариев экологической катастрофы, осуществленная нами в рамках представленного исследования, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Проблема глобального потепления в настоящее время не является достаточно изученной для того, чтобы уверенно утверждать о существовании устойчивого тренда изменения глобальной температуры.
2. Климат Земли в основном формируется в результате взаимодействия естественных факторов. Рост концентрации углекислого газа и вызванный этим парниковый эффект, не оказывают серьезного воздействия на процессы его изменения.
3. Поскольку эволюция климата не зависит от деятельности человека, устойчивый рост глобальной

температуры, может, в перспективе, привести к серьезным экологическим последствиям.

4. Угроза истощения полезных ископаемых обусловлена недостаточно эффективной разработкой существующих месторождений минерального сырья, отсутствием системной работы по выявлению новых залежей.

5. Совершенствование технологий добычи, рост инвестиций в геологическую разведку и освоение новых месторождений полезных ископаемых, изучение механизмов их воспроизводства, дают основание утверждать о несостоятельности прогнозов истощения запасов минерального сырья.

ЛИТЕРАТУРА

1. 50 версий гибели человечества: 50 фактов, способных изменить наш мир // Авт.-сост. М.В. Адамчик. Мн.: Харвест, 2006. 274 с.
2. Кароль И.Л., Киселев А.А. Парадоксы климата. Ледниковый период или обжигающий зной? М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. 228 с.
3. Бреслав И.С., Брянцева Л.А. Всё о воздухе, которым мы дышим: О том, как формировался состав воздуха, как его улучшить, как создавать искусственный воздух и еще о многих других вопросах. М.: ЛЕНАРД, 2017. 200 с.
4. Фрумин Г.Т. Глобальные экологические проблемы: путь к катастрофе или миф? // Общество. Среда. Развитие. 2009. №3 (12). С. 101-113.
5. Каримов К.А. Современная эволюция глобального потепления: реальности и мифы // Известия национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2012. № 4. С. 90-94.
6. Котляков В.М., Глазовский А.Ф., Москалевский М.Ю. Динамика массы льда в Антарктиде в эпоху потепления // Лед и снег. 2017. Т.57. No2. С.149–169.
7. Трухин В.И., Показаев К.В., Куницын В.Е., Шрейдер А.А. Основы экологической геофизики. СПб.: Лань, 2004. 384 с.
8. Почему глобальное потепление – это миф? [Электронный ресурс] https://ludirosta.ru/post/pochemu-globalnoe-poteplenie-eto-mif_1738 (дата обращения 06.04.2021).
9. Глобальные проблемы человечества. Истощение земных недр [Электронный ресурс] https://www.globaltrouble.ru/syr_evaya_problema/istoshchenie_zemnykh_nedr.html (дата обращения 06.04.2021).
10. Когда закончатся все ископаемые ресурсы [Электронный ресурс] https://spravochnik.ru/geografiya/kogda_zakonchatsya_vse_iskopaemye_resursy/#mneniya-uchenyh-ob-istoschenii-poleznyh-iskopaemyh (дата обращения 06.04. 2021).
11. Лось. В.Л., Нарсеев В.А., Старостин В.И. Проблемы оценки недр на рудные полезные ископаемые // Геология и охрана недр. 2015. №1 (54). С. 75-83.
12. Ларин В.Н. Наша Земля (происхождение, состав, строение и развитие изначально гидридной Земли). М: Агар, 2005. 248 с.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Соболева Елена Анатольевна

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханская
государственная консерватория».
elenso10@mail.ru

THE EXPERIENCE OF USING EMPIRICAL METHODS IN CULTURAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH

E. Soboleva

Summary: The article considers an example of using the interviewing method in cultural and philosophical studies. We are talking about the analysis of in-depth interviews of composers of the Lower Volga region in order to identify such issues as the new conditions for the existence of musical organizations, the state of modern music, the content and semantic basis of musical works, genre priorities, and the philosophy of creativity. In this context, the object of the study is musical culture, and the subject is the active position of regional composers in relation to the processes that are taking place in the musical world today and are reflected in their works. Using this method allows you to highlight the identified problems «from the inside», which can contribute to a deeper understanding of them.

Keywords: interview, music culture, composer, creativity, philosophy of creativity, Union of Composers.

Аннотация: В статье рассматривается пример использования метода интервьюирования в культурфилософских исследованиях. Речь идет об анализе глубинного интервью композиторов Нижнего Поволжья с целью выявления таких вопросов как, новые условия существования музыкальных организаций, состояние современной музыки, содержательно-смысловая основа музыкальных произведений, жанровые приоритеты, философия творчества. В данном ключе объектом исследования выступает музыкальная культура, а предметом – деятельностная позиция региональных композиторов в отношении тех процессов, которые сегодня происходят в музыкальном мире и отражаются в их произведениях. Использование данного метода позволяет осветить обозначенные проблемы «изнутри», что может способствовать более глубокому их осмыслению.

Ключевые слова: интервью, музыкальная культура, композитор, творчество, философия творчества, Союз композиторов.

Одним из методов современного эмпирического исследования является интервьюирование, что предполагает обработку и анализ данных, полученных в ходе устного общения (беседы). В рамках культурфилософии подобный метод используется нечасто, однако он имеет свои преимущества в рассмотрении интересующей проблемы как бы «от первого лица». В настоящей статье предлагается анализ результатов опроса глубинного интервью, целью которого явилось исследование деятельности региональных композиторов, точнее, их позиции в отношении тех процессов, которые сегодня происходят в музыкальном мире и отражаются в их произведениях. Современная музыкальная отечественная культура испытывает не только внутренний кризис, связанный с уровнем потребляемого музыкального материала, но и с обесцениванием статуса профессии музыканта, если речь не идёт о выдающихся музыкантах с мировым именем. С момента открытия первой Петербургской консерватории в России (1862) на сегодняшний день в РФ действуют 11 консерваторий и около 32-х учебных заведений, где готовят профессиональных музыкантов, среди которых выпускаются и композиторы. Они-то и пополняют составы столичных и региональных музыкальных организаций, однако, если учесть, что в нашей стране действуют 48 музыкальных союзов, в основном региональных, насчи-

тывающих более 1000 членов, можно себе представить, какое количество музыкального материала так и не обретёт своего слушателя. В этой связи, исследование позиции современных профессиональных композиторов, проживающих в регионах России, в отношении дальнейшей судьбы отечественной и мировой музыкальной культуры, а также содержательный аспект их творчества представляется интересным, так как деятельность композиторов (как профессионалов, принадлежащих мировому сообществу деятелей искусства) в какой-то степени «тормозит» окончательный переход музыки в цифровую среду, где сочинение и исполнение станут прерогативой компьютерных и мобильных программ. В данной статье будет представлен материал исследования глубинного интервью с композиторами Нижнего Поволжья – И. Дородновым [3], А. Павлючуком [7], С. Полозовым [8], Ю. Гонцовым [6], А. Манджиевым [4], П. Морозовым [5], А. Рындиным [1], Л. Бутаковым [2] и др. Опрос производился октябре – ноябре 2020 г.

В современных условиях для композиторов всё чаще встаёт проблема невостребованности, работы «в стол», вынужденности писать в малых формах и жанрах. Особенно остро такую диспропорцию ситуации переживают композиторы «первого поколения», расцвет творчества которых пришёлся на советский период, привыкших

к «твердому плечу» центральной организации (Союзу композиторов РСФСР). Однако композиторы «второго поколения», чьё формирование происходило после социальных пертурбаций 90-х годов, более оптимистично оценивают свою роль и положение в поле современного музыкального пространства.

Основными вопросами проведённых интервью стали: новые условия существования музыкальных организаций, состояние современной музыки, содержательно-смысловая основа музыкальных произведений, жанровые приоритеты, философия творчества.

Приведём некоторые данные общего анализа глубинного интервью.

После 2000-х годов изменилось финансовое и политическое положение Союза композиторов РСФСР (СК РСФСР), регионы лишились мощной финансовой поддержки центра, а региональные композиторы – возможности финансирования издания нот, выступления на столичных теле и радиоканалах, исполнения своих сочинений на площадках столиц, командировок в Дома творчества. Особенно остро это коснулось композиторов «первого поколения», расцвет творчества которых пришёлся на годы советского периода. Композиторы «второго поколения», несмотря на то, что их детство прошло в СССР, не испытали на себе последствий культурной «ломки», так как формировались в музыкальной академической среде – особой, достаточно консервативной сфере человеческой коммуникации. Что касается утраченной поддержки со стороны музыкальной организации (речь идёт о бывшей СК РСФСР, ныне – СК России), которая являлась «альма-матер» для старших коллег по цеху, то здесь даётся противоречивая оценка идее культивирования композиторского поприща, прежде всего в регионах. С одной стороны, наличие свыше шестисот композиторов в стране – прекрасный показатель, указывающий на высокий уровень музыкальной культуры, так как ремесло композитора подразумевает не только соответствующее музыкальное образование, но и талант, без которого немислимо композиторское творчество. С другой стороны, такое обилие композиторов порождает их невостребованность, малоизвестность, превращает их деятельность в творчество для самих себя. То есть возникает извечная проблема отношений между массовым и элитарным искусством в том смысле, что процент людей, настроенных слушать классическую музыку, по-прежнему очень мал (даже в советское время, при пропаганде классического наследия со стороны государства, процент потребления классики вряд ли выходил за рамки 30%). Это может быть связано с тем, что элитарное искусство нажимает на болевые, экзистенциальные точки, которые человек не всегда готов обнажать. Поэтому для современного художника проблема популярности, как фактора первого места в массовом слушательском

рейтинге, не стоит особо остро, так как у любого мастера есть свой зритель и слушатель. Другое дело, что композитор, в отличие от того же художника или писателя, общается со слушателем опосредовано – через исполнителя, что создаёт определённую проблему исполнения написанных сочинений. Поэтому можно сказать, что у каждого композитора есть и свой исполнитель, на которого часто ориентировано сочинение, и от которого в какой-то степени зависит судьба произведения. Являясь проводником композитора вовне, исполнитель превращается в первого и главного ценителя, так как именно он обеспечивает более широкие связи композитора с окружающим миром. Нельзя сказать, что такая особенность взаимодействия композитора и исполнителя не была характерна для прошлого времени. Чисто теоретически, у современного композитора больше возможностей не замыкаться в обособленном пространстве своего региона. При помощи современных средств коммуникации он имеет все условия для выхода на международный уровень. Но это теоретически, а фактически, без определённой поддержки и наработанных связей – это трудновыполнимая задача. В советскую эпоху именно СК РСФСР предоставлял такие возможности своим членам, так как брал на себя издание нот, эфиры на радио, телевидении, финансировал участие в фестивалях не только в центре, но и за рубежом. Это давало возможность композиторам активно участвовать в музыкальной жизни своей страны и мира, делиться музыкальными идеями и получать достойную критику в центральных и региональных музыкальных изданиях. В сегодняшних реалиях каждый может самостоятельно планировать свою творческую деятельность, без спущенных сверху обязательств писать оперу, балет, симфонию и т.д. Пребывая в состоянии свободного выбора, композитор также вовлекается в процесс свободной конкуренции, причём не только с собратьями по цеху, но и с музыкальными электронными технологиями, которые набирают всё большую популярность. Однако этот фактор не рассматривается пессимистично представителями как первого, так и второго поколения, так как практически все опрошенные считают, что реальности и животворности музыкальной мысли трудно противопоставить электронный вариант – он безнадежно проиграет.

Один из главных вопросов, поднятых в интервью – состояние современной музыки, которая, начиная с XX века, была направлена на поиск новых форм музыкального выражения, от нотописи до звуковой палитры. Как отметил астраханский композитор Л. Бутаков, в искусстве всегда существует поиск новых форм, что отражается в истории искусства, но при этом нельзя исключать возвращение к прежним идеям и формам. Начиная с XVIII века, в музыкальном мире каждого столетия наблюдается устойчивая тенденция: примерно в первой половине века – происходит стремление к «пентатонике» (строгости формы и стиля), во второй – к «хроматике»

(тяготение к свободной форме и полистилистика). В XX веке это просматривается в творчестве С. Прокофьева, Д. Шостаковича («пентатоника») и П. Булеза, К. Штокхаузена, К. Пендерецкого («хроматика»). Более того, данный переход систем друг в друга часто можно наблюдать в индивидуальном творчестве многих композиторов. В качестве примера можно привести А. Шёнберга, творившего на стыке XIX и XX веков, и В. Сильвестрова, творчество которого пришлось на XX и XXI века. В их музыке данный «слом» (смена парадигмы) прослеживается с заметной очевидностью. Есть, конечно, «исключения» – Г. Свиридов, А. Гаврилин (их творчество пришлось на вторую половину XX века), но при этом они остались в контексте «пентатоники». Однако переход от «пентатоники» к «хроматике» не означает движения от простого к сложному и обратно (в искусстве нет прогресса). Каждый новый переход к «хроматике», в каком-то смысле, путь обновления «пентатоники», обуславливающий связность всей конструкции. В философском смысле – это процесс осмысления человеком самого себя, собственной «самости», который не мыслим без определённых периодов. Более того, концепт «пентатоника/хроматика» существует ещё как некая эпохальная характеристика, определяющая специфику не полувека, а века – это метапарадигма, представляющая собой общее движение и развитие музыкального искусства. XVIII век, как ни странно, век «хроматики» (вспомним музыку И. С. Баха, мало исполняемую в XIX веке, а в XX обретающую удивительную популярность у исполнителей), XIX век – соответственно эпоха «пентатоники», а вот XX – вновь «хроматики». Исходя из этого, логично предположить, что XXI век должен стать веком «пентатоники», и эти процессы уже наблюдаются в музыкальном мире. В пример можно привести творчество Р. Щедрина, С. Губайдулиной, В. Сильвестрова, даже авангардиста В. Тарнопольского. Те же процессы можно наблюдать и в литературе. Современные писатели всё меньше создают сложные конструкции, требующие необычайного напряжения от читателя, превращающие литературу в некую борьбу с материалом. Можно сказать, что особенно в отечественной литературе происходит процесс перехода от «дионисийского» к «аполлоническому», говоря языком Ницше. Если рассуждать более глобально, то и культуры в целом можно охарактеризовать по вышеозначенному принципу: русская культура тяготеет к «пентатонике», западная – к «хроматике».

Ещё одна проблема, встроенная в глубинное взаимодействие – усложнение музыкального языка и его нотация. В XX веке происходит кардинальный переворот в художественных системах. В музыке появляется новое направление, получившее название «современная музыка», совершившее ломку прежних стереотипов музыкального мышления и потребовавшее перестройку не только академической системы преподавания композиции, но и исполнительских приёмов. Однако российская исполнительская школа до сих пор более сориентирована на

классическое наследие, и «новый» музыкальный язык продолжает оставаться сложным не только для слушателей, но и для исполнителей. В условиях усиливающегося выбора публики в пользу примитивности музыкального языка, происходит ещё большее её обособление от той альтернативы, которую предлагают современные композиторы, создающие сложные музыкальные конструкции. Сюда же можно отнести проблему современной системы фиксирования музыкальных произведений, где задачей первого плана определяется создание как можно более адекватной нотации для исполнителя, который вынужден подчас «догадываться», что же предлагает ему сыграть композитор. Данная ситуация чревата появлением более громоздкой системы, требующей дополнительных усилий, а может и введения специальных дисциплин в консерваториях и музыкальных колледжах.

Одним из самых важных вопросов в деятельности композитора является вопрос о творческом процессе – от идеи произведения, её философского наполнения до исполнения, то есть непосредственного рождения музыки. Несмотря на то, как говорилось выше, на разительные изменения вкусовых предпочтений публики, делающей выбор в пользу «лёгких» по содержанию и смыслу произведений, композиторы, как первого, так и второго поколения продолжают писать музыку, содержательно уводящую в философские проблемы человека – от темы одиночества до поиска смысла жизни. Это проявляется в программности музыкальных сочинений, в жанровых предпочтениях – от камерных пьес до музыкальных спектаклей (опер, балетов, мюзиклов). Однако всё большим приоритетом у современных композиторов пользуются жанры камерной музыки, хотя многие выдающиеся исполнители XX века (С. Рихтер, Н. Гутман, Э. Версаладзе, М. Юдина) полагали, что самые яркие и интересные сочинения относятся именно к камерной музыке. В современных реалиях за этим стоит не только определённый художественный замысел, но и чисто утилитарный интерес – камерные произведения не требуют максимальных ресурсов, как материальных, так и человеческих, для исполнения произведений.

Итак, исходя из частично представленного материала, можно сделать вывод, что современные композиторы весьма критически относятся к недавнему историческому прошлому, не считают своё поколение «ущемлённым», достаточно трезво оценивают свои силы и возможности в пространстве современного мира. Такое мировоззрение можно назвать позитивным, в нём нет апокалиптических нот, так как историю музыкальной культуры они воспринимают не линейно. С другой стороны, композиторы продолжают академическую, присутствующую в русской композиторской школе, традицию, где акцентируется философичность творчества, идея служения искусству, приоритет высокого над профанным, тем самым создавая противовес потоку массовой музы-

ке сомнительного уровня. Хотя в сегодняшних реалиях композитор перестал быть героем своего региона, его творчество востребовано только в узко-специфической среде и непосредственно в профессиональной деятельности. В городах Нижнего Поволжья (Саратове, Астрахани) в течение последних 20 лет не было ни одной крупной премьеры оперы или балета местных композиторов (хотя крупные формы ими создаются). Более того, городские театры (музыкальные и драматические) в большинстве случаев не сотрудничают с местными композиторами, отдавая приоритеты классическому (проверенному временем) репертуару, либо заключая контракты с современными московскими или петербургскими авторами. Также местные масс-медиа не проявляют особого

интереса к творчеству «своих» композиторов. Может ли подобная ситуация постепенно свести на нет деятельность не только музыкальных организаций в регионах, но и саму профессию композитора? Во всяком случае, деятельность, образовавшаяся в 2009 г. дочерней СК России музыкальной организации МолОт под руководством Я. Судзиловского, направленная на консолидацию молодых композиторов (третьего поколения), вселяет надежду, что музыкальные организации регионов продолжат своё существование, а общая позиция опрошенных композиторов, которая определилась по итогам интервью, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее и верить, как было сказано выше, что общество всегда будет нуждаться в животворности музыкальной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Владимирович Рындин / Астраханская государственная консерватория. URL: https://astracons.ru/?page_id=16738 (Дата обращения 4.04.2021).
2. Бутаков Леонид Викторович / Музыкаведы Астраханской консерватории. URL: <https://mvastracons.ru/?p=41949> (Дата обращения 4.04.2021).
3. Дороднов Игорь Николаевич / Союз композиторов России. URL: <https://www.unioncomposers.ru/page/search/?query=дороднов> (Дата обращения 1.04.2021).
4. Манджиев Аркадий Наминович / Союз композиторов России. URL: <https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=41> (Дата обращения 1.04.2021).
5. Морозов Павел Павлович / Союз композиторов России. URL: <https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=83> (Дата обращения 1.04.2021).
6. Музыка опять возвращается (Интервью с астраханским композитором Ю.П. Гонцовым) // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2019. – № 6. – С. 8-16. DOI: 10.7256/2453-613X.2019.6.31113 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31113
7. Павлючук Алексей Вячеславович <https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=662> (Дата обращения 1.04.2021).
8. Полозов Сергей Павлович / Союз композиторов России. URL: <https://www.unioncomposers.ru/composer/view/?id=180> (Дата обращения 1.04.2021).

© Соболева Елена Анатольевна (elenso10@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Abu-Taleb D. – Applicant, Institute for Psychology of Creativity

Aipova M. – Senior Teacher, Ryazan State University named for S.A. Yesenin

Alemaeva A. – Postgraduate student, Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk

Bagno O. – Kuzbass state agricultural academy

Batueva S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Beglova E. – postgraduate student, Kazan Federal University

Berezkina I. – teacher of physics and computer science, MBOU Secondary School No. 36, Belgorod

Bolzan V. – graduate student, Belarusian State University

Bozhedarov D. – candidate of Philology, National Research University N.P. Ogarev Mordovian State University

Chaar Maalouli Maria – Ph.D. Student, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen (St. Petersburg)

Chernov A. – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Volgograd State University; Professor, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch)

Dohoyan A. – Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Teachers' University

Dosmagombetova E. – Baikal State University, Irkutsk

Ganischina I. – The doctor of psychology, senior lecturer, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

Gerasimova O. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Gerasimova O. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Gurieva S. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg State University

Izvekova T. – Cand. of Sc. (Philology), Assistant Professor, Novosibirsk State Medical University

Jiang Dan – postgraduate student, Transbaikal State University; Associate Professor, Heihe University of China

Kalikanova K. – National Research University N.P. Ogarev Mordovian State University

Kazankov V. – Ph.D., doctoral student of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Ceo General of First Legion LLC, St. Petersburg

Kliminskaya S. – PhD in Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

Korablina E. – Doctor of psychological sciences, Professor, Russian State University of Justice

Kurbatov A. – candidate of technical sciences, director, Non-Governmental Educational Institution "St. Alexis Gymnasium "Olsovo", Moscow

Kurbatova L. – PhD in Pedagogy, Honored Teacher of the Russian Federation, Deputy Director, Non-Governmental Educational Institution "St. Alexis Gymnasium "Olsovo", Moscow

Kuzmenkova T. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Russian University of Transport (RUT MIIT), Moscow

Libontova A. – Kuzbass state agricultural academy

Maksoud M. – PhD Student, Saint Petersburg State University

Markova O. – Senior Lecturer, Moscow State Technical University. N.Eh. Bauman

Mayer V. – Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky Ministry of Health of Russia, Krasnoyarsk

Nusinova L. – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department Psychological and diagnostic laboratory, City Psychiatric Hospital, Sevastopol

Rassolov S. – Kuzbass state agricultural academy

Ravochkin N. – Kuzbass state agricultural academy; Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

Rychansky D. – Senior Accountant of LLC "Design and Construction Company", Belgorod

Semchenko L. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Semchenko L. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Smirnov A. – Associate Professor, Moscow State Technical University. N.Eh. Bauman

Smirnov S. – Ph.D., Associate Professor, Yelabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University

Soboleva E. – Cand. of philosophical Sciences(PhD), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Astrakhan state Conservatory»

Sokolova A. – Post-graduate student, Russian State University of Justice

Stolyarchuk O. – Pacific National University, Khabarovsk

Stoyanova E. – Ph.D., Associate Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky Ministry of Health of Russia, Krasnoyarsk

Tarasova Yu. – Candidate of psychological sciences, Associate professor, Russian State University of Justice

Tauseneva M. – Saint Petersburg State University

Tsyganenko O. – Senior Lecturer, Moscow State Technical University. N.Eh. Bauman

Velichko T. – Candidate of biological Sciences, Associate Professor, Moscow State Technical University. N.Eh. Bauman

Vetrov D. – Senior Lecturer, Institute of Film and Television of the GITR

Vorontsova E. – Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk

Zhakupova Ya. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Zhivaeva Yu. – Ph.D., Associate Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky Ministry of Health of Russia, Krasnoyarsk

Zorina N. – PhD in Psychology, Institute of Creative Psychology

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).